

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

современного российского общества:

ПОИСКИ СМЫСЛА ЖИЗНИ

УДК 216.3
ББК 66.3(2РОС)3

Издание подготовлено при поддержке
Российского фонда
фундаментальных исследований
№ 20-011-22007/20

Интеллигенция современного российского общества: поиски смысла жизни. Колл. Монография / Под общей ред. Ж.Т. Тощенко.
Редактор-составитель: Е.А. Колосова. — М.: РГГУ. 2020. 252 с.

Данная монография представляет собой совокупность научных работ, вошедших в серию «Интеллигенция и общество», издаваемую по материалам ежегодных Международных теоретико-методологических конференций по проблемам интеллигенции, проводимых более 20 лет Социологическим факультетом РГГУ.

Она затрагивает проблемы жизненного мира интеллигенции, изменения стилей и образа жизни ее представителей в разное время. В монографии рассмотрена специфика поиска жизненных смыслов ряда социально-демографических и профессиональных групп, намечены перспективы дальнейшего изучения данной проблематики.

Монография предназначена для специалистов разных областей гуманитарного знания, изучающих проблемы отдельных социальных групп, в том числе столь специфических, какой является интеллигенция, а также всех тех, кто интересуется жизненным миром как социально-философской проблемой преломляемой существованием конкретной общности людей, объединенных образовательными, профессиональными и идейными нормами и ценностями.

УДК 216.3
ББК 66.3(2Рос)3

© Коллектив авторов 2020
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2020

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

(ФГБОУ ВО «РГГУ»)

Социологический факультет

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

современного российского общества: ПОИСКИ СМЫСЛА ЖИЗНИ

МОСКВА 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 6

РАЗДЕЛ I. Смыслы жизни интеллигенции: опыт теоретического анализа

От гомогенности к сословности: эволюция или деформация социальной структуры российской интеллигенции. Тощенко Ж.Т.	12
Смыслы жизни интеллигенции (опыт сравнительного анализа). Цапко М.С.	20
Стереотипы и реальность смыслов жизни современной интеллигенции. Яковенко А.В.	33
Становление смыслов жизни советской интеллигенции (размышление над общей и индивидуальной судьбой). Возьмитель А.А.	42

РАЗДЕЛ II. Смысл деятельности интеллигенции в политической и социальной жизни общества

Российская интеллигенция в дихотомии «власть — оппозиция»: историко-социологический анализ. Великая Н.М.	52
Политические установки в пространстве жизненного мира российской интеллигенции. Кученкова А.В.	65
Формы отчуждения интеллигенции в российском обществе. Вдовиченко Л.Н.	75
Политическая роль современной гуманитарной интеллигенции. Воробьева И.В.	84
Мировоззренческие установки интеллигенции. Галкина М.М.	96
Многообразие форм гражданской активности российской интеллигенции (опыт ретроспективного анализа). Баранова Г.В.	106
Социально ориентированные некоммерческие организации как сфера самореализации современной интеллигенции. Милованова М.Ю.	117
Молодая интеллигенция: трудовое поведение и степень его прекаризации. Колосова Е.А.	133
Семья в жизненном мире молодой социально-гуманитарной интеллигенции. Солодников В.В.	144
Смыслы отцовства. Шевченко И.О.	

РАЗДЕЛ III. Смыслы жизни интеллигенции в сфере образования и культуры

Интеллигенция в поисках идентичности: институциональный анализ. Левичева В.Ф., Диманс С.Л.	152
Смыслоразнозначные ориентации сибирской интеллигенции (на материалах Республики Бурятия). Осинский И.И., Добрынина М.И.	165
Смыслы построения карьеры в биографиях научно-технической интеллигенции. Попова И.П.	172
Профессионализм и профессиональная культура вузовской интеллигенции в условиях образовательных реформ. Гришина Е.А.	181
Смыслы деятельности преподавателей вузов: состояние и перспективы. Лучихина Л.Ф., Михайлова О.Р.	189
Сельский учитель: выполняю ли его миссия? Буланова М.Б.	197
Педагоги дошкольного образования: ценность труда и ценности в труде. Колесникова Е.М.	205
Социально-экономический статус и престиж профессии врача в оценках россиян и медицинских работников. Белова Н.И.	213
Феномен паракультуры и интеллигенция. Тартыгашева Г.В.	219
Сетевой человек в поисках смысла жизни. Уразалиева Г.К.	229

НАШИ АВТОРЫ 237

ПРИЛОЖЕНИЕ 239

Введение

Настоящая монография составлена из статей и выступлений преподавателей социологического факультета Российского государственного университета и их коллег на Международных теоретико-методологических конференциях по проблеме «Интеллигенция и общество». В этой монографии опубликованы тексты, подобранные по одному из важнейших обсуждаемых направлений — смыслам жизни российской интеллигенции.

В современной России остро стоят цели вовлечения основных социальных групп россиян в реализацию государственных и общественных преобразований. Особое значение имеет анализ сущности смыслов жизни и такой важнейшей социальной общности как интеллигенция. Ситуация в российском обществе такова, что без мобилизации человеческих ресурсов, сформированных на уровне сознания и повседневного поведения, невозможно осуществить проектируемые изменения. Актуальна и задача преодоления апатии, нейтральности и воздержания от участия в решении проблем публичной (общественной) жизни. Поэтому анализ смыслов жизненного мира интеллигенции, ее социальной активности даст возможность получить как научно-обоснованное представление о процессах, происходящих в сердцах и душах людей, так и получить обоснованные рекомендации по включению очевидных и латентных человеческих ресурсов в реализацию экономической, социальной и культурной политики в стране.

В первой части монографии дается осмысление концептуальных идей по проблемам смысла жизни российской интеллигенции как в современном мире, так и в исторической ретроспективе, а также определяются возможные перспективы ее дальнейшего развития.

Осуществлена плодотворная попытка определения основных показателей (индикаторов) смысла жизни российской интеллигенции и их проявления в современном российском обществе, что направлено на достижение более строгого понимания сущности смысла жизни как основного ориентира ее сознания и поведения в различные исторические эпохи. Кроме того, высказаны предложения по определению устойчивых смыслообразующих ценностных ориентаций, а также мировоззренческие принципы, которыми люди интеллектуального труда руководствуются и которые они стремятся осуществить в своих взаимоотношениях с обществом и государством. Такой подход стал базой для социологического конструирования смысла.

Во второй части осуществлен анализ реализации смыслов жизни интеллигенции в основных сферах жизни общества — в экономической, социальной, политической и культурной. С этой целью дана попытка интерпретации главных смыслов жизненного мира, определяющих основные жизненные цели интеллигенции и имеющие наибольшую для них ценность. Поэтому вполне естественно, что основное внимание, прежде всего, уделено смыслам профессиональной деятельности российской интеллигенции. Такой подход вполне оправдан, ибо облик профессии и ее реализация всегда были, есть и будут определяющими в жизни человека. Так как смыслы жизни интеллигенции проявляются и в социальной сфере общества, рассмотрены различные его составляющие — начиная с анализа особенностей их реализации в региональном аспекте. Представлены оригинальные суждения о смысле в сфере политики и духовно-культурной деятельности интеллигенции. Это чрезвычайно важные аспекты жизненного мира интеллигенции,

потому что, на наш взгляд, они вместе со смыслами профессиональной деятельности представляет ключевое звено в характеристике внутреннего богатства людей, избравших различные виды умственного труда.

В третьем разделе рассмотрены особенности смыслов жизни ряда социальных групп интеллигенции — гуманитарной, научной, преподавательской, технической интеллигенции с обращением особого внимания на смыслы профессиональной деятельности социологов. Рассмотрена специфика смысла жизни у ряда социально-демографических групп. Пониманию процесса профессионального пути молодежи также уделено внимание в связи с анализом ее трудового пути.

Для интеллигенции, более чем для других социальных групп имеет значение, насколько коррелируют полученное образование и выполняемая работа, насколько она их удовлетворяет. Для нее очень важно мнение общества о качестве выполняемых ею функций, как и реализация своих природных потенций и талантов.

Вместе с тем, необходимо отметить, что в результате ошибочной и даже порочной официальной неолиберальной политики были деформированы смыслы деятельности многих групп интеллигенции. Вместо смысла служения народу, делать благо для общества, практически вся область ее деятельности была ориентирована и превращена в «сферу услуг», когда ее действия были приравнены к работе продавца, парикмахера, дворника и других лиц, которые действительно оказывают необходимые услуги, нужные для организации повседневной жизни, но выполняющих другие функции, несопоставимые с деятельностью интеллигенции. Осуществляемая коммерциализация сферы деятельности интеллигенции привела к ее подчинению утилитарным

целям, когда эффективность стала измеряться посредством таких показателей как доход, прибыль, самоокупаемость, снижение затрат, в том числе и на оплату труда, а не служению общественному благу. В целом монографию по этой проблеме можно охарактеризовать как начало обстоятельного разговора, обмена мнениями и суждениями по новаторской проблеме социологического знания — смыслу жизни. Хотелось бы выразить надежду, что этот новый подход и первые попытки осмысления этого феномена послужат дальнейшему осуществлению поиска более глубокого анализа происходящих глубинных и кардинальных общественных процессов.

Ж.Т. Тощенко член-корреспондент РАН,
зав. кафедрой теории и истории социологии,
научный руководитель социологического факультета
Российского государственного гуманитарного университета,
главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

РАЗДЕЛ I

СМЫСЛЫ ЖИЗНИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ: ОПЫТ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

От гомогенности к сословности: эволюция или деформация социальной структуры российской интеллигенции¹

Постановка проблемы. В современном российском обществе травмы происходит радикальная трансформация его социальной структуры, что проявилось в достаточно четко обозначившемся процессе нового классообразования — появление и формирование правящего класса, среднего класса и прекариата, которые возникли на базе ранее существующих интеллигенции, рабочего класса и крестьянства и которые в свою очередь распались на многообразные социальные группы, стоящие на различных мировоззренческих, социально-экономических и политических позициях. Особо следует выделить специфические изменения в такой социальной общности, ранее именуемой классовой прослойкой — в среде интеллигенции. Основная проблема состоит не в том, что есть ли или нет интеллигенция, исчезает ли она и куда в этом случае исчезает, сколько в том, чтобы выявить реальные процессы, происходящие в этой социальной общности под влиянием происходящих экономических и политических преобразований. Интеллигенция — это не самоназвание, а результат объективных изменений в обществе и государстве, которые влияют не только на ее численность, сколько на важнейшие ее черты, характеризующую смысл, образ и стиль ее жизни. При этом особую значимость приобретает состояние интеллектуального потенциала страны, который олицетворяет интеллигенция. Именно такая постановка вопроса ставит перед нами необходимость осуществить анализ нового состояния этой социальной общности, происшедших в ней изменений, выявить как позитивные, так и проблемные аспекты ее развития, инструментом чего является описание и объяснение ее стиля и образа жизни.

1. Переработанная и дополненная статья Тощенко Ж.Т. Современная российская интеллигенция: от гомогенности к сословности // Интеллигенция: многообразие образов и стилей жизни / РГГУ, Социолог. фак-т, Центр социолог. исследований. Под общей ред. Ж.Т. Тощенко. Редакторы-составители: М.С. Цапко, Е.В. Зверев; М.: РГГУ, 2020. С. 13-19.

Что представляла собой советская интеллигенция? Говоря о советском периоде жизнедеятельности интеллигенции, можно отметить, прежде всего, ее гомогенность — устоявшиеся черты трудовой и общественной жизни, сравнительно одинаковый уровень социального положения, присущих основной массе ее представителей. Поэтому не удивительно, что главными различиями в образе и стиле жизни были профессиональные различия. Именно профессиональная структура интеллигенции (как и общества) была главной характеристикой большинства людей умственного труда. В соответствии с этим и официально и в повседневном восприятии общества оценивалась их деятельность в процессе труда. Причем, никакая профессия интеллигенции особо не выпячивалась по сравнению с другими: на официальном уровне и в общественном сознании находились свои особые и значимые позитивные и привлекательные черты, будь то профессия инженера или учителя, работника культуры или военнослужащего, врача или актера. Т.е., выполняя различные виды работы, они по-своему, без противопоставления друг другу, воспринимались остальным населением, работниками физического труда. Высока была и самооценка — получение высшего или среднего специального образования — воспринималась как значимая, обязывающая возможность проявить себя, оценить представленные и полученные блага, что в свою очередь ставило необходимость доказать свои компетентность и профессионализм. За скобками этих рассуждений я оставляю колебания потребности, а иногда моды на те или иные профессии (наподобие оценки «физиков» и «лириков» в конце 1950 х и в 1960-е годы после поразительных успехов в Космосе, достижений в авиации, машиностроении и др. отраслях производства). При этом, конечно, мы не сбрасываем со счетов то, что были лица и группы отклоняющегося и даже противоправного поведения. Однако для большинства советской интеллигенции было характерно примерно одинаковое материальное и социальное положение, которое диктовало и формировало похожие образ и стиль жизни.

Для советского периода интеллигенция находилось в состоянии высокой социальной мобильности. Это было связано с активным поощрением государства по получению молодежью профессий на всех уровнях образования, в том числе и высшего. В этих условиях многомиллионная интеллигенция была подлинно народной, вышедшей в большинстве своем из рабочих и крестьян. Хорошо работал так называемый социальный лифт, когда выходцы из всех слоев народа имели реальную возможность (и так оно и получалось) стать не только руководителями крупных предприятий и организаций, но и достигать высоких государственных постов.

Ситуация на производстве, во всех сферах общества была нацелена на то, чтобы выявлять и всячески поощрять как высшую категорию творцов, но и в не меньшей мере разработчиков и исполнителей этих поисков и нововведений, что создавало атмосферу взаимного уважения и доверия во имя поставленных перед ними целей (Подробнее см.: [Флорья, Корносенков, 2008; «Новая» и «старая» интеллигенция, 2012]).

Основные изменения в социальном положении современной российской интеллигенции. В 1990-е годы после распада СССР, в результате целенаправленной политики по уничтожению социалистического прошлого и попыток испытывать бесконечное количество рецептов по строительству капитализма, стали изменяться не только цели, но и средства и методы по созданию новых общественных отношений. Перечислим некоторые из них. Во-первых, ориентиром для пришедших к власти неоллибералов стала организация жизни интеллектуальных слоев по опыту западных стран. Перенос чужих достижений без учета национальных особенностей не мог самым отрицательным образом сказаться на образе жизни интеллигенции. Особенно губительно для ее состояния стало массовое закрытие предприятий, перестройка деятельности в сферах культуры, образования, науки, здравоохранения. Что, например, значит, такое «достижение»: по данным бывшего директора НИИ статистики В. Симчера, в 1990-е годы было приватизировано 42 тыс. предприятий, из которых 30 тыс. полностью прекратили свое существование. Как следствие помимо резкого снижения выпуска продукции, товаров и других результатов производственной деятельности произошла массовая депрофессионализация, когда сотни тысяч инженеров и техников были выброшены на улицу. И их судьба никого не интересовала, кроме их самих. В этой ситуации стоит ли удивляться тому, что все 1990-2010-е годы был низок набор на инженерные факультеты, а специальность инженера и техника обладала низкой степенью популярности.

А если к этому добавить, что ценность образования резко уменьшилась в представлении людей, став рассматриваться как получение «корочек», как средство занять более или менее приемлемую социальную нишу, а отнюдь не усвоение содержания и мастерства своей профессии.

К этому стоит добавить беспрецедентную атаку на само понятие «интеллигенция» с попыткой заменить его понятием «интеллектуалы». И хотя в самом деле появилась определенная прослойка людей, предпочитающих именовать себя интеллектуалами и/или профессионалами, и в научной лексике и быденном сознании продолжает преобладать слово «интеллигенция» для обозначения лиц, занятых преимущественно умственным трудом.

Вместе с тем, нынешняя черта интеллигенции наряду с традиционными стали приобретать особые, специфические характеристики. Прежде всего, отметим тот факт, что распалась интеллигенция *по мировоззренческим ориентациям*. Желание изменить общественную и личную жизнь, которое охватило часть наиболее активной интеллигенции в конце перестройки в 1980-е годы и имело следствием отрицание советских ценностей, постепенно привело к расколу и распаду некогда устойчивых профессиональных и даже дружеских связей. Новые рыночные времена выявили парадоксальный факт — часть радикальной перестроечной интеллигенции продолжили свою карьеру в виде получения различных политических и экономических дивидендов. Другая ее часть разочаровалась в новых реалиях и в большинстве своем погрузилось в состояние анонии, безразличия, отказа от активного проявления своего общественного лица. Наряду с той группой, которая придерживалась социалистических и коммунистических идеалов стали возникать и функционировать различные группы, придерживающиеся праволиберальных, религиозных, анархистских и других идеологических установок. Следствием распада на различные мировоззренческие ориентации стали идеологические войны между этими группами, которые в силу присутствия им амбиций пытались убедить россиян в их превосходстве по сравнению с другими, а потом крайне удивлялись, что народ не оценил их «благих» намерений и отказался поддерживать их даже во время выборов. На это различие и противопоставление серьезно повлияло причастность тех или иных профессиональных групп к различным формам собственности, к владению ее или причастность, «прислоненность» к власти.

Не менее значимые изменения в жизненном мире интеллигенции стали происходить в ценностных ориентациях и установках, которые все больше становились определяющими в строительстве образа и стиля жизни в национальном аспекте. Эти изменения породили *этнонациональные зигзаги*, которые стали служить объединению различных групп интеллигенции по этническому и даже конфессиональному принципу. Более того, они стали противопоставляться культуре, традициям, обычаям других народов, стали приобретать значение не бесспорных ценностей, что привело к взлету различных националистических страстей. Соответственно возросло влияние радикальных реваншистских и даже фашиствующих сил. Как результат, образовывались неоднозначного типа организации, которые брали на вооружение идеологию и действия, попирающие достоинство и самосознание других этнических групп.

Интеллигенция постепенно теряла свое прежнее особое и особенное лицо в глазах общества. Исследования социологов РГГУ выявили тот факт, что при оценке роли интеллигенции в современном российском обществе, ее мировоззрение оказалась мало отличным от мнения и суждений народа: интеллигенция играет незначительную роль в жизни общества — с этим согласились 46,1% населения и почти 50% интеллигенции [Как живешь, интеллигенция, 2016: 335-336].

В пореформенной России интеллигенция оказалась отстраненной и от формирования ориентиров для построения представлений о нормальной общественной и повседневной жизни народа. В массовом воздействии на умы россиян влияют убогая и даже преступная политика СМИ и других средств массовой коммуникации с их пропагандой и проповедью самых различных форм насилия, пренебрежения к элементарным нормам жизнедеятельности людей.

Новые «сословия» в среде российской интеллигенции. В результате происходящих значительных и значимых изменений социальная структура российской интеллигенции стала приобретать черты сословности [См., например, Кордонский, 2008; Немировский, 2017]. Напомним, что сословия как показатель структуры общества обрели облик и стали существовать в средние века в виде как господствующих группировок (правящие слои, военная верхушка и духовная иерархия) и так низестоящие, подчиненные группы населения. Потом эти группы дополнялись или модифицировались вследствие развития общества. Так, в России в XIX веке сложились сословия, которые имели определенные зафиксированные законом права и обязанности: дворянство, духовенство, крестьянство, купечество и мещанство. Эти сословия отражали объективно сложившиеся отношения крупных социальных общностей, служили основой для управления ими и использования их возможностей и потенциалов для организации и упорядочивания государственного устройства.

Конечно, основой такой социальной структуры были соответствующие экономические и политические отношения, которые фиксировали роль и значение каждого из этих сословий и направляли их деятельность по решению возникающих в государстве проблем как перспективных, так и текущих. Слом этих отношений в ходе происходящих в России революций привел к образованию новой классовой структуры, которая стала характерной сначала для капиталистического, а потом при определенной модификации социалистического общества.

Поэтому вполне объяснимо и даже логично, что смена общественных отношений в России в начале 1990-х годов повлекла изменения и в социальной структуре. Но вопреки ожиданиям и логике капитали-

стического пути развития в современной России стали образовываться не классы, а специфические социальные общности, более похожие на сословия со всем вытекающими отсюда последствиями.

Остановимся на характеристике этих формирующихся и функционирующих сословий в среде интеллигенции.

Во-первых, это своеобразная прослойка, которую многими признают как политическая и экономическая элита, хотя есть и противоположные взгляды на эту прослойку, называя ее кликами, кланами и кастами (Тощенко, 2008: 374-392). Если обобщить основные характеристики этой прослойки, то для нее характерны две явных — обладание властью и капиталом. И одна латентная — стремление возвышаться над народом, считать себя образцом мудрого руководства с претензией быть эталоном умения добиться обогащения и привилегированного жизнеустройства без всяких ограничений во времени и пространстве. К этому сословию можно отнести достаточно крупные бизнес-круги и политизированные группировки, непосредственно приближенных к власти, обслуживающих эту власть за удовлетворяющее их вознаграждение. Например, по итогам 2019 г. 18 топ-менеджерам Сбербанка получили только в виде бонусов 243 млн рублей.

Стоит обратить внимание и на замкнутость этой группы. Попав на определенный уровень политической и экономической власти, представители этой элиты перемещаются внутри этой группы, практически не допуская или дозированно допуская в свои ряды претендентов на такое положение в политике и/или бизнесе. Т.е., проявляется одна из основных черт сословия — замкнутость, закрытость, тщательный отбор тех, кто претендует на место в этих рядах. И здесь часто в виде критерия принадлежности к этому сословию выступают не деловые качества, не творческий потенциал претендента, а nepотизм — родственные, земляческие и групповые связи или долговременная демонстрация верности.

Во-вторых, в самостоятельное сословие оформляется такая социальная общность как чиновничество. Напомним, что в свое время Ельцин, стремясь к власти, небезуспешно использовал такой козырь против КПСС, постоянно говоря и возмущаясь огромной численностью советского и партийного аппарата. Но уже во времена его президентства эта численность превысила весь чиновничий аппарат не только СССР, но в совокупности и РСФСР. Рост чиновничества продолжался и в 2000-е годы, несмотря на регулярные заявления о его сокращении, после чего его увеличение не прекращало свой тренд и по нынешний период времени. По данным Росстата, с 2000 г. по 2017 г. численность чиновников выросла с 1161,5 тыс. до 2172,9 тыс. человек.

Но росла не только численность, но и закрытость, замкнутость этой группы, которая базировалась на убежденности, что все возникающие в обществе проблемы могут решать только специально на это уполномоченные и доверенные люди. Эта абсолютная уверенность, что только чиновники как специально уполномоченные на это люди могут успешно решать государственные проблемы, проникает в их сознание и поведение, убеждая их в том, что они возвышаются над всем остальным народом. Но жизнь показывает, что речь должна идти не только о количестве, но и качестве. Реальность свидетельствует, что в этом безудержном росте чиновничества появляются такие его представители, которые попали в ее ряды отнюдь не в результате качественного отбора по признаку компетентности, умений и талантов. Комплектование этого слоя осуществлялось не случайно — шел подбор по признакам верности, семейности, землячества и т.п. принципам. В результате создается достаточно замкнутая группа, которая не допускает в свои ряды чужих, а сама, перемещаясь по широкому полю этой формы занятости. Но самое главное — и ущербное — в этом процессе — перекрывается доступ в этот круг управленцев способных творчески одаренных людей, но и принадлежащих другим слоям и общностям.

В-третьих, практически возродилось такое сословие как духовенство. И не только православное. Эти группы, говорящих от имени Бога — христианские, мусульманские, буддистские, иудейские и др. — получили большую государственную поддержку, стали претендовать на участие в решении всех без исключения дел государства и общества — от политических и экономических до вмешательства в дела образования, культуры и даже военной службы. Как показал процесс обсуждения поправок в Конституцию РФ, реализована заявленная устами патриарха Кирилла претензия на отражение в этом документе слова Бог, несмотря на то, что Россия провозглашена светским государством.

В-четвертых, имеется ярко выраженная тенденция по формированию этнических сословий интеллигенции, которые замыкаются на национально-конфессиональных интересах, концентрируют свое внимание на традициях и обычаях своего народа и одновременно противопоставляют их аналогичным проявлениям форм культуры других наций и народностей. Отсюда не далеко от экстремистских действий, а при приходе к власти, как это случилось в странах Балтии, на Украине, в Грузии и других странах к ущемлению прав и свобод других людей по этноконфессиональному признаку.

На пути (или по крайней мере имеется ярко выраженная тенденция еще советских времен) превращения *в подобие сословия становится формирование артистической и художественной среды* за счет не толь-

ко прямых и косвенных родственников, но и за счет приближенных по тем или иным причинам соискателей сценической и соответственно публичной славы. Поэтому справедливы упреки не только представителей этой среды, убежденных, что таланты не предаются по наследству.

Наряду с этими условиями осуществляется попытка вернуться к исшившему себя прошлому и образовать такие группы, которые по сути дела можно назвать *квази-казачеством, квази-дворянством, квази-купечеством* и тому подобными фантазиями, которые, на наш взгляд, в лучшем случае могут претендовать на роль некоторых этнографических воспоминаний и обрядов, не более.

Анализ данных явлений позволяет утверждать, что наряду с новым классовым образованием в виде среднего класса, прекариата и даже андеркласса возникли, создаются и имеют тенденцию закрепить свою роль в жизни общества, отчетливо проявляя свое влияние на решение кардинальных проблем, такие социальные группы как элита, чиновничество, духовенство, а также квази-группы в виде казачества, новых дворян и потомков купечества. Такая тенденция и такие явления могут иметь далеко идущие последствия, так как они искажают процесс действительно рационально развития общества, несут угрозу его деформации, закупоривают социальные лифты, консервируют канувшие в прошлое характеристики и даже угрожают возобновлению и возрождению феодальных принципов жизни.

Список литературы

- Как живешь, интеллигенция? Социологические очерки / Отв. ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга. 2016.
- Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008.
- Немировский В.Г. Представления о справедливости в контексте сословной структуры современного российского общества // Социологические исследования. 2017. №9. С. 40-47.
- «Новая» и «старая» интеллигенция. Общее и особенное. Сб. статей. / Под ред. Ж.Т. Тощенко; ред.-сост. М.С.Цапко. М.: РГУ. 2012.
- Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2008.
- Флоря А.В., Корносенков С.В., Слово «интеллигенция» в современном публицистическом дискурсе // Свободная мысль. 2009. № 9.

Смыслы жизни интеллигенции (опыт сравнительного анализа)¹

Постановка проблемы. В процессе исследования «Как живешь, интеллигенция?» (рук. Ж.Т. Тощенко), проведенного социологами РГГУ в 2016 г. в рамках проекта РНФ, были опрошены представители трех сфер, традиционно воспринимаемых как сферы деятельности интеллигенции: образование, медицина и культура. Анализ полученных данных продемонстрировал отличия не столько между представителями этих сфер, сколько между специалистами разного уровня образования [Цапко, 2017]. Сравнения с результатами общероссийских опросов взрослого населения не давало существенных отличий практически ни по одному из значимых индикаторов. Это было связано с существенной долей лиц со средним образованием в составе опрошенных. Ценностные установки, оценки социальной реальности, поведенческие особенности и жизненные стратегии этих людей не отличались от аналогичных характеристик населения страны в целом. Такой анализ актуализировал проблему уточнения границ социальной группы, называемой интеллигенцией и признание высшего образования существенным фактором, определяющим эту группу.

Данные рассуждения привели к необходимости работы с данными, касающимися исключительно лиц с высшим образованием как реальных носителей характеристик интеллигенции. В результате стало возможным выявление различий в зависимости от сред занятости и выделение основных жизненных смыслов, которые в последствии изучались в ходе качественных исследований.

Ценностные установки интеллигенции

Несмотря на общую значимость ценностей, занявших первые места для каждой социальной группы, проявились свои особенности. Семья — наиболее значимая ценность для работников культуры и об-

1. Переработанная и дополненная статья Цапко М.С. Главные смыслы жизни российской интеллигенции // Смыслы жизни российской интеллигенции / РГГУ, Социолог. фак-т, Центр социолог. исследований. Под общей ред. Ж.Т. Тощенко. Редактор-составитель Д.Г. Цыбикова; М.: РГГУ, 2018. С. 73-83.

разования (97% и 96% соответственно). Работа оказалась более значима медикам (90%). А вот политика интересует всех почти в одинаковой мере (в пределах 18%). Друзья наиболее значимы для работников культуры (71%), а наименее — медикам (63%). Во многом сказываются и профессиональные приоритеты. Так, именно работники культуры чаще других ставили на первые места в иерархии ценностей культурный досуг (60%). Тогда как религия и здоровье выбирались чаще медиками (33% и 91% соответственно).

Если выстроить иерархию ценностных установок обследованных групп, то получим таблицу, иллюстрирующую профессиональные особенности интеллигенции, которые хоть и не разительно, но отличают одну группу от другой.

ТАБЛИЦА 1. Иерархия ценностных установок интеллигенции (в %)

Ценностные установки	Место в иерархии	Работники сферы образования	Работники сферы медицины	Работники сферы культуры
Семья	I	96	94	97
Работа	II	88	90	87
Здоровье	III	88	91	87
Друзья	IV	66	63	72
Культурный досуг	V	41	43	60
Религия	VI/VII	28	33	29
Общественное признание	VII/VI	22	31	35
Политика	VIII	17	18	17

Помимо очевидно повышенного внимания медиков к здоровью, а работников культуры — к культурному досугу, прослеживается чуть более высокая значимость религии у врачей и сниженная потребность преподавателей в общественном признании. Чего не скажешь о работниках культуры, у которых значимость общественного признания заметно превышает ценность религии. Политика не стала большой ценностью ни у одной из изученных групп, однако она заметно более значима среди лиц с высшим образованием, чем среди работников изучаемых сфер со средним специальным образовательным уровнем (12% и 17% соответственно). Это еще раз укрепляет уверенность в необходимости учитывать образование при выделении группы интеллигенции.

Ценностные установки определяют жизненные смыслы, которые для интеллигенции являются основным мерилем удовлетворенности жизнью. Являясь мировоззренческими конструктами, жизненные смыслы, раскрывающие актуальную сущность убеждений, мотивов, действий людей, в отличие от норм и ценностей, передающихся из поколения в поколение, связаны с текущим временем, проявляющимся в особенностях экономической, политической, социальной и культурной сферах жизни общества. С ними согласуются взаимоотношения людей как с внешним миром, так и с собственным смыслом существования [Межуев, 2015; Тощенко, 2016].

В ценностных установках, определяющих жизненные смыслы интеллигенции, на первый план выходят не столько уровень доходов, качество питания и медицинского обслуживания, как это происходит у других групп населения, сколько удовлетворенность работой, степень ее востребованности в обществе, возможность самореализоваться, удовлетворить свои потребности в общении, в культурном досуге. Причастность к проблемам своей страны, общества и окружающих также сказывается на удовлетворенности жизнью интеллигенции. Педагог, врач или работник культуры не могут чувствовать удовлетворения от жизни, если его соотечественники: ученики, пациенты, посетители учреждений культуры находятся в неудовлетворительных условиях. Таким образом, следуя за выявленными приоритетными ценностными установками, проанализируем основные смыслы жизни современной российской интеллигенции.

Большая часть представителей интеллигенции имеет семью, находясь в официальном браке (66%) или в гражданском (8%). Представителям сферы культуры более свойственны неформальные семейные отношения. Среди них не состоящих в браке 22%, при этом среди педагогов 16,5%, а среди медиков — 11%. Таким образом, подтверждается давно сформированный стереотип о специфичности матримониальных отношений у творческих людей, чья жизнь полна экзальтаций. Однако ценность семьи безусловна для всех изученных групп вне зависимости от формы ее существования.

Работа — занимает максимальное место в сознании медицинских работников (90%). Врач настолько предан своему делу, что только 4% для него отделяют ценность семьи от ценности работы, которую по праву можно назвать миссией. Но и для педагогов, и работников культуры работа занимает второе место в иерархии ценностей (88% и 87% соответственно). При этом именно врачи чаще других говорили о полной удовлетворенности своей работой (более 26%; педагоги — 19%, работники культуры — 24%). Тем не менее, общий уровень удовлетво-

сти работой довольно высок: 89% работников образования «полностью удовлетворены» или «в целом удовлетворены, но не во всем»; 90% врачей и 92% работников культуры.

Это связано в том числе и с тем, что большинство представителей российской интеллигенции убеждены, что их квалификация соответствует выполняемой работе и занимаемой должности. В среднем этот показатель составляет 72%, где самый высокий уровень у педагогов (76%), а самый низкий у работников культуры (69%). Именно людям этих профессий свойственен «творческий непокой», который вылился почти в 20% тех, кто считает занимаемую должность ниже своих возможностей.

Значимым в данном контексте является рассуждение о том, что видится российскому интеллигенту наиболее важным в его работе. Традиционно лидирующая для всех социальных групп характеристика «величина заработка» в случае с интеллигенцией конкурирует с «интересной по содержанию», уступая всего 4% в среднем, а в случае с работниками культуры, вовсе не уступая зарплате. Для врачей выделяется значимость условий труда, которые демонстрируют в конечном счете возможности по оказанию медицинской помощи. Значимость этой характеристики существенно отличает врачей от других изучаемых групп, равно как и «полезность работы для общества».

ТАБЛИЦА 2. Важность факторов работы (в %)

Наиболее важный фактор в работе	Работники сферы образования	Работники сферы медицины	Работники сферы культуры
Величина заработка	16,8	25,7	16,4
Чтобы работа была интересной по своему содержанию	13,1	16,4	16,3
Условия труда	12,5	21,2	10,3
Полезность работы для общества	8,2	15,8	8,6
Близость работы к месту жительства	5,4	6,2	4,7
Возможность быть в коллективе	3,7	6,1	6,1
Возможность занимать определенное положение в обществе	2,3	5,4	3,7
В работе все важно для меня	8,7	8,9	6,4
Затрудняюсь ответить	0,0	0,2	0,0

На вопрос, напрямую связанный с оценкой собственного места работы и соответствующего *статуса*, «*Какие обстоятельства, на Ваш взгляд, определяют сегодня социальное положение и престиж человека в нашем обществе?*» были получены ответы, демонстрирующие вдумчивую явно отрефлексированную позицию. Наиболее часто давался ответ «*обладание властью или доступ к ней*» (18,8%), на втором месте «*владение деньгами, материальными или другими ценностями*» (18,3%), на третьем — «*связи с нужными людьми*» (17,7%). Остальные ответы давались значительно реже. При этом наибольшее число ответов принадлежит врачам.

ТАБЛИЦА 3. Факторы, определяющие социальное положение (в %)

Факторы	Работники сферы образования	Работники сферы медицины	Работники сферы культуры
Владение деньгами, материальными или другими ценностями	17,0	21,7	16,2
Обладание властью или доступ к ней	17,5	22,2	16,6
Связи с нужными людьми	15,7	20,8	16,5
Личные достижения в образовании и профессиональной подготовке	10,2	17,0	11,9
Личные качества (ум, привлекательность, сила и др.)	8,3	9,8	8,7
Социальное положение семьи	5,3	4,9	3,5

Для подавляющего большинства российской интеллигенции основным *источником доходов* является заработная плата на основном месте работы (99%). Насколько справедливой видится оплата труда ее представителям? Несмотря на то, что 67% считают оплату труда справедливой или не всегда справедливой, существенная часть убеждена в несправедливости оплаты труда. Наиболее неудовлетворенными в этом смысле являются представители сферы образования. Среди них лишь 17% считают свой труд справедливо оплачиваемым, тогда как среди врачей такого мнения придерживаются 28%, а среди работников культуры 24%. Ответ «*несправедливо*» на соответствующий вопрос дали 29% преподавателей, 28% врачей и 21% работников культуры.

Для такого мнения есть основания. На открытый вопрос о размере заработной платы были получены ответы, свидетельствующие о том, что более 73% преподавателей получают в пределах 30 000 рублей и менее. Среди врачей таких было 67%, а среди работников культуры 65%. Одна-

ко именно преподаватели чаще других уклонялись от ответа на данный вопрос. Скромное материальное положение работников сферы образования косвенно подтвердилось и в рассуждении о том, какие условия жизни гарантирует им семейный бюджет. 68% педагогам семейного бюджета хватает лишь на еду и одежду или «*живут от зарплаты до зарплаты*». Тем не менее, ответов «*еле сводим концы с концами, экономим на всем*» среди работников сферы образования почти не было. Да и в среднем такой вариант ответа выбрали только 2% представителей интеллигенции, тогда как среди всего взрослого населения россиян к нему склонились 10%. Самыми обеспеченными среди изучаемых групп стали врачи. Около половины из них заявили, что «*могут себе позволить любые крупные расходы*» или просто «*живут в достатке*». В составе всего населения доля таких обеспеченных россиян составляет 36%.

Таким образом, несмотря на сложившиеся стереотипы о том, что российская интеллигенция «*бедная, но гордая*», уровень благосостояния ее представителей выше относительно всего населения страны. Это подтверждает тезис Р. Анисимова о том, что в результате либеральных реформ больше выиграли представители именно этих профессий [Анисимов, 2015].

Политические ориентации интеллигенции

Исторически сложилось, что интеллигенция — группа, одной из социальных функций которой является критицизм. Критическое отношение к социальной реальности и деятельности власти делает ее особенно вовлеченной в **политическую повестку страны**. Однако, если 15% россиян заявляют, что активно интересуются политикой, то среди представителей интеллигенции эта доля составляет лишь 11%. Возможно это связано с более вдумчивым и ответственным заявлением. Тем более, что по сравнению с лицами со средним образованием, включенных в изучаемые сферы деятельности эта доля заметно выше (только 5% лиц со средним образованием «активно интересуются» политикой).

Политические пристрастия российской интеллигенции разнообразны и распределяются преимущественно между левыми, правыми и патриотическими. При этом среди работников образования больше представителей левых взглядов, а среди работников культуры больше правых. Однако наиболее популярными среди всех подгрупп стали взгляды, условно названные нами как патриотические. Их выбрало в общей сложности 22,3% представителей интеллигенции. Однако каждый третий затруднился в определении собственных политических взглядов.

ТАБЛИЦА 4. Политические ориентации интеллигенции (в %)

Политические взгляды	Работники сферы образования	Работники сферы медицины	Работники сферы культуры
Левые (социалистические, коммунистические)	18,6	11,6	11,7
Правые (либеральные)	16,1	14,5	18,7
Патриотические	25,6	22,6	18,3
Национальные	5,0	7,5	6,5
Монархические	2,5	3,8	4,4
другие	1,2	1,2	1,3
затрудняюсь ответить	31,0	38,8	39,1

Сравнение с политическими взглядами всех россиян дают любопытную особенность. Если в предпочтениях всего населения второе место после патриотических позиций занимают левые взгляды, то в среде интеллигенции — правые. Этот тезис подтверждает и распределение мнений представителей российской интеллигенции относительно того, какой политический и экономический строй наиболее подходит России. Первое место занимает «Экономика преимущественно с государственной собственностью на источники энергоресурсов, добычу ископаемых и крупные предприятия, при сохранении частного малого и среднего бизнеса» (48%), на втором — «Рыночная экономика с элементами государственного регулирования (государственный капитализм)» (26%), на третьем — «Социализм, плановая экономика, государственная собственность» (15%). Существенных отличий по сферам деятельности не выявлено.

Существует и единство представителей разных сфер в трактовке и понимании *самоидентификации*. Так, прежде всего 43,5% воспринимает себя гражданином Российской Федерации, что предельно близко к общероссийским показателям (45,6%). Русским себя считают 35% российских интеллигентов. Среди всего населения эта доля составляет 38,5%.

Функция социального критицизма российской интеллигенции явно проявилась в вопросах об осуществлении необходимых мер, оценка которых была значительно более критической, чем у всего населения страны.

ТАБЛИЦА 5. Суждения о необходимости осуществления мер по развитию страны (в %)

Суждения	сферы	сферы	сферы
При всех недостатках нынешнюю власть следует поддерживать	47,9	50,4	39,1
Страна больше нуждается в переменах, во что бы то ни стало	33,1	32,5	40,9
России нужна твердая рука, порядок в обществе	28,1	24,9	28,3
Политические свободы и демократия — это обязательные условия существования государства	14,0	12,2	18,7
Страна больше нуждается в стабильности, чем в переменах	5,4	7,2	7,4
Нынешняя власть должна быть заменена, во что бы то ни стало	4,5	4,3	7,0

Отметим, что представители сферы культуры настроены более радикально по отношению к существующей власти. Однако все население страны склонно, несмотря на все недостатки, поддерживать власть (55,1%), а также являет большую склонность к стабильности (36,1%) и твердой руке (33,8%). Такая разница в оценках власти и ее будущего, вероятно, имманентна самой природе интеллигенции и является проявлением ее критического начала.

Проявилась она и в отношении к обновлению Конституции Российской Федерации. Именно представители этой социальной группы продемонстрировали самую существенную критичность в отношении как самого процесса редактирования основного закона, так и голосования по поправкам, проходившего в июне 2020 г.

В результате наименьшая явка на участки голосования по поправкам к Конституции РФ в Московской области была зафиксирована именно в наукоградах — муниципальных образованиях с наивысшей долей высокообразованного населения: Протвино — 36,43%, Черноголовка — 36,67%, Дубна — 41,21%, Пущино — 44,41% при средней по области — 76,18%.

Вот как объясняли свое нежелание участвовать в голосовании жители подмосковных наукоградов:

- «В Конституции РФ нет такой формы волеизъявления народа как всенародное голосование. Есть РЕФЕРЕНДУМ. А всенародное голосование — это нелегитимная бутафорская процедура, напоминающая сбор холуйского рейтинга. Всенародное

голосование более того, по конституционному законодательству не несёт никакой силы, так как пакет мер, вынесенных на это голосование УЖЕ вступили в силу, опять же согласно конституционного ФЗ» (Черноголовка г.о., Юлиана, 46 лет)

- «Голосовать не буду. Этот фарс поддерживать не собираюсь. Мое мнение ничего изменить не сможет» (Дубна г.о., Виктор, 35 лет)

Далеко не все, кто все-таки пришел на участки проголосовали в поддержку поправок. Наибольший процент против поправок в Подмосковье продемонстрировали те же наукограды: Дубна — 35,40%, Черноголовка — 35,09%, Протвино — 32,95%, Пущино — 31,43% при средней по области 20,12% и поддержке поправок — 78,96%.

Свои причины отрицательного отношения к поправкам жители наукоградов высказали следующим образом:

- «Ни одной из этих поправок не место в основном законе страны. Есть необходимость — вносите уточнения в законы, создавайте новые подзаконные акты» (Протвино г.о., Сергей, 37 лет)
- «Это не поправки, а совокупность банальностей и абсурда. Как можно в законе закрепить уважение к исторической памяти и любовь к животным? Как можно ввести в Конституцию Бога? Как можно вписать состав семьи? Какое право имеют те, кто своими руками подписал территориальные уступки Китаю, теперь вписывают и без того очевидную священность государственных границ?» (Черноголовка г.о., Всеволод, 28 лет)

Если структурировать такого рода протест против решений власти по сферам занятости, то выяснится, что наиболее радикальными являются представители относительно новых отраслей экономики: реклама, СМК, информационные технологии. По Московской области это выглядит следующим образом — при 20% в среднм голосовавших против поправок, здравоохранение дало 30%, образование — 24%, наука — 32%, культура — 26%, реклама, СМИ, информационные технологии — 55%.

Смыслы жизни интеллигенции в духовно-культурной сфере

Какие же качества и характеристики отличают интеллигента в высоком смысле этого слова с точки зрения представителей изучаемых сфер деятельности? Различные высказывания были сгруппированы по частоте упоминания и дали примечательные распределения.

ТАБЛИЦА 7. Суждения об облике и нравственных характеристиках интеллигенции (в %)

Суждения	Работники сферы образования	Работники сферы медицины	Работники сферы культуры
Правдивость, честность, порядочность, нравственность, доброта, сочувствие, открытость, скромность, великодушный, бескорыстный, благородство, уважение к чужому труду	23,6	21,2	22,6
Популярность, культурность, благотворительные дела, общественные деятели	19,8	24,1	30,4
Суждение о мире, жизни, религиозность, сохранение традиций	3,7	5,2	6,1
Образование, ум	24,4	22,6	25,7
Соблюдение законов, служить народу, патриотизм, ответственность, выдержка	19,4	20,0	12,2
Профессионализм, трудолюбие	11,6	6,7	15,2
Борьба за свою позицию, взгляды, сила воли, целеустремленность, доблесть, стойкость, мужество	5,4	3,8	3,5

В этом вопросе проявилась специфика сфер деятельности прежде всего в том, что представители сферы культуры на первое место поставили *«популярность, культурность и пр.»*, а врачи больше, чем представители других сфер обратили внимания на *«соблюдение законов, ответственность и выдержку»*.

Существует разница между всеми россиянами и представителями интеллигенции в такой особой нише духовной жизни как религия. Более 25% россиян заявили, что они верующие и соблюдают соответствующие каноны, тогда как менее 7% представителей интеллигенции склонны считать себя такими верующими. При этом, как и в случае с жизненными ценностями, большую религиозность проявили вра-

чи (8,2%). Однако это не говорит о том, что российская интеллигенция более атеистична и/или менее воцерковлена. Такая разница в суждениях связана, как и в случае с интересом к политике, с большей взвешенностью заявлений представителей интеллигенции. Доказательством тому являются ответы на вопрос о регулярности посещения храмов. Так, если в ответах интеллигенции процент регулярно посещающих храмы совпадает с процентом считающих себя в полной мере верующим, то доля регулярно посещающих храмы всех россиян в 4 раза меньше (6,3%).

Серьезное отношение к духовной жизни и ее проявлениям в среде российской интеллигенции всегда отличала эту группу и наделяла ее *особой миссией*, о существовании которой был задан вопрос «*Как Вы оцениваете роль интеллигенции в современной России?*». Ответы на него, несмотря на разные значения, не отличают представителей разных сфер интеллигенции, так как выстраиваются в одну и ту же последовательность (см. табл. 6).

ТАБЛИЦА 6. Суждения о роли интеллигенции в обществе (в %)

Суждения	Работники сферы образования	Работники сферы медицины	Работники сферы культуры
роль интеллигенции значительна	15,3	17,1	20,0
интеллигенция имеет среднее влияние на жизнь общества	29,3	27,0	30,9
интеллигенция играет незначительную роль	31,0	28,7	27,4
практически она не играет никакой роли	12,8	14,8	12,6
затрудняюсь ответить	11,6	12,5	9,1

Будущее России в представлениях интеллигенции

Рассуждая о смыслах жизни российской интеллигенции нельзя не затронуть «судеб Родины» — тему, которая всегда оставалась одной из главных для ее представителей. Какое же будущее желают они России?

В этом вопросе существенных различий по сферам деятельности не выявлено, но видна меньшая активность в выборе суждений, чем у всего населения страны.

ТАБЛИЦА 8. Представление о будущем России (в %)

Желаемое будущее России	Представители интеллигенции	Все население страны
Государство, где соблюдают справедливость, равные права для всех	62,50	63,2
Возвращение России статуса великой державы	14,80	47,2
Возвращение России к национальным традициям	7,00	23,7
Обеспечение стабильности в обществе, без войн и революций	12,30	55,0
Желаемое будущее России	Представители интеллигенции	Все население страны
Сильная жесткая власть	1,30	11,8
Россия для русских, создание русского национального государства	0,70	6,7
Решение экологических проблем	4,30	20,7
Установление свободного рынка, укрепление частной собственности	1,4	8,9
Сближение с современными развитыми странами, возвращение в «общеевропейский дом»	3,20	7,4
Новое переустройство России	1,70	3,8

Стремление к стабильности и справедливому распределению благ, обеспечение равных прав — основные характеристики желаемого будущего страны для россиян. И интеллигенция в этом не проявляет иных позиций. Она едина со страной и ее народом.

В эпоху колоссальных перемен, в которую вступил мир с приходом глобальной эпидемии новой коронавирусной инфекции, интеллигенция с новой силой ощутила свою необходимость и ответственность за качество жизни людей. В том числе это выразилось в оценке ее представителей перспектив функционирования своих предприятий в условиях глобального экономического кризиса 2020 г.. 87% занятых в сфере ИТ и 73% работающих в образовании, медицине, науке и культуре уверены, что вероятность прекращения работы их организаций при самом негативном сценарии развития событий минимальна. В остальных сферах экономики этот процент редко превышал 40%.

Кризис экзистенциального порядка, переживаемый современным обществом, актуализировал роль интеллигенции как особой социальной группы, создав беспрецедентные условия для переосмысления ее главных смыслов и их значения для социума.

Список литературы

Анисимов Р.И. Материальная обеспеченность в жизненном мире гуманитарной интеллигенции / Жизненный мир научно-технической и социально-гуманитарной интеллигенции: общее и особенное. М.: РГГУ, 2015. С. 199–205.

Как живешь, интеллигенция? Социологические очерки: коллективная монография / Отв. ред. Ж.Т.Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга. 2018. 360 с.

Межуев В.М. Ценности и смыслы в контексте культуры / Международные Лихачевские научные чтения. Глобализация и диалог культур. Избр. доклады (1995–2015) СПб., 2015; Тощенко Ж.Т. Смысл жизни: опыт анализа с позиций социологии жизни // Социологические исследования. 2016, №1. С. 6–17

Цапко М.С. Образование как смыслообразующий фактор профессиональной деятельности интеллигенции / Профессиональная культура российской интеллигенции. М.: РГГУ, 2017. С. 332–345.

Стереотипы и реальность смыслов жизни современной интеллигенции¹

Все, что относится к исследовательскому полю смыслов жизни интеллигенции, представляет собой в значительной мере самоанализ. Это глубоко личностный вопрос со всеми вытекающими противоречиями и промерами уровней искренности. Пытаясь изучать, обобщать, дифференцировать смыслы жизни интеллигенции, мы вступаем во внутренний диалог с собственной совестью. Пожалуй, речь идет о единственном объекте анализа, который нам доподлинно известен: гипотезы формулируются как исповеди, а подготовка программы, выработка инструментария и осуществление процедур сбора информации определяются степенью внутреннего желания добротной экспериментально подтвердить свои наблюдения о профессионально и зачастую непосредственно близких тебе людях и/или социальных явлениях и процессах. Именно здесь мы можем опираться на четкое требование исходить в определении смысла жизни «не столько из теоретических построений, сколько из реальной действительности» [Тощенко, 2016а: 161], применяя, по сути, давно забытый «метод включенного наблюдения», со всеми присущими ему недостатками субъективистского характера. В конце

1. Переработанная и дополненная статья Яковенко А.В. Смыслы жизни интеллигенции: между стереотипами и реальностью // Смыслы жизни российской интеллигенции / РГГУ, Социолог. фак-т, Центр социолог. исследований. Под общей ред. Ж.Т. Тощенко. Редактор-составитель Д.Г. Цыбикова; М.: РГГУ, 2018. С. 32–40.

концов, только по данной теме мы, даже попытавшись обмануть самих себя, не способны ввести в заблуждение коллег по отраслевому цеху. Пространное же обоснование актуальности изучения смыслов жизни интеллигенции выглядит немного искусственно, поскольку означает необходимость убеждать друг друга в значимости разбираться с фундаментальными опорами собственного существования. Поэтому в качестве целевой установки публикации определим попытку откровенно обозначить ряд принципиальных проблемных составляющих, имеющих прямой выход на смысложизненную сферу интеллигенции.

Но вначале вновь кратко обоснуем насущную необходимость прежде всего социологам обращаться к изучению смыслов жизни, в том числе и отвечая на потребности очертить будущее как проблему социологии [Романовский, 2015]. К сожалению, до сих пор смысл жизни, как отчетливый фокус внимания социологической науки, в привычной матрице ценностных подходов выглядит, или экзотически, или чуть ли не маргинально. А интеллектуальный лоббизм Ж. Тощенко и его сторонников не всегда встречает одобрительную реакцию и поддержку. Каноничное следование традициям ценностной парадигмы можно трактовать и как понятное, но не совсем оправданное в усложняющихся социальных условиях желание сохранить определенность, устойчивость, комфортность. Ибо как резонно замечал еще В.Франкл: «Обладание ценностями облегчает для человека поиск смысла, потому что по крайней мере в типичных ситуациях он избавлен от принятия решений» [Frankl, 2000: 263].

Социологи по-прежнему занимают фактически оправдательную позицию перед философией и психологией, аргументируя первостепенную актуальность включения смыслов жизни в активную проработку. И это при том, что ни одна из научных дисциплин гуманитарного профиля не может в силу специфики объекта исследовательского интереса комплексно подходить к изучению смысла жизни. Для большей иллюстративности приведем следующую таблицу, отражающую, по нашим оценкам, ограничительные позиции и подходы при изучении смыслов жизни в рамках отдельных гуманитарных наук.

ТАБЛИЦА 1. Традиционные аспекты изучения и ограниченность полей анализа смыслов жизни в системах знаний различных гуманитарных дисциплин

Отрасль гуманитарного знания	Основная сфера научного интереса в рамках смысложизненной проблематики	Ограничительные позиции
Философия	Феноменологические, аксиологические, культурологические, семантические и логические проблемы смысла жизни	Доминирование платформы долженствования, преимущественное использование в качестве базиса «идеальных» критериев оценки, высокий уровень абстрактности
Психология	Изучение различных аспектов деятельности сознания индивида, обуславливающих, актуализирующих и вербализирующих в нем (индивидуальном сознании) смысложизненные установки	Слабый учет влияния социальных факторов на смысложизненную сферу индивидов, доминирование интериоризированного подхода
Религиоведение	Смыслы жизни, как личностные выборы и поведенческие стратегии, задаваемые различными верованиями	Превалирование изучения смысложизненной проблематики с позиций характера и качества принятия/непринятия идеи служения богу как главного смысла жизни
Педагогика	Смыслы жизни в системе формирования характеров, воспитания и обучения людей	Ориентация на методики воспитания позитивных смыслов жизни

Только социологию интересуют все без исключения вышеуказанные в таблице и множество иных «рассредоточенных» по различным наукам аспектов смысложизненной проблематики. Именно специфика социологического знания обуславливает стремление в научном плане синтезировать разрозненные и детализированные в рамках каждой из гуманитарных дисциплин исследовательские пласты, связанные с такой значимой категорией как «смысл жизни».

В авторской формулировке под смыслом жизни подразумевается «комплекс принятых для себя человеком внутренних установок, дающих ему жизненный импульс или импульсы, побуждающие определять собственную жизненную стратегию и стремиться к ее реализации. В обыденном значении, речь идет об отчетливом внутреннем понимании человеком того, ради чего он живет; представлении о том, как должна складываться его жизнь и то, насколько она реализуется в соответствии с данной смысловой программой; равно как и осознание его (смысла жизни) отсутствия, что, с обратной стороны, дает представление о наличии смысла жизни через его утрату, поиски, ненахождение и т.д.» [Яковенко, 2011: 20-21]. Также важно акцентировать внимание на

емкой характеристике Д.А. Леонтьева, отмечавшего: «Смысл жизни — это психологическая реальность независимо от того, в чем конкретно человек видит этот смысл» [Леонтьев, 203: 247]. Хотя в своей фундаментальной книге «Психология смысла» авторитетный ученый фактически отказался от рассмотрения проблемы смысла жизни, уделив ей в почти пятисотстраничном труде скромных пару листов, четко высказав позицию: «Вопрос, в чем состоит смысл жизни, не входит в компетенцию психологии. В сферу интересов психологии личности входит, однако, вопрос о том, какое влияние оказывает смысл жизни или переживание его отсутствия на жизнь человека, а также проблема психологических причин утраты и путей обретения смысла жизни» [Леонтьев, 203: 247]. Для социологии, напротив, первостепенно значимы вопросы, в чем могут видеть и какие категории граждан свои смыслы жизни, насколько социальные условия позволяют их реализовывать, каковы причины, детерминирующие отказ от смыслов жизни или вовсе их отсутствие.

При оценке смыслов жизни собственно интеллигенции в рамках культурной традиции на постсоветском пространстве важно учитывать наличие едва ли не аксиоматических шаблонов восприятия, базовых критериев, которые предъявляются обществом исключительно к данной социальной группе. Вкратце напомним, что согласно устойчивым стереотипам интеллигенция:

1) «Обречена» на смысложизненную позицию. Можно спорить о степенях наличия/отсутствия смыслов жизни у какой-либо иной категории граждан, кроме интеллигенции. Согласно статусному положению у интеллигенции в обязательном порядке должны наличествовать смыслы жизни. Представители иных социальных групп имеют право на спорадичность рефлексии и даже отказ от осознания смыслов жизни. Для настоящего же интеллигента, как считается, — это стержень, в какой-то мере тяжелая привилегия на продумывание и постоянный самоотчет о степени реализованности или нереализованности смысла жизни. Утрата смыслов жизни, отказ или того хуже — измена — означает по высшему уровню требований не только исчезновение платформы к осознанному существованию, но и с позиций «внешних наблюдателей» потерю статуса «интеллигента». Известное нам еще по советским временам определение «БИЧ» (бывший интеллигентный человек) — отчетливая иллюстрация сочувственной стигматизации «падших» посредством употребления понятия «интеллигент»;

2) Являет собой пример реализации «правильных», «истинных» смыслов жизни. С представителями интеллигенции общество увязывает эталонное представление об осуществяемости смыслов жизни. Мало того, с удовольствием обсуждает, осуждает и тяжело прощает не-

соответствие завышенных критериев ожиданий с реальным качеством жизнедеятельности интеллигентов. Для обывателя в конце концов не столь важно, какой смысл жизни у интеллигента, сколь значимо: справляется ли человек, претендующий на данное звание, с жизненными обстоятельствами. Модифицируя известную характеристику С.Г. Кара-Мурзы о категорическом неприятии общественным мнением факта воровства со стороны священника, в противоположность торговцу [Кара-Мурза, 2000: 82], можно сказать, что столь же высокая оценочная планка предъявляется и к интеллигенту. Ему не простят даже малой толики того, за что, например, предприниматель получит лишь снисходительную псевдокритику;

3) Продуцирует общественно значимые смыслы жизни. Интеллигенция обязана инициировать смыслы жизни «служения», выполнения миссий в рамках деятельности различных социальных институтов (наука, образование, здравоохранение...) и общества в целом;

4) Связывает социально-временные смысложизненные пространства. Ей вверяется интеллектуальное право сопряжения эпох, времен и поколений в единую канву смысложизненной преемственности.

Данные предустановки социальных чаяний принципиально важны при попытках эмпирического изучения смыслов жизни интеллигенции, поскольку во многом определяют известную подстройку под них, повышают степень неискренности, стремление к самообману. Ж.Тощенко справедливо конспективно указывал на сложности «отделить друг от друга декларируемый и реальный смыслы», называя это методической трудностью [Тощенко, 2016b: 10].

Контраст между общественными ожиданиями в отношении смыслов жизни интеллигенции и фактическим положением дел очевиден. И, тем не менее, только во взаимосвязи с должным, «идеальным» видна острота проблемы. С одной стороны, невозможно оспаривать тезис, что интеллигенция — своеобразный мобилизационный смысложизненный «отряд» общества и государства, ее представители декларируют смыслы жизни, направленные на увеличение «добра и любви на Земле» [Трехович, 2012, 87]. С другой стороны, достаточно напомнить, что многие, если не большинство, из тех, кого в своей работе «Фантомы российского общества» Ж. Тощенко характеризовал как бесов, мутантов, политических клоунов, нарциссов, коллаборационистов, ксенофобов и кротов [Тощенко, 2015], — непосредственные представители или выходцы из различных групп интеллигенции.

В более узком аспекте для тех, кто сохраняет верность традициям удерживать ориентацию на действительно социально значимые смыслы жизни, вряд ли, что-либо принципиально изменилось со времен

институционализации интеллигенции в качестве активной социальной группы. Помимо отчетливой фиксации различных сторон смыслов жизни, направленных на общественное служение, творческую социально ответственную самореализацию, поиски истины важен и учет смысловых компонентов, рождающихся из-за сопротивления давлению неблагоприятной среды. И среди таких сопротивленчески-созидательных смыслов нам знакомы:

— отчаянная и не всегда успешная борьба за смысл жизни, заключающийся непосредственно и ничуть не тавтологически в «борьбе за сохранение смысла жизни». Уровень знаний и жизненного опыта дает изрядное число аргументов для разочарований, порой удерживая в значении смысла жизни лишь установку, — не утратить смысл значимости правильного проживания жизни. Здесь и известные нам интерпретации и модификации отмеченной позиции: «сохранить совесть», «не потерять достоинство», «не стать противным самому себе», «сохранить лицо» и т.п.;

— с данной установкой связана смысложизненная фабула: достойно встретить финишные аккорды своего земного пути. Человек, претендующий на статус интеллигента, умеет смотреть на себя «с той стороны». Для настоящего интеллигента смерть — не боязнь, не зряшная тема, не бравада и не игра. А одновременно: внутренняя беседа, вызов и требование самоопределения. Вкратце заметим многократно очерченное: проблема смысла жизни возникает, обозначается и актуализируется только перед лицом осознания конечности существования. Поэтому мы и говорим не просто о смысле, а именно о смысле жизни. Упоминание «жизни» свидетельствует о привязке смысла к процессу самой жизни в понимании ее предельности [Яковенко, 2005]. Поэтому человек долга и общественной самоотдачи коммуницирует не только с современниками, но и с вечностью, а с какого-то момента преимущественно или даже исключительно с вечностью;

— создание, поддержание и развитие своеобразных минисред позитивной смысловой наполненности, в лирическом звучании «пространств добра» с отчаянной верой, что, возможно, когда-нибудь это принесет пользу обществу.

В предметном ключе основные проблемные моменты, непосредственно связанные со смысложизненным выбором интеллигенции, ставящие под сомнение выполнение идеальной модели, заключаются в следующем:

а) использование смыслов жизни интеллигенции в качестве средства манипуляции обществом и манипуляции самими представителями интеллигенции. В систему манипуляционных действий включает-

ся в том числе и подмена смыслов жизни спекулятивными целями. Те цели задаются и периодически сменяются для того, чтобы не позволить успевающим ставить под сомнение «целесообразность» такой «бессмысленной» жизни. В одном художественном произведении есть примечательная фраза: «Вашему поколению суждено знать, что такое цель. Но вы не будете понимать, в чем ее смысл» [Куатъэ, 2004: 30];

б) прямое следование «идеальным» смыслам нередко подводит к выбору между изгойством, нередко забвением и респектабельным жизнеустройством;

в) давление соблазнов комфорта массового бессмысленного времяпровождения и рекрутирование представителей интеллигенции на обслуживание данного миропорядка праздности;

г) коррозия, если не полная деградация, традиционных социальных институтов, «ради» и «во имя» которых можно было бы осознать значимость жизни;

д) превалирование в социальной реальности иррационального, бессодержательного и агрессивного поведения над сознательными и добропорядочными смысложизненными выборами.

Для интеллигенции остаются актуальными смысложизненные противоречия и, соответственно, выбор между: избранностью, элитностью и эгалитарностью; национальным и универсальным; видением смыслов жизни в создании (воссоздании) иллюзорностей, осуществлении неомифологизаторства и борьбой за избавление от иллюзий [Fromm, 2011], демифологизаторство, поиск истины во всей ее открытости и реалистичности.

Современные многократно охарактеризованные тенденции влияния новых достижений науки, которые, кстати, разрабатывают люди, по многим критериям подпадающие под определение «интеллигент», лишь гиперболизируют обозначенные проблемы. Реалии смысложизненного выбора интеллигента должны включать определение к перспективной ситуации, в которой:

— его мысли, чувства, да и собственно смыслы жизни могут быть поставлены под нейроконтроль;

— предпринимается попытка снять временные ограничения на пребывание индивидов в активной физической и интеллектуальной формах, что во многом нивелирует наши предшествующие рассуждения о роли смерти в определении смыслов жизни;

— и наконец, а по хронологии изначально, наличие и развитие сверхмилитарных технологий в купе с моральной неразвитостью значительного количества человеческих особей подтачивает надежды на существование цивилизации. С одной стороны, увеличивается плано-

мерность и преднамеренность процессов [Зиновьев, 2000: 81], с другой, — обилие пророчеств о гибели человечества начинает приобретать характер самосбываемости. С таких позиций утрачивается актуальность смыслов жизни в их апеллировании к вечности, добавляя соблазнов «пуститься во все тяжкие».

Все это означает правоту исследователей, включающих в комплексное изучение смыслов жизни интеллигенции, не только определенный набор стилизованных позиций, но и блоки вопросов, относящиеся к темам фрустрированности смыслов жизни, причин разочарований, способов преодоления и самостимулирования на возрождение смыслов жизни высокого порядка, характер и уровни мимикрии, фактического приспособления к правилам и условностям прагматического социума.

Выводы: Специфика социологического знания обуславливает возможность научного синтеза разрозненных и детализированных в рамках отдельных гуманитарных дисциплин исследовательских пластов, связанных с изучением смыслов жизни. Социологию следует считать универсальной платформой консолидации интеллектуальных усилий по анализу смыслов жизнедеятельности личности и общества.

При анализе смыслов жизни интеллигенции следует исходить из контраста между стереотипами общественного мнения в отношении интеллигенции и социальной реальностью. До сих пор интеллигенция на постсоветском пространстве в культурных традициях, уходящих своими корнями в историю Российской империи и Советского Союза, воспринимается в качестве одной из немногих социальных групп, участники которой имеют общественно направленные смыслы жизни и способны их реализовывать. Наличие социально значимых смыслов жизни — отличительная черта интеллигенции. Не только интеллигент определяет для себя смыслы жизни, но и выбор смысла жизни во многом указывает: можно ли человека считать и в какой степени интеллигентом. Также считается, что именно интеллигенция в идеале призвана продуцировать позитивные смыслы жизни для других категорий граждан, сопрягая их с общественной перспективой, объединяя срезы времен.

В условиях сохраняющейся «ожесточенности» общественных отношений положительные смысложизненные приоритеты интеллигенции выглядят все более сомнительными. Кроме традиционных причин, вызывающих нивелировку общественно ориентированных смыслов жизни, таких как массовизация потребительских практик, распространение и культивирование иррациональных, агрессивных и развратных стилей поведения, следует учитывать и факторы, инициируемые очередным витком научного развития. Широкое обсужде-

ние перспектив выхода разработок на прямое управление сознанием, включая и непосредственное искусственное определение смысловых приоритетов, не добавляет уверенности в необходимости обладать лично выстраданными и осознанными смыслами жизни.

Кроме того, технологические инновации давно осязаемо подтачивают традиционные социальные институты, в служении которым многие интеллигенты видят и стараются реализовать социально ответственные смыслы жизни.

Общий пласт стремлений представителей интеллигенции, реально пытающихся не отказываться от смыслов жизни идеального уровня, как представляется, базируется преимущественно на сопротивлении обстоятельствам и отчаянной вере в возможность какого-то качественного скачка в развитии человечества. Видимо, поэтому многие произведения истинных интеллигентов завершаются сентенциями о «безнадежной надежде». Иначе все труды, поиски и жертвы бессмысленны...

Список литературы

- Зиновьев А. Глобальная сверхобщество и Россия. Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000.
- Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. К.: Оријана, 2000.
- Куатьэ А. Возьми с собой плеть. СПб.: Издательский Дом «Нева», 2004.
- Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. — 2-е, испр. изд. М.: Смысл, 2003.
- Романовский Н.В. Будущее как проблема современной социологии // Социол. исслед. 2015. №11.
- Терехович В. Формула смысла. Исследование мнений о смысле существования человека. СПб.: Алетейя, 2012.
- Тощенко Ж.Т. Социология жизни: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016а.
- Тощенко Ж.Т. Смысл жизни: опыт анализа с позиции социологии жизни // Социол. исслед. 2016b. №11.
- Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015.
- Франкл В. Воля к смыслу / Пер. с англ. М.: Апрель-Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000.
- Фромм Э. По ту сторону порабощающих нас иллюзий. Как я столкнулся с Марксом и Фрейдом / Пер. с англ. М.: АСТ: Астрель, 2011.
- Яковенко А.В. Роль смерти в определении индивидуального смысла жизни и смысла жизнедеятельности общества // Социол. исслед. Сборник научных трудов. Луганск: Изд-во Восточноукр. нац. ун-та им. В. Даля, 2005. №5.
- Яковенко А.В. Смыслы жизни в глобализирующемся социуме. Луганск: Изд-во Восточноукр. нац. ун-та им. В. Даля, 2011.

Становление смыслов жизни советской интеллигенции (размышление над общей и индивидуальной судьбой)¹

Исторически, русская интеллигенция складывалась из образованных, критически мыслящих слоев общества, находящихся в оппозиции самодержавию и ставящих своей главной целью служение народу. Указанные черты были присущи как дворянской, так и разночинной, земской интеллигенции. Это были люди, ориентированные на гуманистические идеалы Великой французской революции: свободу, равенство, братство.

Средство достижения этих целей — воздействие на власть всеми доступными для интеллигенции средствами: публицистика, научные исследования, защита интересов народа в структурах власти, «уход в народ» в целях его просвещения и повышение уровня сознательности его действий.

В силу уникальности, новизны и масштабности, осуществляемых преобразований, молодому советскому государству нужны были как воздух творческие, деятельные, критически мыслящие люди, ибо «без руководства специалистов различных отраслей знания, техники, опыта, — переход к социализму невозможен» [Ленин ПСС т. 36 : 178]. И они пришли в революцию, культуру, образование, науку, политику. Причем, это были не только талантливые прапорщики, подпоручики и поручики, но и генералы; не второстепенные, а признанные, широко известные деятели культуры и науки.

Так, ведущая роль в культуре первых лет революции принадлежит поэзии В.В. Маяковского, С.А. Есенина, А.А. Блока, поэма которого «Двенадцать» вошла в число лучших поэтических произведений первых лет революции. То же самое можно сказать и о стихах С.А. Есе-

нина, который даже в своих лирических произведениях определял свое место в стране Советов как «самый яростный попутчик», готовый «за знамя вольности и светлого труда... идти хоть до Ламанша» [Есенин 1955:431]. Страстным революционным содержанием проникнута вся послеоктябрьская поэзия Маяковского. «Ни одного крупного русского поэта современности, у которого после Революции не дрогнул и не вырос голос, — нет», — писала в этой связи М. Цветаева, у которой к Советской власти было весьма сложное отношение.

Огромное влияние на становление советской интеллигенции оказала позиция и произведения М. Горького. В советскую литературу органично «вписались» В. Я. Брюсов, А.С. Новиков-Прибой, М.М. Пришвин, В.В. Иванов, К.А. Федин и другие. В революционные годы проявили себя А.И. Безыменский, М.А. Светлов, Д.А. Фурманов, В.И. Лебедев-Кумач, В.А. Каверин. В 1920-е годы изданы великолепные, глубокие произведения о революции и гражданской войне М.С. Булгакова, А.С. Серафимовича, Л.М. Леонова, И.Э. Бабеля, А.А. Фадеева, А.Н. Толстого, М.А. Шолохова и многих других талантливых представителей многонациональной советской литературы.

Изобразительное искусство обязано Великому Октябрю появлением на свет русского авангарда, который «был тесно связан с российскими проблемами, выражал дух революционной эпохи и питался национальными традициями... отечественной философской мыслью, прозрениями русской литературы. Современные формы западноевропейской культуры, воспринятые представителями авангарда, были преобразованы и одухотворены до такой степени самобытности, что вернулись на Запад как русское национальное открытие, сыгравшее колоссальную роль, в развитии мировой культуры» [Петрова 1988:7]. Комиссар М. Шагал писал в декабре 1918 г.: «Город Витебск зашевелился. В этой провинциальной «дыре» почти с сотысячным населением, где... доживает жалкое передвижничество, ныне — в дни октябрьские — раскачивалось многосаженное революционное искусство» [Цит. по: Ковтун. 1988:14].

Свое место в новой России нашли ведущие дореволюционные кинорежиссеры Я.А. Протазанов, В.Р. Гардин, операторы А.А. Левицкий, Е.О. Славинский и другие. Ярko проявили себе молодые деятели советского кино Д. Вертов, С. Эйзенштейн, В.И. Пудовкин, создавшие уже в 20-е годы шедевры советского кино мирового уровня.

Высокий уровень советской науки был обеспечен преемственностью её поколенческих когорт, вхождением в неё таких крупных ученых как В.И. Вернадский, Н.Е. Жуковский, А.М. Ляпунов, И.В. Мичурин, И.П. Павлов, В.А. Стеклов, К.А. Тимирязев, А.И. Ферс-

1. Переработанная и дополненная статья Возьмителя А.А. Становление и смыслы жизни советской интеллигенции // Судьбы российской интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее: сб. статей XX Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 9 апр. 2019 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редактор-составитель Цыбикова Д.Г.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. М.: РГГУ, 2019. С. 72–79.

ман, С.А. Чаплыгин и многих других представителей научной интеллигенции. Об этой преемственности наглядно свидетельствует состав действительных членов АН СССР, указанных в справочнике АН СССР на 1940 год.

Из 126 академиков 5 были избраны в Академию еще в царское время: В.И. Вернадский (04.03.1906 г.), П.К. Коковцев (19.04.1903 г.), А.Н. Крылов (05.03.1916), Н.С. Курнаков (07.12.1913г.), П.П. Лазарев (04.03.1917 г.).

Еще 6 — в конце или сразу по окончании гражданской войны А.Ф. Иоффе (08.05.1920 г.), И.Ю. Крачковский (09.11.1921 г.), В.Л. Комаров (04.09.1920 г.), Б.М. Ляпунов (01.12.1923 г.), А.Е. Ферсман (01.02.1919г.), Ф.И. Щербатский (02.11.1918 г.).

За исключением пятерки «молодых» академиков, появившихся на свет уже в 20-ом веке: А.Н. Колмогорова, М.Б. Митина, С.Л. Соболева, П.П. Ширшова и Шолохова М.Н., — все остальные (121 человек) сформировались как ученые и интеллигенты еще в царское время. Среди них Н.И. Бурденко., братья Николай и Сергей Вавиловы, П.Л. Капица, Г.М. Кржижановский, В.А. Обручев, Н.Н. Семёнов, Д.Н. Прянишников, К.И. Скрябин [АН СССР Справочник 1940:8 — 59].

Об этих людях очень хорошо написан Н.Н. Моисеев: «Мои оба деда были известными русскими инженерами, очень далекими от коммунистических идей. Они принимали активное участие в тех разработках, которые в начале 20-х годов велись под руководством академика Г.М. Кржижановского и были связаны с планом ГОЭЛРО. Часто у нас дома по субботам собирались инженеры и шел жаркий спор, обмен мнениями и о самом плане, и о его выполнении. Я по малолетству не мог оценить, а тем более сейчас воспроизвести особенности этих обсуждений. Но мне на всю жизнь запомнился тот энтузиазм, с которым люди дореволюционной формации воспринимали происходящее в этой сфере» [Моисеев 2007:9].

Таких людей из русской интеллигенции было много. Но их явно не хватало для решения грандиозных задач социалистического строительства. Необходимы были кадры, умеющие сознательно организовать жизнь при социализме и руководить ею в соответствии познанными законами общественного развития. Сознательность здесь означает не только способность к постановке и реализации адекватных целей, но также соответствующий уровень квалификации, профессионализма в этом процессе. Иначе говоря, советская интеллигенция должна была пополниться выходцами из народа, сочетающими креативность, профессионализм с определёнными политическими качествами, преданностью государству и народу. У них было у кого учиться.

Молодая рабочая и крестьянская поросль жадно впитывала знания, опыт и нравственные устои у своих учителей — «старой гвардии» русской интеллигенции.

Среди этих выходцев из народа был мой отец Возьмитель Андрей Кузьмич, родившийся 29.11.1906 года в деревне Чижевка Дубровинского района Витебской области по нынешнему административному делению. Его сравнительно недолгий жизненный путь представляет «лицо эпохи» социалистических преобразований в нашем обществе и государстве. На фотографии 1915 г. моему отцу 9 лет. Обращает на себя внимание, что правой рукой он прижимает к своему боку очень большую книгу, являвшуюся для него очень важным предметом, с которым ему не хотелось расставаться. Наверное, именно поэтому у нас в доме была приличная библиотека, благодаря которой я к 14 годам ознакомился с основными произведениями мировой литературы. Не только русскими и советскими, но и зарубежными: В. Гюго, Ромен Роллана, Оноре де Бальзака, А. Дюма, Л. Фейхтвагера, Э. Хемингуэя, Я. Гашека, Ю. Фучика и др., сформировавших мой характер и жизненную позицию.

Другой момент, который явно прослеживается на этой фотографии — достоинство простых крестьянских лиц. Особенно оно чувствуется в лице моей бабушки Василисы, сидящей рядом с отцом. Сразу видно, что эта женщина волевая, независимая, которая не даст в обиду не себя ни своих детей.

Отец рано начал свою трудовую деятельность. Работал по найму: пастухом, рабочим кожевенного завода в городе Дубровно. После окончания школы в 1924-1925 гг. — секретарем и председателем сельсовета; в 1925-1927 гг. секретарем Дубровенского РК ЛКСМБ, председателем районной земельной комиссии. В 1927 г. поступил в Витебский Лужеснянский с/х техникум, который закончил в 1929 г. Был избран секретарем бюро ЛКСМБ этого техникума и членом Витебского РК ЛКСМБ. На прилагаемой фотографии — члены указанного выше бюро. Отец как секретарь, сидит слева, как бы читаю газету «Труд».

Справа от него явно бесхитростный, интеллигентный Скорочкин. Прищуренный, пронизывающий взгляд Клименкова говорит о радикальном, может быть даже о беспощадном складе характера. Стоящий около Знамени Стросиченко явно готов к борьбе за правое дело. У остальных спокойные, приятные лица людей из народа, уверенных в избранном пути. Все они представляют собой различные типы людей, занявших впоследствии руководящие посты и проводивших вполне определенную политику.

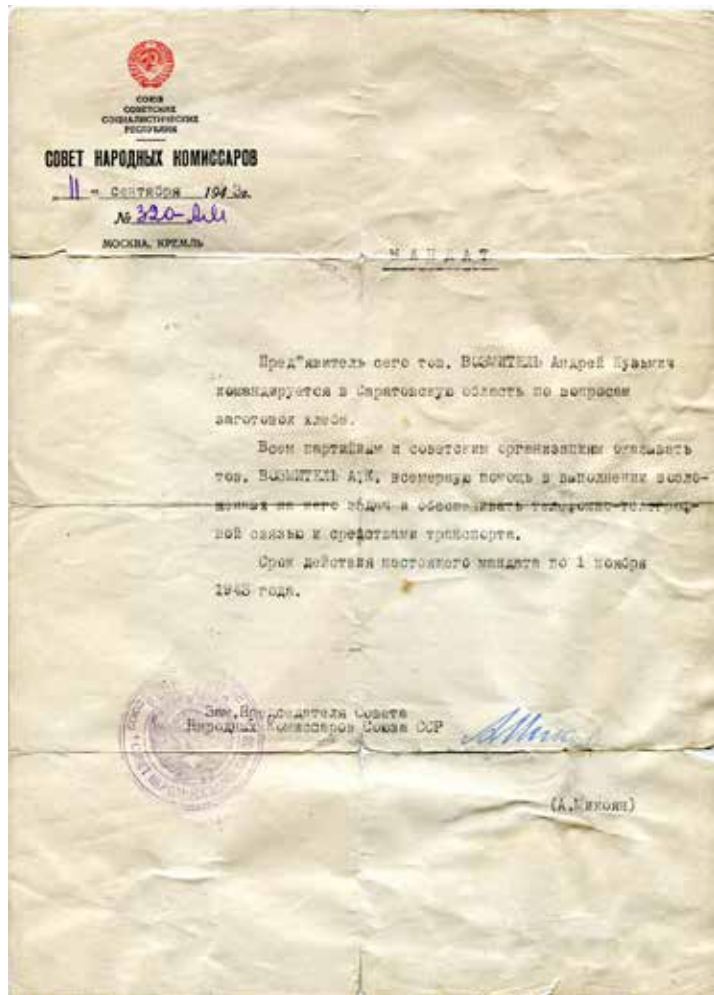
В 1929 г. отец поступил, а в 1932 г. закончил Белорусскую с/х академию (г. Горки), где избирался председателем профкома и секретарём бюро ЛКСМБ Академии. В 1931 г., будучи еще студентом, назначен проректором Академии. На фотографии 1931 г., сделанной в честь награждения его «Падставой» (Почетной грамотой?) как «лучшего ударника», — отец возмужал. У него серьезный, пронзительный, изучающий взгляд сформировавшегося руководителя.

После ВУЗа поступил в аспирантуру Всесоюзного научно-исследовательского института нового лубяного сырья ВАСХНИЛ СССР, по окончании которой получил звание «старшего научного работника». В 1934 — 1936 гг. в Сталинграде — главный редактор и руководитель Крайгиза. 26 февраля 1936 г. Постановлением Сталинградского крайкома ВКП (б) откомандирован в распоряжение Отдела печати ЦК ВКП (б).

Работал в ВАСХНИЛ заведующим редакционно-издательским сектором и ответственным редактором изданий этой Академии в тесном контакте с академиками Н.Н. Вавиловым, Д.Н. Прянишниковым, К.И. Скрябиным и др. С 1939 года — особый докторант академика В.Р. Вильямса, а после его смерти — вице-президента ВАСХНИЛ, академика В.И. Цицина. У отца была очень интересная и важная для страны, почти фантастическая тема: «Агротехника многолетних пшениц». Война помешала этой работе, и отец выполнял специаль-

ные ответственные и очень сложные задания правительства. На следующей фотографии Мандат, выданный отцу, командированному Советом Народных Комиссаров СССР в Саратовскую область по вопросам заготовки хлеба, подписанный зампредом Совнаркома СССР А. И. Микояном.

В 1944–1945 гг. работал старшим контролером в Наркомате Госконтроля. В конце 1945 г. назначен на должность зам. начальника Главного Управления научно-исследовательских учреждений Нар-

комата технических культур СССР. В 1947 г. решением Оргбюро ЦК ВКП (б) под председательством И.В. Сталина, переведен на ответственную работу в ЦК ВКП(б), где последовательно занимал должности инструктора, зам. зав. сектором, зав. сектором земледелия, зав. сектором Сельхозотдела ЦК. Это была его работа и он имел все шансы для дальнейшего роста и много полезного смог бы сделать для развития сельского хозяйства страны. Залог тому, его непримиримая борьба с «лысенковщиной», аукнувшейся ему временным понижением по службе. Однако в январе 1958 г. он был переведен на должность помощника члена Политбюро Секретаря ЦК КПСС. Эта работа выполнялась им с большим нервным напряжением, поскольку отец привык к самостоятельности и независимости суждений. В результате микроинфаркт, перенесенный на работе, а потом и обширный инсульт, парализовавший его в 54 года. На последнем снимке отцу немногим более 50 лет. Сегодня я старше его на четверть века. И я должен в своей сфере завершить то, что он не успел закончить в своей.

Общий вывод проведенного исследования: когда в России функционируют креативный слой служивой интеллигенции, не помышляющей о взятках, преданной государству и народу — страна растет и развивается очень высокими темпами. Когда же этот слой истончается, или же практически исчезает вовсе, — неизбежны стагнация, деградация, «рост без развития» и т.п.

Список литературы

Академия наук СССР. Справочник-календарь на 1940 год. Изд. во АН СССР Москва. 1940. Ленинград. 245 с.

Есенин С.А. Стихотворение М.: Гослитиздат 1955, двухтомник 523 с.

Ковтун Е. Пути русского авангарда — Советское искусство 20–30-х годов. Живопись, графика, скульптура, декоративно-прикладное искусство. Государственный русский музей: Лен. «Искусство». 1988

Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Изд. 5-е Т. 36 с 38

Моисеев Н.Н. Россия в системе государства в XXI века. М.: МНЭПУ 2007 15 с.

Петрова Е. Введение научного редактора, — Советское искусство 20–30-х годов. Живопись, графика, скульптура, декоративно-прикладное искусство. Государственный русский музей: Лен. «Искусство». 1988

РАЗДЕЛ II

СМЫСЛ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

Российская интеллигенция в дихотомии «власть — оппозиция»: историко-социологический анализ¹

Проблемы взаимоотношений с властью всегда были одной из самых острых дискуссионных зон в публичном дискурсе отечественных интеллектуалов. Сегодня она приобретает особую актуальность на фоне трансформаций политических режимов на постсоветском пространстве, где основными тенденциями политического развития связаны с усилением авторитарных тенденций, откатом от демократических норм и принципов как в институциональном дизайне, так и в дискуссионных практиках.

Выдвинем гипотезу, что интеллигенция должна быть наиболее чувствительна к тем проявлениям нео-авторитаризма, который фиксируются сегодня в России — это слабость партийных структур и парламентских институтов, усиление президентской власти, сворачивание поля публичной политики и сокращение свободы слова.

О метаморфозах интеллигенции как социальной общности

В конце 19- начале 20 вв. доминирующая точка зрения состояла в том, что интеллигенция — это всегда оппозиция власти. Напомним, что в веховской традиции — «интеллигенция — это всегда оппозиция власти и антигосударственная общность». Нелюбовь молодой советской власти к старой интеллигенции хорошо известна: именно эта социальная группа с трудом пережила лихолетье гражданского противостояния и репрессий последующего периода.

1. Переработанная и дополненная статья Великой Н.М. Интеллигенция России в дихотомии «власть — оппозиция» в исторической ретроспективе // Судьбы российской интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее: сб. статей XX Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 9 апр. 2019 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редактор-составитель Цыбикова Д.Г.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. М.: РГГУ, 2019. С. 172-182.

В той или иной мере этот подход был характерен и для советской России, где даже новая советская интеллигенция, несмотря на ожидания власти, не всегда демонстрировала лояльность режиму, формируя определенные очаги несогласия.

Представители научной, творческой элиты, часто жили в государстве, но ненавидели его, но при этом преуспевали, пользовались его благами. Сахаров, Солженицын, Даниэль, Синявский в этом смысле — редкие исключения, и диссидентское движение было не консолидированным и малочисленным. Большинство выбирало стратегию определенной дистанцированности от власти, вызванную потребностью держаться от нее подальше и не попадать в поле ее зрения.

Этим Россия существенно отличается от Запада, где в русле европейской традиции и в условиях демократической эволюции интеллектуалы активно с властью сотрудничали (как в рамках правящих институтов, так и в рамках эффективных интеллектуальных и оппозиционных think-tank).

Перестройка, демократические преобразования и либерализация общественной жизни вывели в поле публичной политики огромное количество представителей образованного слоя, в т.ч. тех, которых можно было идентифицировать как интеллигентов. Изменившиеся институциональные рамки политической жизни стали важным фактором политизации интеллигенции в постсоветский период, когда она стала одной из групп — (наряду с экс-партфункционерами и чиновниками), составившей новую властную, прежде всего либеральную, элиту в России.

С другой стороны, в силу изменений социальной структуры в пореформенном российском обществе все меньше оснований говорить об объективных и социальных характеристиках интеллигенции. Сокращение «среднего класса с одной стороны», серьезная социальная дифференциация так называемого образованного слоя, где сегодня выделяют группы «работающих бедных» и успешно адаптирующиеся группы с высоким доходом не позволяют говорить о единстве социально-экономических интересов и социальных практик: ни в сфере потребления, ни в сфере социокультурного досуга, ни в сфере политической активности, что предопределило введение в отечественный научный оборот термина «интеллектуалы», широко используемого на Западе.

Об интеллектуалах и интеллигенции

Оговоримся, что под интеллектуалами (в русле западной традиции) мы понимаем социальную группу, занятую интеллектуальной деятельностью, где смысл и суть интеллектуальной функции — критика, просвещенная популяризация, новаторство и самокритика. Интеллектуал в этом случае — наблюдатель, аналитик, что, однако, не исключает для него и определенного уровня политического участия. В этом, как мы уже заметили, западные интеллектуалы расходятся с российскими интеллигентами, которые предпочитают дистанцироваться от власти. Эту формулу ярко выразил Норберто Боббио (крупнейший итальянский интеллектуал XX в.): «Можно быть беспристрастным, не придерживаясь нейтралитета» [Боббио, 1992: 165].

Другими словами, интеллектуал не обязан быть «партийным», но также и не обязан быть «беспартийным». Кстати, большинство лидеров общественного мнения на Западе (интеллектуалов в полном смысле слова) включены в политическую жизнь — от Наома Хомского до Умберто Эко, от Збигнева Бжезинского до Алена Бадью, от Энтони Гидденса до Ричарда Таллера, от Талкотта Парсонса до Ежи Вятра.

И хотя дискуссия, начатая Манхеймом об интеллектуалах как классе, зависимом или независимом, себя еще не исчерпала, мы будем исходить из допущения, что представители интеллектуальной элиты (в т.ч. интеллигенция) могут быть включены в политическую практику в самом разном качестве. При этом историю и советской интеллигенции, и российской интеллигенции постсоветского периода часто связывают с реализацией модернизационных проектов.

Модернизация и политический процесс

Заметим, что многочисленные теории модернизации справедливо подвергались критике еще с 70-х годов 20 вв., как пропагандистские ТВ силу того, что во многом они являлись идеологизированным выражением доминирующих трендов в мировой политике. Многие современные критики либерализма доказывают, что именно эти теории стали своеобразной формой контроля Запада над развивающимися странами [Хомский, 2014].

В России же теория модернизации, напротив, утвердилась и была весьма популярна: и в связи с реализацией либерального курса в 90-е годы прошлого века, и во время президентского срока Д. Медведева. Потребность власти легитимировать свою деятельность понятна, задача сформулировать некую цель общественного развития виделась

целесообразной, т.к. многие годы россияне тосковали если не по национальной идее, то по ясному образу будущего, по какому-то социальному идеалу.

Мало кого удивляет, что именно власть стала инициатором публичной дискуссии в обществе, обозначив некоторые направления модернизации в президентском послании Федеральному собранию РФ, а спустя некоторое время, сделав уже политическую модернизацию предметом обсуждения на Госсовете РФ. Между этими знаковыми событиями политической жизни вышла и программная статья президента Д. Медведева «Россия, вперед!» [9] с предложением обсудить и рассмотреть перспективы развития страны в 21 веке.

Модернизация в тех или иных модификациях всегда была темой, близкой российской интеллигенции, начиная с конца 19 века. Идея обустройства России, поиск оптимальных стратегий развития страны — естественное направление научного поиска национальной науки, которое дополнено в России сознанием того, что сегодня Россия утратила лидерство во многих сферах. Критические статьи о состоянии российской экономики и проблемах социокультурной сферы появляются с завидной периодичностью.

Что же касается реформ, то в России (от Петра I до Горбачева) традиционно именно власть выступала главным инициатором и субъектом реформирования. Однако после перестройки и ускорения, идея кардинально изменить ход социально-экономических процессов в России стала первой серьезной попыткой осмыслить результаты реформ и выработать программу, которая может перевести Россию на инновационные рельсы развития, снять страну с нефтяной иглы и добиться вхождения России в группу динамично развивающихся стран.

Для большинства представителей интеллектуальной элиты (научного сообщества, экспертов, журналистов) сегодня очевидно, что Россия так и не смогла вырваться из ловушки догоняющего развития, что необходимы срочные меры перевода экономики страны на инновационный путь развития, и что именно критическая общественная рефлексия может быть предпосылкой формирования политических альтернатив, вызревания конкурентной общественной среды и обновления экономической системы. Констатация очевидных фактов, что «...мы не догнали Португалию по душевому доходу, ...не увеличили в два раза ВВП, ...цены на железнодорожный транспорт растут, ... качество обслуживания в сфере ЖКХ падает, «План 2020» не выполняется...» [Орешкин, 2013], приводит к осознанию того, что «главной приметой конца нулевых, приметой замалчиваемой, но оттого еще

более мучительной, стало трезвое всеобщее осознание: будущего не будет. По крайней мере здесь.» [Быков, 2010: 64]. И хотя не все разделяли столь пессимистическую точку зрения, исходя из содержания публичного дискурса, можно сказать, что если интеллектуальная элита видит возможности развития России в контексте «креативной модернизации», то политическая элита, прежде всего представленная партией власти, сформулировала концепт, т.н. «консервативной модернизации». На наш взгляд, подобный термин является с одной стороны не более чем оксюмороном, образчиком новояза современной власти, а с другой стороны, представляет собой попытку попытка дать зонтик существующим реформам, а по сути — скрыть истинный смысл вещей [Великая, 2012].

Почему консервативная модернизация для нас нонсенс? Если мы говорим о настоящей модернизации, то это системный сдвиг в общественных отношениях — в экономике, в политической системе, в общественном сознании. (В этом смысле новый курс Рузвельта был модернизацией, а вот тегчеризм и рейгономика — нет). В наших условиях модернизация политической системы должна предполагать совершенствование как политической, так и экономической системы, существенные изменения общественного сознания, а не консервацию.

Что такое консерватизм в России, известно хорошо. Это не только Победоносцев с его крылами, но и то время, о котором поэт сказал:

«Нас приучали думать по ниточке.
Это считалось мировоззрением:
Слепые вожди боялись панически
Всякого, обладавшего Зрением».
[Сельвинский, 1990]

Однако последующая трансформация политического режима показала, что модернизация, проведенная не на ценностях гражданского общества, а на консерватизме — вылиться в еще один случай имитационных социальных явлений, когда в сущности был выхолощен смысл модернизации, и все перемены ограничились распространением энергосберегающих лампочек, строительством зоны Сколково, и уже забытым е-мобилем.

Политика, которая сегодня в России, по-прежнему ориентирована на далекие цели — от выплаты внешнего долга, до укрепления статуса нового центра мировой политики.... При этом социальный капитал страны — деградирует. Его качество на порядок ниже, чем это было 20 лет назад.

Но главное произошло переформатирование политического ландшафта и изменение институциональных рамок политического режима. Важно заметить, что в начале XXI в. централизация, попытки упорядочить партийную систему, выраженные метафорой «вертикаль власти», по сути означали ограничение демократии образца 1990-х годов. Был восстановлен контроль над законодательными органами, партиями, общественными организациями, СМИ. Усиление властной вертикали создало предпосылки для увеличения политического ресурса региональных политико-административных элит, и как следствие, стимулировало укрепление авторитарных режимов в ряде субъектов федерации, привело к сокращению политической конкуренции и состязательности, сократило уровень политического участия граждан. Сложившуюся политическую систему ряд экспертов характеризует как неконкурентную многопартийную систему с доминирующей партией или как декоративную демократию. Очевидно, что это не устраивает те элитные группы, которые оказались не у дел. Как бы мы ни ругали партии, как бы ни обвиняли их в сервильности, как бы последнее законодательство не ограничивало возможности для регистрации новых партий и для их участия в избирательном процессе, партии постепенно становятся институтами представительства и артикуляции различных интересов и в процессе взаимодействия с федеральной властью добиваются определенных результатов особенно в области партийного строительства и избирательного законодательства.

Отвечая на сложившийся социальный заказ, федеральная власть пошла на уступки и внесла ряд законодательных инициатив, связанных с развитием партийно-политической и избирательной системы. Речь идет о поправках, предусматривающих расширение прав партий на бесплатный эфир, сокращение минимального количества членов партий для регистрации до 40 тысяч человек, возможность участвовать в парламентской работе тем партиям, которые не дотянули до 7%-го барьера, сокращение количества подписей, которые необходимо собрать партии для формирования списка в Государственную Думу.

С другой стороны, несмотря на некоторую либерализацию законодательства о партиях, именно при Медведеве были приняты поправки, продлевающие сроки полномочий депутатов ГД до 5 лет и Президента России до 6 лет.

За 8 лет произошел почти отказ от пропорциональной системы выборов на региональном и местном уровнях. Цель подобного возвращения к отжившим нормам — уход от открытого соревновательного

процесса. Электоральные успехи партии власти часто оказываются добыты за счет использования административного ресурса и искусственного устранения конкуренции.

Завершающим аккордом формирования супер-президентской системы стали изменения в Конституцию 2020 г., которые переформатировали политическую систему, окончательно закрепив приоритет президентской власти и фактически отказались от принципа сменяемости.

Казалось бы, спустя десятилетия демократического транзита, гражданское общество, пусть и молодое, могло бы активнее включиться в обсуждение этих реформ, что-либо легитимировало бы эти реформы, либо составило бы им оппозицию и предложило бы иные сценарии политической трансформации и модернизации.

О политическом дискурсе и политической активности интеллигенции

Что касается актуального политического дискурса, то обращает на себя внимание изменение тренда и сужение пространства публичной дискуссии, связанного, как ярко заметил У.Эко, с формированием «неполноценной демократией», или «медийным деспотизмом». Это явление в разных формах присутствует и в России, где «критика властей доходит лишь до той аудитории, для которой в этой критике ничего нового не содержится» [Цуладзе, 2009: 232]. Несмотря на некоторую либерализацию законодательства о партиях, в т.ч. принятия закона о равном доступе к эфиру, присутствие партий в информационном пространстве неравномерно.

Как замечал Ю.Хабермас, общественные дискурсы приобретают резонанс исключительно в той степени, в какой они обладают диффузностью, а значит, при условии широкого, активного и в то же время нецентрализованного участия. Последнее в свою очередь требует, чтобы за всем этим стояла элитарная политическая культура, в своем формировании свободная от всяких привилегий, интеллектуальная во всем своем объеме [Хабермас, 1992]. Полагаем, что сегодня есть основания говорить о довольно большой группе экспертов-идеологов и аналитиков, которые работают в политической сфере и которые условно могут быть названы интелликулами.

При этом понимание политической модернизации и ее направлений выглядит по-разному у разных групп интересов, и расколы се-

годня пролегают не только между интелликулами и политической элитой, но и внутри этих элитных групп. Это, кстати, породило в общественном дискурсе такие перлы как «патриотическая интеллигенция», «пролетарско-коммунистическая интеллигенция», либеральная интеллигенция», «прозападная интеллигенция», представители которой никогда не пожмут друг другу руки.

Логично, что эксперты, так или иначе близкие партии власти и лояльные режиму публицисты, считают нынешнее состояние политической системы оптимальным. Так, заместитель директора Центра политической конъюнктуры² — Алексей Зудин — полагает, что выборность губернаторов не нужна, и она не может быть панацеей от политической неэффективности и недостаточной демократичности региональных элит [Зудин, 2010: 25]. Этот тезис может быть, и не вызывал бы у нас возражений, если только автор не пытается нас убедить в демократичности элиты федеральной. И уж тем более мы не можем согласиться, что выборы ухудшили качественный состав региональной элиты и привели к ее провинциализации. Коллега ссылается на политическую раздробленность, конфликтность и транзакционные издержки в отношениях с федеральным центром, мы же полагаем, что институционализированный конфликт — нормальный механизм в демократическом обществе, позволяющий согласовывать разные интересы. Разве лучше позиция «чего изволите», которые вынуждены будут демонстрировать главы субъектов, обязанные президенту своим назначением?

Естественно, что не только власть, но и научное, экспертное общество включилось в обсуждение тем, связанных с модернизацией. Весной 2009 г. был обнародован доклад ИНОП (Институт общественного проектирования) «Оценка состояния и перспектив политической системы России», авторами которого являются публичные политики, ученые, примыкающие к политическому течению под крылом «Единой России», а также беспартийные исследователи, практически не замеченные в работе на партию власти [Перегудов, 2009]. Признавая несовершенство политической системы, обращая внимание на перегруженность вертикали власти и игнорирование других политических акторов, включая политические партии и федеральное собрание [Оценка состояния и перспектив..., 2009: 34], авторы предлагают парадоксальные меры: создание полноценных фракций в Единой России, и установление диалога и гражданскими инициативами, сотрудничество с оппозицией и переформатирование режима [Оценка состояния и перспектив..., 2009: 20].

2. Центр политической конъюнктуры — одна из аффилированных структур «Единой России».

Другой прогноз сделал Институт современного развития (ИНСОП), представляющий «правый» подход к анализу реальности «Россия 21 века: образ желаемого завтра» [Россия XXI века..., 2010]. Авторы доклада выступили за прямые выборы губернаторов, за сокращение сроков полномочий депутатов и президента, за снижение проходного барьера для партий. Нового в этом мало, скорее мы видим просто возврат ко многим положениям отмененных законов. Авторы доклада (И. Юргенс и Е. Гонтмахер) подробно описывают образ России будущего, а вот к конкретным мерам переходят лишь на стр. 51 доклада, который в целом состоит из 62 страниц. Итог доклада укладывается в формулу «царь приедет — царь накажет», поскольку главный месседж заключительной части исходит из того, что «постановка означенных задач четко указывает на необходимость политической воли руководства страны: только оно может послать бюрократии достаточно сильные сигналы и добиться их выполнения» [Россия XXI века..., 2010: 51]. Пока же, как признают справедливо авторы, бюрократия откровенно играет на стороне единой России». Манифестом утопического либерализма хочется назвать этот текст, где власть уговаривают отказаться от нечестной игры, от практики поощрения губернаторов и региональных парторганизаций за лучшие результаты на выборах и т.д.

Концепция доминирующей партии всё более популярная на всех этажах властной вертикали, все больше расходится с настроениями и положением дел в обществе, где сложился запрос на гибкую, лабильную и эффективную власть, находящуюся под контролем гражданского общества, в том числе партий, выражающих интересы разных групп населения.

Вот и критики докладов ИНСОРА, говорят о необходимости обеспечения конкуренции, но уже в рамках парламентской республики, где партия большинства формирует правительство и несет ответственность за его деятельность, где обеспечены права оппозиции и т.д. [Межуев, Черняев, 2015].

Следуя логике Суркова, ВЦИОМ ввел в научный дискурс термин «путинизм». Можно упомянуть и те идеологические конструкты, которые воспроизводятся в силу инерции, создаются либо в целях легитимировать существующий политический режим, либо создать ему альтернативу. Здесь преобладают старые максимы, связанные с идеологией «особого пути»: это и новое евразийство Дугина, и идеи Суркова — от суверенной демократии к путинизму, где он договорился что в честном российском государстве, где «Бюрократия, даже когда хитрит, делает это не слишком тщательно, как бы исходя из того, что «все равно все понимают» [Сурков, 2019].

Однако сегодня главный идеологический раскол лежит на линии между конформизмом (лояльностью власти) и артикулируемой (а иногда и активной) позицией против замораживания политического режима.

При этом политические практики интеллигенции (отечественного образованного слоя) — точнее политические определяются политическими симпатиями и антипатиями.

В конце 1990-х мы были свидетелями того, как интеллигенция разбежалась по «партийным» квартирам..., и часто основанием идентификации была не только идеология, сколько потребность и желание прислониться к власти, либо готовность этой власти оппонировать. В связи с этим считаем обратиться к оценке нашими гражданами, и образованным слоем в частности, политического режима и своего места в нем³.

Анализ данных количественных исследований определенно показывает, что запас прочности у режима есть. Образованные люди более скептически оценивают и успехи, и достижения нынешней политической системы: только 13% говорят о том, что их полностью устраивает политическая система российского общества (см. табл.1). Однако в целом их позиции не сильно отличаются в выборке.

ТАБЛИЦА 1. Отношение к политической системе российского общества в зависимости от уровня образования (в% к числу опрошенных)

	ниже высшего	высшее, незаконченное высшее
Меня полностью устраивает политическая система нашего общества	21	13
Много недостатков, но их можно устранить путем постепенных реформ	41	54
Ее необходимо радикально изменить	25	27
Затруднились ответить	12	6

Источник: Центра стратегических социально-политических исследований ИСПИ РАН

3. Далее используются данные мониторинга Центра стратегических социально-политических исследований ИСПИ РАН «Как живешь, Россия?», 2018 г.

Например, когда мы просим респондентов оценить насколько реализованы в России отдельные права и свободы, респонденты, имеющие высшее образование, весьма лояльны действующему режиму, что можно связать в том числе с более высоким уровнем жизни образованных групп населения в целом.

ТАБЛИЦА 2. Оценка степени реализации прав и свобод в зависимости от уровня образования (в % к числу опрошенных)

Степень реализации ниже высшего	Образование		
	высшее, незаконченное высшее	высшее, незаконченное высшее	
равенство всех граждан перед законом	да	17	24
	нет	83	76
личная безопасность	да	29	39
	нет	71	61
соблюдение прав человека	да	30	41
	нет	70	59
социальные гарантии	да	43	45
	нет	57	55
свобода политического выбора	да	61	64
	нет	39	36
терпимость к чужому мнению	да	50	51
	нет	50	49
свобода слова	да	53	56
	нет	47	44

Источник: Центра стратегических социально-политических исследований ИСПИ РАН

Выводы. Интеллигенция не всегда противопоставляет себя власти, но всегда идентифицирует себя относительно власти. В связи с этим можно выделить три группы интеллигенции (интеллектуалов):

1) те, кто «с властью» (сотрудничают, всячески поддерживают, освящают своим присутствием); 2) те, кто находится «в дистанции», предпочитая держаться подальше и не артикулировать своей позиции; 3) те, кто «против власти».

И тогда с одной стороны мы видим И.Кобзона, М.Боярского, Н.Михалкова, А.Кончаловского, З.Прилепина, М.Хуциева, К.Шахназарова, В.Ганичева. С другой — писатели В.Войновича, М.Шишкина, В.Сорокина, Г.Чхартаишвили, Л.Улитину, С.Юрского, А.Макаревича. В связи с этим вспоминается известная история О Станиславском, который, во время травли в 1938 г. Мейерхольда, устроил его в свой театр, хотя они были непримиримыми соперниками. Этот поступок мог стоить ему не только карьеры, но и жизни. Сегодняшняя интеллигенция не всегда находит в себе силы противостоять власти. Пока несвободно общество, трудно выбирать путь свободы.

Однако публичный дискурс полон реминисценций о российской интеллигенции, где многие представители образованного слоя продолжают этот термин использовать, в том числе в качестве репрезентирующего. Не случайно в период белорусского кризиса С.Алексиевич обращается именно к интеллигенции, ожидая от нее определенной позиции.

Можно сказать, что главным нравственным выбором интеллектуала в России сегодня остается выбор между конформизмом (и лояльностью власти) и активной позиции, предполагающей как артикуляцию своей точки зрения, так и участие в оппозиционной политической деятельности.

При этом интеллигенция, а точнее образованный слой, также как и все общество демонстрирует низкий уровень доверия к власти и политическим институтам. Отчасти потому, что институционализация основных демократических процедур и практик происходит в России не прямолинейно, а в последние годы наметилась и тенденция к авторитаризации политического режима.

Как следствие, в последние годы мы наблюдаем рост политической апатии и социального пессимизма и политической дезориентации. Задачи консолидации общества, которые стояли перед властью в условиях малозаметных экономических успехов, вынудили политическую элиту искать основания для российской гражданской идентичности либо в старых победах русского оружия, либо в противопоставлении Западу, что не может быть симпатично значительной части интеллигенции, мыслящей скорее в духе космополитизма и ориентированных на ценности европейской цивилизации, которые ассоциируются с демократией, свободной экономикой и конкурентной политикой.

Список литературы

- Боббио Н. Интеллектуалы и власть / Норберто Боббио // Вопросы философии. 1992. № 8. С. 162–171.
- Быков Д. Чеховский стыд / Д. Быков // Профиль. — 2010 г. — 1 февраля.
- Великая Н. М. Политическая модернизация в российском публичном дискурсе как отражение конфликтов групп интересов / В сб. Культура конфликта во взаимодействии власти и гражданского общества как фактор модернизации России. Материалы I Всероссийского научно-практического симпозиума с международным участием. Редколлегия: Л. И. Никовская (отв. ред.), В. Н. Шевченко, В. Н. Якимец. 2012. С. 337–340.
- Доклад о развитии политической системы Российской Федерации // Государственный Совет Российской Федерации. — Москва, 2010.
- Зудин А. Альтернатива реставрации / А. Зудин // Профиль. — 2010 г. — 8 февраля — С. 25.
- Медведев Д. А. Россия, вперед! / Д. А. Медведев // Официальный сайт Президента РФ. Электронный ресурс, режим доступа свободный: <http://www.kremlin.ru/news/5413>
- Межуев Б., Черняев А., Куркин Н. Политическая гегемония большинства. Доклад Цеха политической критики. Партия умного большинства / Б. Межуев, А. Черняев, Н. Куркин // Русский журнал, 2015. — № 6. Электронный ресурс. Режим доступа — свободный: <http://www.russ.ru/pole/Politicheskaya-gegemoniya-bol-shinstva>
- Орешкин Д. Больше не крыса // Интернет-ресурс, ежедневный журнал, Электронный ресурс. Режим доступа свободный: <http://www.ej.ru/?a=news&id=9489>
- «Оценка состояния и перспектив политической системы России в 2008–2009 гг.» Аналитический доклад ИНОП, 2009 г. // Электронный ресурс, официальный сайт ИНОП. Режим доступа свободный: <http://www.inop.ru/page642/club/page483/>
- Перегудов С. П. Политическая система России: опыт коллективного проектирования. По материалам доклада ИНОП // Полис. — 2009. — № 6 — С. 33–47.
- «Россия XXI века: образ желаемого завтра». Доклад Института современного развития (ИНСОР), 2010 / Электронный ресурс. Официальный сайт ИНСОП. Режим доступа свободный: http://www.riocenter.ru/files/Obraz_gel_zavtra_0.pdf
- Сельвинский И. Нас приучали думать по ниточке... / И. Сельвинский // И. Сельвинский. Pro doma sua. — М., 1990.
- Сурков В. Долгое государство Путина. // НГ — Независимая газета. 11 февраля 2019 / Электронный ресурс. Режим доступа свободный: https://yandex.ru/turbo/ng.ru/s/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html
- Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. — М., 1992.
- Хомский Н. «Системы власти». Москва: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2014.
- Цуладзе А. Единая Россия» в собственном соку // Ежедневный журнал, электронный ресурс. 23 ноября, 2009 г. Электронный ресурс. Режим доступа свободный: <http://www.ej.ru/?a=note&id=9648>

Политические установки в пространстве жизненного мира российской интеллигенции ^{1 2}

Жизненный мир человека складывается из повседневных, рутинизированных практик и условий деятельности, представляет собой «процесс жизнедеятельности индивидов, который развертывается в общеизвестных ситуациях на базе самоочевидных ожиданий» [Горшков, 2009: 36-37]. Содержание жизненного мира человека определяют его ценностные приоритеты, поскольку разные сферы личной и общественной жизни имеют различную значимость. В повседневной жизни людей первостепенное значение имеют крепкая семья, здоровье, постоянная и приносящая материальную независимость работа, надежные друзья, в то время как политика и события политической жизни общества занимают второстепенное положение. Такая расстановка приоритетов не вызывает удивления, поскольку интересы и жизненные стратегии индивида определяются его ближайшим окружением, теми, с кем человек вступает в ежедневные коммуникации, от кого зависит его личное благополучие. Однако, по мнению некоторых исследователей, «доминирующая ориентация на семью и ближний круг общений — это свидетельство бедности ресурсов (институциональных, социальных и человеческих), массовая вынужденная реакция на невозможность солидарности даже в отношении проблем, связанных с условиями простого выживания» [Гудков, 2007: 59]. Подобная ситуация характеризуется как уход большинства населения в «малый мир» повседневности [Зарубина, 2011], сопровождающийся нарастанием страха перед миром, находящимся за стенами дома, что в свою очередь только усиливает апатию и нежелание брать на себя ответственность за решение общественных проблем.

1. Глава подготовлена при финансовой поддержке РНФ в рамках научно-исследовательского проекта №18-18-00024).

2. Кученковой А. В. Политические установки в пространстве жизненного мира российской интеллигенции // Жизненный мир научно-технической и социально-гуманитарной интеллигенции: общее и особенное / РГГУ, Социолог. фак-т, Центр социолог. исследований. Под общей ред. Ж. Т. Тощенко. Редактор-составитель М. С. Цапко; М.: РГГУ, 2015. С. 173-181.

Политические установки, проявление интереса к политике, отслеживание основных событий, формирование собственного мнения по отношению к ним и аргументированный выбор тех или иных идеологических представлений, наличие потребности артикулировать и защищать собственные интересы является предпосылками и основой для реализации индивидом *политических действий*, проявления *политического и гражданского участия*.

Безусловно, люди в разной мере проявляют интерес к политике и степень вовлеченности в политическую жизнь, готовности к активным действиям в этой сфере значительно варьируется, что актуализирует потребность в измерении *политических установок* населения, определении потенциала *политического участия*. В этой связи в данном исследовании решается несколько задач: производится количественная оценка доли россиян, увлеченных политикой в большей и меньшей степени; выявляются социально-демографические особенности этих групп; определяется степень влияния увлеченности политикой на политическую активность и политические взгляды; проверяется наличие взаимосвязи между удовлетворенностью собственным положением в обществе (его изменением в результате реформ 1990-х гг.) и степенью вовлеченности в политическую жизнь.

Эмпирической базой для решения поставленных задач выступают результаты всероссийского опроса по теме «Жизненный мир россиян», проведенного 25-30 октября 2014 г. в 18 регионах страны [Жизненный мир..., 2016].

Сталкиваясь в повседневной жизни с информацией о политических событиях, индивид реагирует разными способами: от полного игнорирования до переосмысления, оценки, выработки собственной точки зрения. Последнее в свою очередь указывает на большую вовлеченность в политическую жизнь и может стать первым этапом на пути к осуществлению политических действий. Личная компетентность, способность сформировать мнение, осмысленные суждения по политическим вопросам напрямую зависят от социального интеллекта, трактуемого как «способность индивида ориентироваться в социальном пространстве, характеризующая респондентов с точки зрения *наличия у них артикулированного интереса* к той или иной жизненной сфере и *активной вовлеченности в нее*» [Благовещенский, Михайлова, Сатаров, 2005: 44]. В случае с политикой субъективная компетентность и социальный интеллект обусловлены интересом к политике; потреблением политической информации из СМИ; объемом и точностью знаний о сфере политики; активностью в выражении своей политической позиции; пониманием сути политических событий и явлений.

В нашем исследовании для измерения степени *увлеченности* респондентов политикой использовались два эмпирических индикатора: уровень интереса к политике и важность политики в жизни опрашиваемых. На основании распределения ответов на соответствующие вопросы анкеты было выделено три группы респондентов: «увлеченные» политикой, «малоинтересующиеся» и «отчужденные» (в табл. 1 отмечены цифрами I, II, III соответственно).

ТАБЛИЦА 1. Степень увлеченности политикой (в % к числу опрошенных)

На сколько Вы интересуетесь политикой?	На сколько важна для Вас политика?			
	Очень важна	Не очень важна	Не важна	з/о
Интересуюсь активно	6,6 (I)	7,2 (I)	2	0
Отдельным проблемами	6,8 (I)	30,6 (II)	12,7 (III)	0,5
Не интересуюсь	2,7	12,1 (III)	18,6 (III)	0,1

К первой группе («*увлеченных*») отнесены респонденты, активно интересующиеся политикой и вместе с тем отмечающие высокую или не очень степень важности политики, а также респонденты, проявляющие интерес только к отдельным политическим проблемам и одновременно убежденные в высокой важности политики. Во вторую группу («*малоинтересующихся*») вошли респонденты, обращающие внимание только на отдельные политические события и оценивающие важность политики в их жизни на среднем уровне (как не очень важную). В третью категорию («*отчужденных*») попали те, кто не интересуется политикой и при этом отмечает, что политика в жизни важна не очень или совершенно не важна, кроме того респонденты, хоть и проявляющие интерес к отдельным событиям, но при этом убежденные в том, что политика в их жизни не имеет никакого значения. Оставшиеся комбинации ответов на используемые вопросы считались логическими противоречиями, нерелевантными поставленной задаче и не учитывались в дальнейшем анализе (5,3% опрошенных).

Пятая часть респондентов (20,6%) вошла в группу наиболее увлеченных политикой, треть (30,6%) представляют категорию «*малоинтересующихся*» и самой многочисленной оказалась группа «*отчужденных*», к ней были отнесены 43,4% респондентов. Далее рассмотрим, какие социально-демографические характеристики оказывают влияние на увлеченность политикой.

Степень вовлеченности в политическую сферу жизни общества взаимосвязана с возрастом: среди опрошенных в возрасте старше 50 лет на 7-12% больше увлеченных политикой, чем среди молодых (до 29 лет), а доля отчужденных на 10-15 % ниже. Полученный результат в очередной раз подтверждает более низкий уровень политической активности молодежи, проявляющийся и в меньшей степени интереса к этой сфере общественных отношений.

Существенное влияние на степень увлеченности политикой оказывает уровень образования. Так, среди респондентов с высшим образованием почти треть проявляют максимальный интерес к политике, менее половины (39,6%) в меньшей степени и только треть (30,5%) безразличны. В то время как среди остальных категорий опрошенных (с более низким уровнем образования) доля «отчужденных» составляет 50-60%. Следует отметить, что степень увлеченности политикой лиц со средним/средним специальным образованием и незаконченным высшим практически не отличается. По сравнению с ними среди лиц с начальным и неполным средним образованием выше доля «отчужденных» и вместе с тем больше «увлеченных» политикой. Таким образом, это наиболее поляризованная по степени увлеченности политикой категория респондентов.

Уровень дохода практически не влияет на степень увлеченности политикой: среди респондентов с доходом более 16 000 руб. на одного члена семьи доля «увлеченных» выше, чем среди других категорий, но незначительно (1-4%). Более тесная связь существует между увлеченностью политикой и типом поселения: в мегаполисах, областных / краевых / республиканских центрах больше людей, увлеченных политикой, в то время как в сельских поселениях (село, деревня, хутор) и поселках городского типа существенно преобладают «отчужденные».

Осознание индивидом своей общественной силы как силы политической создает предпосылки для реализации потребности в отстаивании собственных интересов. Так, уверенность большинства населения в том, что рядовые граждане не имеют возможности повлиять на власть, сказывается и на уровне интереса к политике, и степени вовлеченности, и готовности принимать активное участие в этой сфере общественной жизни. По оценкам исследователей, россияне «не хотят принимать деятельное участие в общественной и политической жизни, потому что считают это бессмысленным занятием, т.к. эффект подобного участия, с их точки зрения, ничтожный» [Гудков, Дубин, Зоркая, 2008: 60]. Однако, «увлеченные» политикой респонденты занимают более активную жизненную позицию в сфере общественных и политических отношений. Подтверждением этому служит более рас-

пространенная, чем среди «малоинтересующихся» и «отчужденных», уверенность в возможности повлиять на принятие важных решений, как по месту жительства, так и на уровне городской (районной), республиканской (краевой, областной) власти и даже на государственном уровне (см. табл. 2).

ТАБЛИЦА 2. Уверенность в возможности оказывать влияние на власть (в % к числу опрошенных)

Можете ли Вы влиять на принятие важных решений? Могу влиять в полной или небольшой мере на ...	увлеченность политикой		
	«увлеченные»	«малоинтересующиеся»	«отчужденные»
Принятие государственных решений в стране	10,3	5,1	2,8
Принятие решений республиканской, краевой, областной власти	13,6	6,6	3,9
Принятие решений городской (районной) власти	21,6	13,1	6,2
Принятие решений по месту жительства (ЖКХ, благоустройство и т.д.)	43,6	45,2	22,7

Оценка своих возможностей влиять на ту или иную ситуацию обуславливает представление о зонах интереса и собственной ответственности. Часто в эту зону попадает только близкое окружение — семья. Условия жизни соотечественников, людей, живущих в том же регионе, и даже соседей волнуют большинство россиян значительно меньше. Данная закономерность свидетельствует о том, что «функция участия в общественных делах ... оборачивается отчуждением, отстраненностью, сознанием невозможности что-то сделать, повлиять на какие-либо вопросы или решение проблем, касающихся жителей уже на уровне ЖЭКа, не говоря о районе или городе, а тем более о политической, экономической и социальной ситуации в стране» [Гудков, Дубин, Зоркая, 2008: 64-65]. Вышеперечисленное воспринимается как чужая зона ответственности, не требующая полноценного участия со стороны граждан. Подобная установка в сочетании с неудовлетворенностью работой государственных структур и институтов становится частью стратегии приспособления и выживания (оправдания собственного бездействия).

Различные исследования фиксируют невысокий уровень политической активности россиян. Тем не менее, активный интерес к политике, увлеченность событиями, происходящими в этой сфере, способствует большей вовлеченности индивида в политическую жизнь,

побуждает к действиям. Несмотря на то, что доля респондентов, принимавших участие в демонстрациях / митингах, пикетах, подписывавших петиции / обращения, крайне мала, среди «увлеченных» политикой таковых как минимум в два раза больше, чем среди «малоинтересующихся» и «отчужденных» (табл. 3). Тем самым можно предположить, что особая значимость политики для индивида оказывает воздействие на его участие в политической жизни (способствует политической активности), однако не является решающим фактором. Повышенного внимания к этой сфере общественных отношений оказывается не достаточно для гарантированного принятия активных действий в политических событиях и акциях [Кученкова, 2013].

ТАБЛИЦА 3. Политическая активность россиян (в % к числу опрошенных)

Участие в различных политических акциях	увлеченность политикой			все
	«увлеченные»	«малоинтересующиеся»	«отчужденные»	
Участвовали в выборах в местные и региональные органы власти	50,4	46,5	31,1	40,1
Подписывали петиции, обращения	5,0	2,2	1,7	2,6
Участвовали в демонстрациях, митингах	4,7	2,2	2,2	3,0
Участвовали в пикетах	1,9	0,6	0,5	0,9
Не участвовали ни в каких формах	42,4	47,7	63,3	53,5

Если политика является значимой для индивида, и он следит за происходящим в этой сфере, то можно предположить, что в этом случае выше вероятность сформированности у него определенных оценок как отдельных событий, так и политической обстановки в целом. Эмпирические данные свидетельствуют, что «увлеченные» политикой более определены в политических вопросах. Так у абсолютного большинства сформирована та или иная точка зрения относительно правильности направления, в котором движется страна, в то время как среди «малоинтересующихся» и «отчужденных» чуть менее половины затрудняются ответить. При этом и «увлеченные», и «малоинтересующиеся» разделились в равной пропорции в отношении этого вопроса (одобряющих курс в три раза больше, чем не одобряющих). В то время как «отчужденные» склонны более пессимистично оценивать текущую политическую ситуацию.

ТАБЛИЦА 4. Оценка курса развития страны (в % к числу опрошенных)

Как Вы думаете, страна развивается в правильном или неправильном направлении?	увлеченность политикой		
	«увлеченные»	«малоинтересующиеся»	«отчужденные»
В правильном направлении	61,2	45,4	36,7
В неправильном направлении	20,5	14,6	19,3
Затруднились ответить	18,3	40,0	43,9

Политические трансформации, произошедшие в России в конце 1980-х — начале 1990-х, привели к смене политической системы, существовавшей в стране. Одной из основных целей преобразования выступал переход к демократической модели политического режима. Однако осуществить этот переход в полной мере без массовой поддержки населением соответствующих ценностей крайне сложно. В связи с этим важно проследить, как россияне с разной степенью увлеченности политикой оценивают сложившуюся политическую систему, её соответствие демократическим принципам.

ТАБЛИЦА 5. Оценка политической ситуации (в % к числу опрошенных)

Согласны ли Вы со следующими суждениями?	увлеченность политикой			все
	«увлеченные»	«малоинтересующиеся»	«отчужденные»	
При всех недостатках нынешнюю власть следует поддерживать	59,8	60,4	49,1	55,1
Нынешняя власть должна быть заменена, во что бы то ни стало	6,9	3,0	5,1	4,9
России нужна твердая рука, порядок в обществе	36,3	39,4	29,3	33,8
Политические свободы и демократия — это обязательные условия существования государства	21,1	17,9	12,1	15,8
Страна больше нуждается в стабильности, чем в переменах	36,6	38,9	34,6	36,1
Страна нуждается в переменах, во что бы то ни стало	10,8	11,8	10,0	10,5

В целом россияне склонны положительно оценивать современную политическую систему и власть: 55,1% опрошенных убеждены, что при всех недостатках нынешнюю власть следует поддерживать и лишь 4,9% считают, что нынешняя власть должна быть заменена, во что бы то ни ста-

ло (см. табл.5). Как среди «увлеченных» политикой, так и среди «малоинтересующихся» и «отчужденных» более распространен выбор в пользу стабильного развития, нежели кардинальных перемен: запрос на общественный порядок выражают более трети опрошенных, в то время как необходимость преобразований любой ценой поддерживает лишь 10% респондентов (см. табл.5). Можно предположить, что определенная стабилизация начала «нулевых», наступившая после экономических и политических потрясений 1990-х, способствовала формированию в целом положительного отношения к функционирующей политической системе.

В российской общественной и политической жизни важную роль по-прежнему играет дискурс «выигравшие» — «проигравшие» в результате реформ, конструируемый и поддерживаемый властными элитами для легитимации собственного положения и сохранения социального порядка [Данилова, 2014]. Именно с помощью этих категорий, отражающих дихотомию социального успеха и поражения, обусловленных доминирующим дискурсом и получивших широкое распространение в публичном пространстве, люди интерпретируют собственный личный опыт, воспринимают и оценивают реальность. По мнению Е.Н. Даниловой, основным фактором отнесения себя к «выигравшим, или «проигравшим», является уровень дохода. Приписывание себя к той или иной категории обуславливает выбор определенной позиции по отношению к социальной действительности и должно сказываться на общественной и политической активности. По мнению одних исследователей, «группы «проигравших» в ходе реформ имеют больше стимулов, чтобы организовать против проведения реформ» [Данилова, 2014: 88], другие же утверждают, что «в Восточной Европе рыночные реформы производят скорее сильных «концентрированных» «победителей» и слабых «диффузных» «проигравших», а не наоборот» [Данилова, 2014: 89]. Таким образом, существует две противоположные точки зрения на характер взаимосвязи между политической активностью и определением себя в качестве «победителя» или «проигравшего».

Эмпирические данные свидетельствуют о том, что отнесение индивидом себя к категории «выигравших» или «проигравших» по результатам реформ никак не сказывается на увлеченности политикой (табл. 6, 7). Тем самым ни улучшение, ни ухудшение положения в обществе не способствует повышению заинтересованности в политической жизни, не вызывает желаний и побуждений каким-либо образом повлиять на окружающую действительность через сферу политических отношений. Аналогичным образом и общая оценка изменений в жизни семьи за последние три года не способствует большей увлеченностью политикой.

ТАБЛИЦА 6. «Выигравшие» и «проигравшие» по результатам реформ (в % к числу опрошенных)

Увлеченность политикой	Лично Вы, Ваша семья выиграла или проиграла от происходящих в стране перемен?		
	выиграла	проиграла	в целом, осталось по-прежнему
«увлеченные»	28	29,1	21,2
«малоинтересующиеся»	24,6	28,7	35,1
«отчужденные»	47,5	42,2	43,8

ТАБЛИЦА 7. Оценка изменений в жизни семьи (в % к числу опрошенных)

Увлеченность политикой	Как изменилась жизнь Вашей семьи за последние 3 года?		
	улучшилась	ухудшилась	осталась прежней
«увлеченные»	27,1	21,2	20,1
«малоинтересующиеся»	31,2	29,1	35,4
«отчужденные»	41,7	49,7	44,5

Невысокая степень вовлеченности в политику «проигравших» объясняется тем, что ««энергии масс» не хватало на самоорганизацию при слабости демократических институтов и что многие были заняты выживанием, ... довольно значительная часть людей психологически деморализованы, демобилизованы, апатичны» [Данилова, 2014: 91]. Подобная ситуация, безусловно, не способствует развитию гражданского общества.

Со стороны индивида поддержание внимания к политической сфере требует не только желания, но и больших усилий, нежели пассивное наблюдение за происходящим. Несмотря на то, что большинство населения остается отстраненным от политической системы и индифферентным по отношению к ней, как показало проведенное исследование, немалая доля (а именно пятая часть) приходится на наиболее «увлеченных» политикой и еще треть можно отнести к «малоинтересующимся» (обладающих потенциалом для перехода в категорию «увлеченных»).

Фиксируя преобладание адаптивных мотивационных установок, а не ценностей, ориентирующих индивида на социальную активность и изменение своего положения, на самоутверждение через признание его заслуг окружающими, проявление инициативы, необходимо учитывать зависимость политической активности от экономического по-

ложения и благосостояния населения. По мнению У. Бека, «только те люди, которые имеют жилье, надежную работу и, следовательно, материально обеспеченное будущее, являются или могут стать гражданами, способными усвоить демократические правила поведения и наполнить демократию жизнью. Простая истина гласит: политические свободы не бывают без материальной безопасности» [цит. по: Горшков, Петухов, 2004: 26]. В этой связи необходим регулярный мониторинг как социально-экономических показателей жизни населения, так и политической активности для поиска ответа на вопрос: можно ли ожидать повышения политической активности россиян, продолжает ли наше общество находиться на стадии «перехода», «транзита» к демократическому устройству или достигнут «конечный пункт» и вовлеченность россиян в политическую жизнь останется на невысоком уровне.

Список литературы

- Благовещенский Н.Ю., Михайлова О.В., Сатаров Г.А. Структура общественного политического сознания // *Общественные науки и современность*. 2005. №2. С. 40–58.
- Горшков М.К. Российская повседневность в условиях кризиса: социологическое измерение // *Социологические исследования*. 2009. №12. С. 36–47.
- Горшков М.К., Петухов В.В. Перспективы демократии в России: угрозы реальные и мнимые // *Социологические исследования*. 2004. №8. С. 23–32.
- Гудков Л. Российская повседневность // *Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссия*. 2007. Т.88. №2. С. 55–73.
- Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Постсоветский человек и гражданское общество. М.: Московская школа политических исследований, 2008. 96 с.
- Данилова Е.Н. «Выигравшие» и «проигравшие» как конструкты доминирующего дискурса // *Мир России*. 2014. Т. 23. № 2. С. 75–102.
- Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.): Монография/Коллектив авторов /Под ред. Ж.Т. Тощенко. — М.: ЦСПИМ, 2015. 367 с.
- Зарубина Н.Н. Повседневность в контексте социокультурных трансформаций российского общества // *Общественные науки и современность*. 2011. №4. С. 52–62.
- Кученкова А.В. Отношение к праву на протест в разных странах: опыт вторичного анализа // *Вестник РГГУ*. 2013. №2. С. 218–232.

Формы отчуждения интеллигенции в российском обществе¹

Социологическая интерпретация понятия «отчуждение»

Современное потребительское общество, основанное на рыночной логике, с помощью средств массовой коммуникации и огромного бюрократического аппарата делает интеллигенцию пассивными наблюдателями своей собственной жизни, снижая ее роль в жизни общества. Одной из глубинных причин такого состояния является ее отчуждение от результатов труда. Поэтому анализ проблем интеллигенции был построен на основе социологической концепции отчуждения труда и путей его преодоления, тем более что эта развивающаяся концепция, получившая в мировой социологии второе дыхание, и уже используется в исследованиях новых явлений современного общества [Vdovichenko, 2017, 2018; Вдовиченко, 2018]. Поэтому совершенно логично начнем рассмотрение некоторых аспектов социологической концепции отчуждения, которые позволяют лучше представить обозначенную тему. Мы исходим из того, что фактически результаты труда многих групп интеллигенции часто отчуждаются от их авторов и используются без их согласия, что не повышает качества их жизни и мотивацию к труду.

Понятие отчуждения, хотя впервые было введено философами, использовалось социологами, которые разработали различные подходы к изучению этого феномена. Как известно Маркс понимал отчуждение во взаимосвязи с разделением труда в условиях капиталистической эксплуатации. Собственник отчуждает у работника результаты его труда, что, в конечном счете, может довести его до многих лишений.

Э. Дюркгейм ввел в социологию понятие аномии как отсутствия коллективных установок, необходимых для нормального функциони-

1. Переработанная и дополненная статья Вдовиченко Л.Н. Преодоление отчуждения российской интеллигенции // *Жизненный мир научно-технической и социально-гуманитарной интеллигенции: общее и особенное* / РГГУ, Социолог. фак-т, Центр социолог. исследований. Под общей ред. Ж.Т. Тощенко. Редакторсоставитель М.С. Цапка; М.: РГГУ, 2015. С. 143–149.

рования социальных структур. Аномия понималась им не как частный недостаток, а болезнь, поражающая общество и способствующая отчуждению. Отсутствие норм так дезориентирует ожидания обычных людей, что они становятся неспособными определить, на что они могут рассчитывать в своей жизни и когда смогут достичь своих целей. Таким образом, прослеживается взаимосвязь между состоянием аномии и отчуждением.

Во второй половине XX-го века концепция отчуждения стала использоваться в разных отраслях социологии. В 50–60-е годы прошлого века американские социологи предприняли попытки исследования возможностей систематического измерения субъективного восприятия людьми своего отчуждения. Ими были разработаны специальные методики, позволяющие определить степень индивидуального отчуждения, а также выявить социальные группы, где этот уровень наиболее высок. На основе данных опросов к ним были отнесены мигранты, представители различных профессиональных и других страт, которые часто занимают маргинальное положение по отношению к «мейнстриму» (mainstream — главный поток, течение) жизни. В 1990-е гг. — начале XXI-го в. эти исследования сошлись с набиравшими популярность работами по проблемам идентификации и новых социальных движений, что заложило основу «постмодернистских» теорий отчуждения.

В соответствии с этими теориями отчуждение на индивидуальном уровне возникает в результате столкновения представлений самого человека о своей социальной роли и места в жизни с идентификацией, которая навязывается ему обществом. Если это противоречие человеком добровольно не преодолевается, то он рискует стать изгоем в данном обществе. Поэтому постмодернистские теории рассматривают отчуждение как исключение из главной тенденции в обществе, из «мейнстрима» вплоть до маргинализации отдельных социальных групп, профессий, индивидов. Теперь причина отчуждения скорее видится в переизбытке свободы, а не в ее недостатке. Это особое, специфическое понимание отчуждения, отличное от «модернистских» концепций, а тем более по сравнению с фундаментальной теорией, видевшей основную ее причину отчуждения в антигуманной сущности определенных типов общественного устройства.

В рамках современных социологических исследований отчуждение чаще всего рассматривается как *субъективное чувство оторванности индивида от своего окружения, работы, результатов труда и даже от собственной сущности*. Наиболее часто встречаются следующие варианты определения отчуждения: (1) пассивность,

ощущение того, что судьба человека не контролируется им самим, а определяется извне другими людьми или предписаниями различных институтов; (2) бессмысленность окружающего мира из-за недостатка понимания или неправильного осмысления того, что происходит в разных сферах жизнедеятельности (таких, как международные дела или межличностные отношения) *вплоть до отсутствия смысла жизни*; (3) неподчинение нормам, *отсутствие согласия с признанными социальными правилами поведения* (и как следствие широко распространенная девиация, безверие, неограниченное соперничество индивидов и т.п.); (4) *отстраненность от результатов собственного труда, неверие в то, что они кому-то нужны вплоть до отсутствия потребности в работе*; (5) *культурное отчуждение, отход от установившихся в обществе ценностей*; (6) *социальная изоляция*, чувство одиночества или обособления в социальных отношениях (как, например, у членов национальных меньшинств); (7) *политическое отчуждение, не включенность в политические отношения*, отсутствие идентификации с какой-то политической партией или предпочтения кому-либо в политике (*политический абсентеизм*, электоральная апатия); (8) *самоотчуждение*, когда индивид в принципе избегает взаимодействия с окружающим миром.

Отчуждение, имеет не только негативный, но отчасти и положительный эффект, если оно мотивирует человека к позитивной деятельности. Отчуждение, в конечном счете, делает преодолевающих его людей духовно богаче, заставляет их реализовывать скрытый в них потенциал.

Социологическая концепция отчуждения используется в анализе условий жизни разных социальных групп, так как сохраняются следующие предпосылки его проявления [Alienation, 2015]: 1. *Распад традиционных жизненных стратегий*, что находит отражение в противоречии реальной жизни и ценностей. 2. *Повышение предъявляемых людям технологических требований*, которые выходят из-под общественного контроля, что усиливает их критическое отношение к современному зарегулированному и централизованному обществу. 3. *Разрушение традиционного баланса между индивидом и обществом* из-за притеснений и даже преследований людей и групп, несогласных с навязываемыми сверху порядками без участия в их обсуждении. 4. *Несогласие с главным направлением городского, индустриального и постиндустриального развития*. 5. *Озабоченность, связанная с усилением контролем со стороны государства массовых коммуникаций*, а также навязыванием с их помощью искусственной псевдокультуры вместо культуры, способствующей развитию креативного мышления. 6. *Растущая дисгармония человеческой цивилизации с природой*, что

находит отражение в новых экологических концепциях отчуждения людей от природы. 5. *Критический настрой интеллигенции, отвергающей негативные явления современного общества.*

Отчуждение российской интеллигенции и пути его преодоления

Результатом труда интеллигенции является интеллектуальный продукт: новая идея, концепция, теория, научный и/или прикладной результат, которые могут внести вклад в развитие общества и быть использованы на практике. Над получением таких результатов трудятся интеллигенты не только в России, но и в других странах. Между ними существует конкуренция, сопровождающаяся иногда заимствованием чужих идей без указания их авторства. То есть результаты интеллектуального труда отчуждаются от их создателя. Это может происходить и внутри научного сообщества, но в условиях рыночных отношений все больше заимствований идей идет со стороны бизнеса и других структур, которые безвозмездно используют чужие наработки, часто без указания авторства. Естественна в этой ситуации негативная реакция представителей интеллигенции на отчуждение результатов их труда. В этих условиях вполне понятен критический настрой российской интеллигенции, отвергающей негативные отношения или игнорирование ее труда в современном обществе. Ее представителями также высказывается озабоченность в связи с усиливающимся контролем со стороны государства, игнорирование их работы в средствах массовых коммуникаций, а также навязыванием и диктатом направлений научных исследований, что мешает развитию креативного мышления. Недовольство вызывает и падение интереса к труду научной интеллигенции и ухудшение условий труда в этой сфере.

Проведенные исследования в России выявили невысокую оценку работы в существующих структурах, вплоть до отчуждения от нее. Произошла трансформация отношения к работе как к «делу чести, доблести и геройства», способу реализации заложенных в человеке возможностей в понимание работы, прежде всего, как источника не только доходов, но и творчества. Эта тенденция затронула и все слои российской интеллигенции. Престиж ее работы, особенно в последние годы, стал заметно падать. Тем самым стал утрачиваться основной смысл ее жизни.

Аналитический центр Юрия Левады («Левада-Центр») в своем ежегодном издании, обобщающем результаты исследований состояния общественного мнения в 2019 г., приводит результаты двадцатилет-

ТАБЛИЦА 1. Какую роль играют в жизни России...? * (ответы ранжированы по последнему замеру)

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2019
2	3,5	3,47	3,62	3,61	3,36	3,42	3,49	3,39	3,91	4,09	4,1	4,24
5	3,74	3,64	3,58	3,71	3,63	3,63	3,84	3,66	3,65	3,72	3,73	3,58
7	3,48	3,53	3,43	3,48	3,45	3,36	3,46	3,4	3,54	3,47	3,54	3,48
12	3,07	2,89	3,29	2,18	3,09	3,06	3,29	3,06	3,38	3,31	3,47	3,24
14	3,18	3,17	3,27	3,30	3,01	3,10	3,23	3,16	3,07	3,19	3,28	3,12
15	3,26	3,00	3,04	3,42	3,04	3,04	3,09	3,13	3,08	3,26	3,15	3,11
16	2,73	2,64	3,04	2,84	2,81	2,81	2,87	2,7	2,95	2,93	3,12	2,91
18	1,89	1,93	2,01	2,05	1,92	1,91	1,96	2,12	2,07	2,1	2,17	2,04
19	2,59	2,43	2,67	2,56	2,54	2,42	2,58	2,47	2,6	2,61	2,69	**
	1600	1600	1600	1600	800	800	800	800	800	800	1600	1600

* — Приводится средний балл по пятибалльной шкале от «очень большую» до «очень малую».

** — «-» вопрос не задавался

Источник: «Левада-Центр» [«От мнений — к пониманию», Общественное мнение — 2019, Москва, 2019: 74].

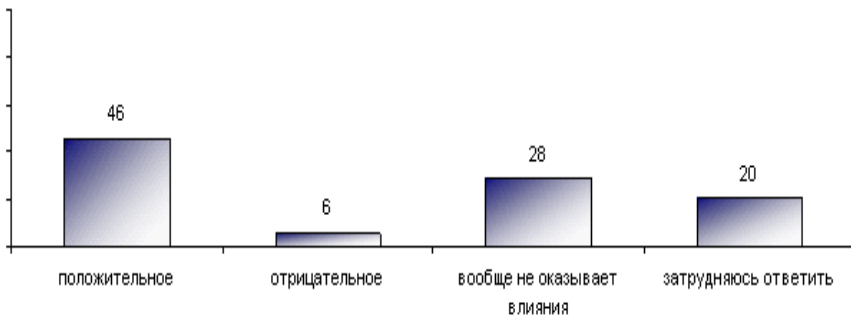
них наблюдений динамики ответов россиян о том, какую роль играют в России различные составляющие ее социума. В данной таблице мы выбрали отдельные позиции для сравнения с оценкой респондентами современной роли интеллигенции в жизни России, которая представлена в табл. 1.

Исходя из представленных данных роль интеллигенции в жизни современной России оценивается россиянами ниже, чем все предыдущие институты и организации (кроме профсоюзов). При этом следует отметить, что ее роль, кроме институтов, привычно занимающих в последние годы высокие позиции (вооруженные силы, олигархи, банкиры, финансисты, директора крупных предприятий и т.п.), существенно уступает СМИ и церкви, которые ведут активную мировоззренческую и информационную работу.

Тем не менее, у интеллигенции еще остаются возможности повысить свою роль в жизни России и общественный кредит доверия. Опрос населения, проведенный Фондом общественного мнения (ФОМ) в 100 населенных пунктах 46 областей, краев и республик России методом интервью по месту жительства в 2015 г. (1500 респондентов), показал: 43% россиян считают, что отличительная черта интеллигенции — особое чувство ответственности за судьбы своей страны; 34% придерживаются мнения, что интеллигенция не отличается от других социальных групп повышенным чувством ответственности за судьбы родины; 23% затруднились с ответом на этот вопрос [ФОМ, 2015].

В рамках этого же опроса ФОМ задавал вопрос о том, какое влияние, с точки зрения российских жителей, оказывает интеллигенция на положение дел в стране (см. рис 1).

РИСУНОК 1. Как Вам кажется, сегодня российская интеллигенция оказывает положительное или отрицательное влияние на положение дел в стране? Или вообще не оказывает влияния? (в % к числу опрошенных) N=1500

Источник. Фонд общественного мнения [ФОМ, 2015].

Как видно из приведенной гистограммы, 46% россиян оценивают влияние интеллигенции как положительное, 6% — как отрицательное. Настораживает то, что 28% считают, что интеллигенция вообще не оказывает влияния на ситуацию в стране, а 20% затрудняются определить ее вклад. Это в какой-то мере является показателем падением доверия интеллигенции, результаты деятельности которой, как в производственной, так и в общественно-политической жизни, либо неизвестны почти половине опрошенных россиян, либо с их точки зрения, ничего не меняют.

Тем не менее, в российском общественном мнении роль интеллигенции, хотя и оценивается противоречиво, но не сбрасывается со счетов. Ответы заявивших, что российская интеллигенция оказывает влияние (как положительное, так и отрицательное) на положение дел в стране, в сумме составляют 52% от числа опрошенных. Это свидетельствует о том, что примерно половина жителей все-таки рассматривает интеллигенцию как действенную силу в России и у нее еще остается некоторый кредит доверия. Как повысить роль и доверие к интеллигенции в российском обществе?

В социальном пространстве роль интеллигенции и кредита доверия к ней со стороны других слоев населения зависит от процессов социализации и идентификации ее представителей, насколько активно они участвуют в общественной жизни и идентифицируют себя как движущая сила прогрессивного развития. Повысить кредит доверия можно, если удовлетворяется стремление представителей интеллигенции реализовать общественные интересы и социальные цели, а существующие в обществе нормы и социальные роли не накладывают ограничений на проявления их индивидуальности и креативности. Если обеспечивается свободное развитие социально ориентированного человека, то на смену его отчуждению от общества приходит его идентификация с культурой и социальной организацией более общего порядка, чем он сам.

Представители интеллигенции стремятся утвердить себя в качестве такой социальной группы в обществе, которая при возникновении различных угроз и вызовов не только бы объясняла их с точки зрения науки, но и разрабатывала пути их преодоления. Тогда повышается общественный статус интеллигенции и растет кредит доверия к ней со стороны других слоев населения. Это стимулирует развитие такой науки, в которой представители интеллигенции обретают свое традиционное место в соответствии со своими знаниями и убеждениями.

Как мне представляется, путь к повышению роли интеллигенции в российском обществе лежит через преодоление неправомер-

ного отчуждения результатов труда ее представителей. Для сохранения прав авторства на интеллектуальные продукты труда требуется продвижение такой сферы законодательства как авторское право. В развитых зарубежных странах существует множество законов и других юридических средств, которые обеспечивают решение этих проблем и преодоление коллизий, которые возникают между авторами и теми, кто заимствует без согласия результаты их интеллектуального труда. В России эта сфера законотворческой деятельности и правоприменительной практики слабо развита, о чем свидетельствуют и сами законодатели.

Представители интеллигенции, безусловно, могут играть более активную роль в процессе принятия решений в различных сферах общественной жизни: экономике, политике, социальной сфере, культуре, экологии и т.п. Этого можно достичь разными путями: увеличением финансирования научных исследований в академических и специализированных учреждениях и в университетах, привлечением ученых к экспертизе в процессе разработки и принятия решений, более активным рекрутированием для работы в государственных органах и структурах бизнеса и т.п. Многие ее представители интеллигенции обладают большим потенциалом творческой и социальной активности, которую они может успешно проявить в современном российском обществе, находящимся перед серьезными вызовами. Для их преодоления представители интеллигенции, обладающие креативными знаниями и передовыми технологиями, предлагают новые, научно обоснованные решения, но часто остаются изолированными наблюдателями процессов, идущих в России и в мире. Умелое использование усилий интеллигенции для решения насущных проблем преодоления бедности, повышения качества жизни, обеспечения социальной справедливости и других задач является залогом повышения роли интеллигенции и кредита доверия к ней в российском обществе.

Список литературы

«От мнений — к пониманию», Общественное мнение-2019. Москва: «Левада-Центр», 2019. От общественного мнения к пониманию. Российское общественное мнение 2012-2013. М.: Аналитический центр Левады, 2014.

Вдовиченко Л.Н. Политическая социализация / Л.Н. Вдовиченко // Политическая социология: учебник / под ред. Ж.Т. Тощенко. — 5-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2018. — 14 гл.

Вдовиченко Л.Н. Международная конференция по доверию в Японии // Социологические исследования. — 2018, № 6. — С. 151–154.

Фонд Общественное Мнение. М.: ФОМ.
URL: <http://corp.fom.ru> (дата обращения 09.02.2015).

Alienation // International Encyclopedia of the Social Sciences.
URL: <http://www.encyclopedia.com> (дата обращения: 08.02.2015).

Alienation, Psychology and Human Resource Management. URL: <http://eprints.utas.edu.au/6814/1/ACREW06.pdf> (дата обращения: 11.02.2015). Escaping alienation: a philosophy of alienation and desalination. London, 2002.

Vdovichenko L. Alienation of Scientists in Post-Communist Europe // XVIII ISA World Congress of Sociology. Facing an Unequal World. Challenges for Global Sociology. Book of Abstracts. Yokohama: ISA, 2014: 1025. URL: <http://www.isa-sociology.org/congress2014> (дата обращения: 11.02.2015).

Vdovichenko L. Roots of Overcoming Sociology's Alienation from the Pressing Problems of Politics. — XIX ISA World Congress of Sociology. Book of Abstracts. Toronto, 2018. — P. 985.

Vdovichenko L. Trust in Politicians in the Course of the Pre-Election Campaign. In: International Conference on Trust: Trust Research from Multi-Disciplinary Perspectives. Tokyo, Japan: The Institute of Social Sciences, Chuo University, 2017. — P. 102.

Политическая роль современной гуманитарной интеллигенции^{1 2}

В общественных представлениях образ интеллигенции связан, в первую очередь с такими профессиями как ученые (этого мнения придерживаются 43% граждан), учителя — так считают 34%, писатели — 31%, врачи — 21% [Российская интеллигенция, 2012]. При том, что значительная часть граждан придерживается мнения о незначительной и не высокой роли интеллигенции в жизни современного общества (по данным «Левада-Центр» так считают 79% граждан), в представлениях людей существуют некие идеальные представления о возможной роли, качествах и характеристиках этой общности. Интеллигенция рассматривается не просто как образованная часть общества, профессионально занятая интеллектуальным трудом, но и как носитель определенных моральных качеств, определяющих нравственное сознание, способность к участию в процессе развития материально-производственной и духовной сфер жизни общества.

Подобные установки существуют и относительно политической жизни интеллигенции, диктуя и навязывая определенные шаблоны и нравственные обязательства. Представителям группы интеллигенции приписывают специфические черты политического сознания и поведения, которые отличают их от других социальных групп.

1. Глава выполнена в рамках гранта «Прекариат: новое явление в социально-экономической структуре общества» Российского научного фонда № 18-18-00024.

2. Переработанная и дополненная статья Воробьевой И.В. Политическая роль современной гуманитарной интеллигенции // Судьбы российской интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее: сб. статей XX Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 9 апр. 2019 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редактор-составитель Цыбикова Д.Г.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. — М.: РГГУ, 2019. С. 222-230.

Поэтому в работе делается попытка проверки следующих стереотипов и установок в отношении данной общности:

- 1) интеллигенция в большей степени, чем другие группы, интересуется политикой и компетентна в данной сфере;
- 2) интеллигенции больше, чем другим социальным группам, присущи либеральные и демократические ценности;
- 3) интеллигенция критически (и даже оппозиционно) относится к власти.

Политическая информированность и компетентность интеллигенции

Предпосылкой политической компетентности и участия становится сформированный интерес к этой сфере. Анализ эмпирических данных показывает — предположение о том, что в группе интеллигенции интерес к политической информации будет выше, чем в других группах, не находит своего подтверждения.

Доля тех, кто не интересуется политикой, сопоставима с остальными группами населения. Объединение в одну группу тех, кто интересуется отдельными проблемами, с активно интересующимися также демонстрирует схожие позиции интеллигенции с другими социальными группами и населением в целом. Чуть более трети, как среди всего населения, так и в группе интеллигенции заявляют о полном отсутствии интереса к политике (см. табл. 1).

ТАБЛИЦА 1. Распределение ответов на вопрос «Интересуетесь ли Вы политикой?» (% от числа опрошенных)

Варианты ответов	Население 2014	Интеллигенция-2016	Население 2018
	Всего	Всего	Всего
Очень интересуются	15,8	11,5	20,9
Интересуются, но только отдельными проблемами	50,6	55,9	46,3
Совсем не интересуются	33,6	32,6	32,8

Источник: Жизненный мир-2014, Интеллигенция-2016, Прекариат-2018

Традиционно интерес к политике в большей степени проявляют люди с высоким уровнем интеллекта, образования, в старшей возрастной категории. Внутри самой интеллигенции распределение по возрастам демонстрирует вполне предсказуемые результаты политического интереса. То есть мы наблюдаем рост интереса к политике по мере увеличения возраста, что характерно и для всего населения в целом. Если среди молодежи до 35 лет о полном игнорировании политической информации заявляют 42,6%, то среди тех, кому больше 50-ти, только 26% говорят о полном отсутствии интереса. Молодежь в большей степени интересуют проблемы дружбы, любви, семейные отношения и вопросы построения карьеры. Поскольку политика не входит в приоритетные интересы, то и значительная часть политической информации не воспринимается и не усваивается. Пожалуй, исключения составляют вопросы более предметные и близкие, а поэтому вызывающие у молодежи больший отклик: защита гражданских прав и свобод, возможность высказывать и отстаивать свое мнение, спорные вопросы законодательных инициатив, например, относительно домашнего насилия. Эти темы находят отклик и становятся предметом гражданского и политического интереса интеллигенции, и в первую очередь молодой.

Политические взгляды интеллигенции: есть ли ориентации на либерализм?

Гипотеза об особой приверженности интеллигенции либеральным взглядам в сравнении с другими социальными группами тоже не находит своего однозначного подтверждения.

Как и в ситуации с населением, политические ориентации этой группы распределились по вектору «левые» — 14%, «правые» — 14,8%, «патриотические» — 21,1% (см. табл. 2). Затруднились с оценкой собственных политических взглядов 38,1% (в 2014 г., по данным исследования ЖМ-2014, все не определившиеся составили менее 15%, в 2018 г. — 18,6%). В отношении всего населения обращает на себя внимание увеличение числа сторонников социалистических и коммунистических настроений, которые остаются стабильно популярными в последние годы, что особенно проявилось при ухудшении экономического положения в стране. Отмечаем также рост числа тех, кто определяет свои взгляды как «патриотические и национальные». Можно говорить, что в политических ориентациях россиян, помимо традиционного разделения на сторонников «коммунистов» и «демократов» сформировалось новое, достаточно многочисленное направление, состоящее из людей, определяющих себя в рамках национально-патриотической идеологии.

ТАБЛИЦА 2. Распределение ответов на вопрос «Какие политические взгляды Вам ближе?» (% от числа опрошенных)

Варианты ответов	Население 2014	Интеллигенция 2016	Население 2018
Левые (социалистические, коммунистические)	21,2	14,0	22,5
Правые (либеральные)	18,8	14,8	14,5
Патриотические	28,7	21,1	36,8
Национальные	—	7,5	
Монархические	4,4	3,3	1,2
Еще какие	7,0	1,2	1,5
Религиозных	—	—	4,9
Затруднились ответить	14,7	38,1	18,6

Источник: Жизненный мир–2014, Интеллигенция –2016, Прекариат–2018

То, что интеллигенция в большей степени, чем все остальное население, испытывает трудность с идентификацией своих политических взглядов, объясняется, с одной стороны, как попытка полного игнорирования, исключения этой сферы из своих приоритетов, с другой — тем, что большая информированность и высокий уровень критического мышления не позволяет некоторых безусловных определений своей позиции в политических ориентациях и предпочтениях.

Таким образом, политические взгляды интеллигенции оказались даже более неопределенными, чем всего населения в целом. Эти данные во многом подтверждаются результатами опросов «Левада-Центр» в 2016 г., согласно которым 38% населения говорят о том, что не разбираются в политике и не интересуются ей [Общественное мнение, 2017: 45]. Соответственно, можно говорить, что ситуация в сфере политической компетентности и информированности группы интеллигенции ничем не отличается от остального населения и данная группа не может считаться авангардом политического знания.

Политическая и гражданская активность интеллигенции

Отсутствие интереса к политике, о котором уже говорилось ранее, сказывается и на готовности интеллигенции к включению в данный вид деятельности. Данные опросов в 2016 г. показывают, что интеллигенция обнаруживает несколько меньший уровень реальной политической активности в сравнении с другими группами населения: о своем неучастии в политической жизни заявляют 57% интеллигенции, среди всего населения таких 53,5% (см. табл. 3).

ТАБЛИЦА 3. Распределение ответов на вопрос «В каких формах политической жизни Вы принимали участие?» (% от числа опрошенных)

Варианты ответов	Население 2014	Интеллигенция-2016	Население 2018
Выборы в республиканские, краевые и областные органы власти	—	13,05	45,1
Выборы в местные органы власти	40,1	26,9	32,6
Подписание петиций, обращений	2,6	9,65	4,5
Интернет	—	7,3	
Забастовки	0,1	0,4	0,3
Пикеты	0,9	0,7	0,4
Обращения к депутату или в органы власти	—	6,7	—
другое	—	—	4,5
Ничего из перечисленного	53,5	57	45,8

Источник: Жизненный мир–2014, Интеллигенция–2016, Прекариат–2018

Традиционно участие в выборах остается самой распространённой формой политической активности граждан. При этом участвовать в прошедших осенью 2016 г. выборах в Государственную Думу РФ были намерены менее половины опрошенных. 19,6% отказались от участия в выборах, а треть (30,65%) не определились с решением об участии в голосовании.

Иначе говоря, интеллигенция не просто не является выразителем политической активности, подающей пример остальным группам населения — она сама самоустраняется от выполнения гражданского долга. Остается не вполне понятным, что это, какая-то форма проявления гражданской позиции или полная апатия и безразличие к политической жизни своей страны?

Как показали исследования, политическое участие зависит от политической самоидентификации и политической компетентности личности. То есть, практики политического участия воспроизводятся, если участники осознают их смысл и цели. Значит ли это, что некомпетентность интеллигенции в политических вопросах приводит к политической пассивности? Скорее нет, вероятно, речь идет об дистанцированности и отчуждении (пожалуй, кроме небольших групп интеллигенции, принадлежащих к государственным и политическим структурам). Остальная часть интеллигенции, отчасти завися от государства, отчасти от неверия в возможность перемен, отчасти от нежелания ввязываться в «грязные» политические дела демонстрирует полный уход и игнорирование этой сферы жизнедеятельности.

Сказывается и отсутствие сильных политических лидеров, которые могли бы стать представителями интересов интеллигенции. Стоит заметить, что представленные на сегодняшней политической арене лидеры несистемной оппозиции, пытающиеся говорить от лица интеллигенции, в большинстве случаев выглядят как политические маргиналы, и тоже не могут стать полноценным рупором политических интересов интеллигенции.

При том, что гуманитарная интеллигенция, в сравнении с 1990 гг. практически не заявляет о себе как активная социально-политическая сила и выказывает низкий уровень гражданской и политической активности, надо отметить, что основные протестные акции 2011-2012 гг. и 2018-2019 гг. все же связаны с реакцией и действиями интеллигенции, и, в первую очередь, ее молодой части. Кроме того, возникают новые каналы выражения недовольства граждан, например, сеть Интернет (многочисленные форумы, группы в социальных сетях и пр.). О том, что им доводилось высказываться на политические темы в Интернете (в социальных сетях и на форумах), заявило 7,3% участников опроса [Интеллигенция-2016]. Этот сегмент проявления гражданской и политической активности имеет самый большой потенциал роста в среде интеллигенции. Так, интернет-поддержка «дела Голунова» стала не только массовым выражением недовольства несправедливыми действиями полиции и властей, но и переросла в реальную протестную активность широких масс населения, среди которых интеллигенция составила весьма значительную часть.

Большой потенциал протестного поведения для интеллигенции сохраняет сфера экологии (проблемы мусорных свалок, хранение радиационных отходов, проблемы вырубки лесов, парков и скверов и пр.). Эта тематика всегда получала в среде интеллигенции большой отклик, поскольку напрямую влияет на универсальные ценности гуманитар-

ной интеллигенции: здоровье, семья и дети, которые близки и понятны каждому человеку. Эти же проблемы фигурируют в ответах в качестве сфер, которые вызывают у группы интеллигенции наибольшее беспокойство. При этом, к сожалению, сложно говорить о каких-то массовых масштабных включениях интеллигенции по сравнению с другими социальными группами в волонтерские, экологические и иные организации. Неполитическая социальная активность остается невысокой и в основном, остается в виртуальных площадках: на сайтах и форумах.

Мнение о политической ситуации в стране

На основе политической информированности возникает определенное отношение к политической ситуации в стране. Стоит отметить, что представление о ней в группе интеллигенции чуть более критическое, чем в целом по населению: 46,4% оценивают ее как «кризисную», а 6,8% — как «катастрофическую» (см. табл. 4).

ТАБЛИЦА 4. Распределение ответов на вопрос «Ваше мнение о политической ситуации в России в настоящее время?» (% от числа опрошенных)

Варианты ответов	Население 2014	Интеллигенция-2016	Население 2018
Благоприятная	6,6	3,55	14,1
Обычная	39,8	30,2	
Кризисная	36,6	46,45	22,2
Катастрофическая	5,3	6,85	—
Не совсем спокойная, не совсем благоприятная	—	—	50,9
Затруднились ответить	11,7	12,95	12,8

Источник: Жизненный мир–2014, Интеллигенция–2016, Прекариат–2018

Негативная оценка положения дел в стране может объясняться тем, что среди интеллигенции самое большое число таких, кто считает, что они проиграли в результате произошедших в России перемен (в группе интеллигенции выбравших эту позицию более трети, а среди всех россиян — чуть менее 14%). Полагаем, интеллигенция может считать, что «проиграла» или уступила свои позиции по нескольким основаниям. Во-первых, речь идет о потере экономического статуса и престижа данной группы. Во-вторых, падение значимости принад-

лежности к данному слою (распространение высших учебных заведений низкого качества, получение высшего образования за деньги и инфляция его ценности и пр.).

При этом, свое будущее гуманитарная интеллигенция связывает со своей страной. Только 5,3% из них хотели бы уехать за рубеж на постоянное место жительства. Остальные рассматривают зарубежные поездки в качестве возможности провести отпуск, побывать в командировке, учебы и стажировки. Кроме того, для гуманитарной интеллигенции очень важны ценности порядка, законности и справедливости. При ответе на вопрос о желаемом будущем для России 61,5% дали ответ «Государство, где соблюдают справедливость, равные права для всех», 48,8% — «Обеспечение стабильности в обществе, без войн и революций», 36,5% — «Возвращение России статуса великой державы» [Интеллигенция-2016].

Интеллигенция и власть

В отношении власти интеллигенция выказывает достаточно высокий уровень лояльности и конформизма. Основная часть интеллигенции выступает за сохранение стабильности, не стремится к переменам и считает, что при всех недостатках нынешнюю власть стоит поддерживать. Стоит отметить, что основная часть интеллигенции (как и все остальные группы) придерживается позиции сохранения существующего положения дел.

Россияне считают, что «Интеллигенция идет на слишком большие компромиссы с бизнесом и властью». По данным «Левада-Центр», эту позицию разделяют 49% граждан, а 24% затрудняются с ответом [Российская интеллигенция, 2012].

Несмотря на то, что среди интеллигенции меньше всего тех, кто считает, что при всех недостатках нынешнюю власть стоит поддерживать (45,9% в среде интеллигенции против 55% среди всего населения), данный вариант ответа является самым популярным. Следующие по значению ответы, хоть и в меньшей степени, соотносятся с результатами опроса населения в 2014 г.: 33,9% считают, что «Страна больше нуждается в стабильности, чем в переменах», 26% — что «России нужна твердая рука, порядок в обществе». За перемены в обществе выступает даже меньшее число интеллигенции, чем в целом по России во всех группах населения. Даже тезис о том, что «Политические свободы и демократия — это обязательные условия существования государства» разделяют всего 13,5% (в целом по населению 15,8%) (см. табл. 5).

ТАБЛИЦА 5. Распределение ответов на вопрос «С какими из перечисленных суждений согласны?» (% от числа опрошенных)

Варианты ответов	Население 2014	Интеллигенция–2016
При всех недостатках нынешнюю власть следует поддерживать	55,1	45,9
Нынешняя власть должна быть заменена, во что бы то ни стало	4,9	6
России нужна твердая рука, порядок в обществе	33,8	26
Политические свободы и демократия — это обязательные условия существования государства	15,8	13,45
Страна больше нуждается в стабильности, чем в переменах	36,1	33,9
Страна нуждается в переменах, во что бы то ни стало	10,5	7,3

Источник: Жизненный мир–2014, Интеллигенция–2016

Таким образом, предположение о том, что интеллигенция критично настроена к власти и в большинстве своем придерживается демократических ценностей тоже не находит своего подтверждения. Изучаемые группы интеллигенции не обладают какими-то специфическими формами сознания в политической сфере и полностью разделяют взгляды и предпочтения присущие всему населению страны. Значительная часть интеллигенции, будучи интеллектуалами-профессионалами, работает в государственных сферах и зависит от государства и власти, которые выплачивают им зарплату, социальные пособия и пр. И это в определенной мере препятствует критической оппозиционной настроенности по отношению к власти. Учитывая, что интеллигенция обладает потенциалом влияния на массы через трансляцию культуры, образцов поведения, норм и пр., ее поддержка существующей власти обеспечивает поддержку власти и со стороны остального населения.

Отношения власти и интеллигенции во все исторические периоды были непростыми. Вопросы взаимодействия, сотрудничества, критцизма власти со стороны интеллигенции всегда были полем для споров и дискуссий. Некоторые исследователи категорично ставят вопрос, что интеллигенция такая социальная группа, которая всегда должна находиться в оппозиции к власти. Однако позиция обязательного противопоставления понятий «интеллигенция» и «власть» в настоящий момент представляется достаточно спорной и нецелесообразной.

По целому ряду формальных признаков (например, наличие высшего образования, занятие интеллектуальным трудом) значительная часть управленческого аппарата на разных уровнях (как политическая,

государственная, так и представители менеджмента конкретных организаций и учреждений) может быть отнесена к группе интеллигенции. Иными словами, нынешняя политическая власть и менеджмент являются одной из «ветвей» социальной группы интеллигентов.

Неоднородность интеллигенции, отсутствие четких критериев (кроме образования и занятия интеллектуальным трудом) затрудняет однозначные обобщения о ее роли в жизни общества, в том числе в политической сфере. Увеличение и размывание данной группы, произошедшее в том числе из-за распространенности и доступности высшего образования, технологизации труда ставит перед учеными задачу по выработке новых подходов и критериев определения и идентификации интеллигенции.

Политические, экономические и социальные преобразования, которые начались с образованием постсоветской России, определенным образом отразились на социальном статусе и политической роли интеллигенции. В целых сферах, в том числе в политической произошло серьезное вытеснение интеллигенции и снижение ее авторитета у населения. Довольно ярко это проявляется во время голосования на выборах, когда представители интеллигенции проигрывают представителям силовых структур, представителям бизнеса, поскольку в представлениях электората не являются значимыми фигурами, способными к эффективному решению насущных проблем.

Сегодняшняя роль интеллигенции в политике не является значимой. Данные целого ряда исследований показывают, что значительная часть интеллигенции (или тех, кто формально может быть причислен к этой группе) не разбирается в политике и не интересуется ею. Даже наиболее продвинутая часть интеллигенции в значительной мере абстрагировалась от реальной политической ситуации сосредоточилась на личных повседневных проблемах и делах ближайшего окружения.

Политические взгляды большей части интеллигенции далеки от либерализма и во многом сконцентрированы на позициях сохранения устойчивого равновесия, полагая, что страна больше нуждается в стабильности, чем в переменах. Отсюда вытекает и следующая позиция, разделяемая существенной частью интеллигенции о том, что «при всех недостатках нынешнюю власть стоит поддерживать». Реальная политическая активность группы практически упала и в значительной мере перетекла в виртуальное пространство, социальные сети.

Определенная часть интеллигенции сохраняет свое оппозиционное положение к государственной власти, что периодически выливается в некоторые акции и протесты. При этом, существуют и другие перегибы при которых критика существующих дел в стране выливается в полное отторжение, пренебрежительное отношение к стране и людям в целом, огульное и неразборчивое восхваление западных ценностей.

Другая часть интеллигенции, являясь сотрудниками бюджетных организаций и находясь в прямой зависимости от существующей власти и государственного финансирования, опасается высказывать свое мнение по целому ряду вопросов и предпочитает либо осуществлять сдержанную поддержку, либо полностью абстрагируется от ситуации, предпочитая не вмешиваться в политические, гражданские и управленческие вопросы, концентрируясь на личных и профессиональных задачах. Это может привести к тому, что *«России угрожает полное уничтожение интеллигенции как социальной группы или перерождение оной в слой интеллектуалов-технократов, которые не будут озабочены судьбами страны, а будут заниматься исключительно научно-техническим прогрессом»* [Свиридов, 2011]. При этом, не только должно сохранять и поддерживать условия для развития и сохранения группы интеллигенции как носителей культурных, социально-значимых, интеллектуальных ценностей, но и сама интеллигенция должна занять более активную позицию по преобразованию жизни как своей, так и положения дел в обществе.

В этом контексте традиционное противопоставление понятий «интеллигенция» и «власть» представляется в настоящих условиях не вполне верным и даже устаревшим. Значительная часть руководителей (как государственной, так и на уровне менеджмента конкретных организаций и учреждений) по всем формальным признакам могут быть отнесены к группе интеллигенции. Иными словами, нынешняя власть и нынешний менеджмент и являются одной из «ветвей» социальной группы интеллигентов. Более того, положительный смысл имеет потребность большего включения представителей интеллигенции в аппарат управления организаций, во властные структуры. Несогласные с такой позицией считают, что интеллигент, пришедший в администрацию организации или на работу в органы государственной власти, перестает быть интеллигентом, теряя свое мировоззрение и внутренние установки. Да, отчасти интеллигенция, вступившая во власть, начинает частично разделять ценности, принятые в данной сфере, но при этом сохраняет и привносит свои. Таким образом, воспроизводятся некие гибридные ценности, сближающие позиции властных структур

и интеллигенции. В сегодняшних условиях есть серьезная потребность с одной стороны — в культивации и развитии у современных руководителей и управленцев всех уровней такого важного качества как интеллигентность, а с другой — увеличении числа интеллигенции, которая не просто находится в критично-пассивной позиции к власти и ситуации в стране, но способна к конкретным делам, преобразованиям в культурной, социальной, политической жизни общества.

Список литературы

- Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х—середина.2010-х.гг): Монография/Коллектив авторов. — М.: ЦСПИМ, 2015. 367 с.
- Зеленко Б. О политических стереотипах интеллигенции в современной России / Интеллигенция и власть: Сб. статей. М., 2008.
- Интеллигенция и власть: Сб. статей / РГГУ. Социологический факультет. Центр социологических исследований; Под общей редакцией Ж.Т. Тощенко. Редколлегия: М.Б. Буланова, Н.М. Великая, А.В. Стрельникова, С.Ю. Хурумов, М.С. Цапко. Сост.: Р.И. Анисимов. — М.: РГГУ, 2008. 470 с.
- Как живешь, интеллигенция? Социологические очерки: коллективная монография / Отв. ред. Ж.Т. Тощенко. — М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2018. — 360 с.
- Общественное мнение — 2016. — М.: Левада-Центр, 2017. — 272 с.
- Прекариат: становление нового класса: (коллективная монография) /Под ред. Ж.Т. Тощенко. — М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга. 2020. 400 с
- Российская интеллигенция. Исследование АНО «Левада-Центр». Опрос был проведен 16-19 марта 2012 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.levada.ru/2012/04/16/rossijskaya-intelligentsiya/> (дата обращения: 02.05.2017)
- Свиридов В.П. Политическая роль интеллигенции в условиях трансформации российского общества. Автореф. Дис..канд. полит. Наук. — М., 2011. —24 с.
- Яковенко А.В. Смыслы жизни интеллигенции: между стереотипами и реальностью. / Смыслы жизни российской интеллигенции. — М., РГГУ. 2018. 396 с.

Мировоззренческие установки интеллигенции¹

В процессе изучения специфической роли, которую интеллигенция играет в современном обществе, особое значение приобретает анализ ее мировоззренческих установок, т.е. совокупности взглядов и ценностей, жизненных позиций, определяющих поведение представителей данной социальной общности, их отношение к окружающему миру и представлению о своей позиции в нем, позволяющую им оценивать окружающую действительность, и регулирующую общение и взаимодействие с другими людьми и группами.

По данным исследования «Жизненный мир россиян» (2014 г.) наиболее значимыми в жизни гуманитарной интеллигенции являются семья, здоровье, работа и друзья (см.табл.1) [Жизненный мир, 2016]. Закрывает данный список «политика». Подобное ценностное распределение находит свое отражение на практике, значительная доля интеллигенции на сегодняшний день практически не включены в политическую сферу жизни общества. По данным исследования «Как живешь, интеллигенция?» (2016 г.), интерес к политике выражают только 8,8% данной группы, 35,1% — совсем не интересуются и 56,1% проявляют заинтересованность только в отношении отдельных проблем. Следует отметить, что иерархия ценностей россиян базируется на тех же значимых жизненных компонентах. Но при этом, мы видим, что значимость работы, общественного признания повышается в рядах представителей интеллигенции (см. табл. 1)

1. Переработанная и дополненная статья Галкиной М.М. Мировоззренческие установки интеллигенции // Смыслы жизни российской интеллигенции / РГГУ, Социолог. фак-т, Центр социолог. исследований. Под общей ред. Ж.Т. Тощенко. Редактор-составитель Д.Г. Цыбикова; М.: РГГУ, 2018. С.327-335.

ТАБЛИЦА 1. Ценностные ориентации интеллигенции (в % от числа ответивших)

Ценностные ориентации	Очень важно		Не очень важно		Не важно		Затруднились ответить	
	Население	Гум. интеллигенция	Население	Гум. интеллигенция	Население	Гум. интеллигенция	Население	Гум. интеллигенция
Семья	95,0	98,1	4,1	1,9	0,7	0	0,1	0
Работа	69,4	81,9	20,0	18,1	8,5	0	2,1	0
Политика	16,2	20,0	49,8	51,0	33,4	27,6	0,6	1,4
Друзья	60,1	70,0	34,7	25,7	4,9	4,3	0,3	0
Культурный досуг	33,4	47,1	52,7	43,8	13,4	7,6	0,6	1,4
Религия	27,7	31,4	48,6	50,5	23,1	17,1	0,6	1,0
Здоровье	87,6	89,0	10,5	10,0	1,8	1,0	0,1	0
Общественное признание	24,8	31,9	47,8	44,8	26,7	22,9	0,7	0,5

Источник: «Жизненный мир россиян...» (ЖМ-2014).

При этом в самой работе, большинство представителей интеллигенции отмечают, прежде всего, важность величины заработка (58,9%). Значимость материального компонента в мировоззренческих установках интеллигенции подтверждается и тем фактом, что при обозначении обстоятельств, определяющих сегодня социальное положение и престиж человека в обществе, значительная доля отмечает именно владение капиталом (деньгами), материальными или другими ценностями (52,2%). Лидирующую позицию занимают связи с важными людьми,

о значимости которых говорят 53,4%, далее следует обладание властью или доступом к ней (52,1%). Что касается личных достижений в образовании и профессиональной подготовки, то это отмечают 34,7%, личные качества (ум, привлекательность, сила и др.) — 26,4%. Также и при определении наиболее важных моментов в работе, представители интеллигенции указывают на значимость содержания работы (38,7%), примерно каждый третий отмечает важность полезности работы для общества (30,1%), около 10% говорят о возможности занимать определенное положение в обществе (9,5%) [Интеллигенция, 2016].

С этой точки зрения интересным становится анализ установок анализируемой общности по отношению к определению роли и предназначения интеллигенции в современной России, каким они видят образ современной интеллигенции и как это влияет на их жизненные практики.

Размышляя над образом современной интеллигенции, приводя примеры тех, кого сами представители данной социальной общности могут отнести к интеллигентам в самом высоком смысле этого слова они в большинстве своем, представляют образ не просто образованных людей, но и носителей высоких морально-нравственных качеств, вовлеченных в общественную жизнь. Они отмечают такие качества как «популярность, культурные, интеллигентность, благотворительные дела, общественные деятели» (21,0%), «образование, ум» (20,2%), «правдивость, честность, порядочность, нравственность, доброта, сочувствие, открытость, скромность, великодушный, бескорыстный, благородство, уважение к чужому труду» (18,7%). При ответе на вопрос: «Сохраняет ли современная российская интеллигенция традиции своих предшественников?», представители данной группы дают утвердительный ответ в отношении следующих позиций «выполнять принцип «служить народу»» (38,3%) (33,1% отмечают, что нет), «активно участвовать в общественной жизни» (44,1%) (25,4% отмечают, что нет), «быть примером нравственного поведения» (43,2%) (30,1% отмечают, что нет) [Интеллигенция, 2016].

Однако в тоже время, о значительной роли интеллигенции говорят только 15, 1% представителей. По мнению примерно такой же доли интеллигенция, сегодня практически не играет никакой роли в жизни общества (16,9%). Часть интеллигенции воспринимает ее роль как незначительную (26,7%) или среднюю (25,1%) [Интеллигенция, 2016].

На практике подобное различие в установках относительно восприятия роли и образа интеллигенции своеобразно проявляется в поведенческих практиках в различных сферах жизни общества.

Так, несмотря на то, что степень включенности в общественную жизнь среди сторонников мнения, что современная интеллигенция активно участвует в общественной жизни, чуть выше, чем у приверженцев другого образа современной интеллигенции, можно констатировать, что их активность направлена в первую очередь на удовлетворение собственных интересов (например, среди общественных организаций в деятельность которых они включены, преобладают группы культурного — творческого и спортивного характера) (см. табл. 2).

ТАБЛИЦА 2. Степень участия в общественных организациях в зависимости от активности в политической жизни (в % от числа ответивших)

Общественно-политические организации	Современная интеллигенция активно участвует в общественной жизни	Современная интеллигенция не участвует активно в общественной жизни
Профсоюз	39,4	36,6
Политическая партия или объединение	3,6	0,5
Культурная, музыкальная, театральная организация	13,5	6,2
Природоохранная (экологическая) организация	1,6	0,5
Религиозная община	1,9	0,5
Спортивная	3,4	1,5
Здравоохранительная	5,7	5,2
Молодежная	2,1	0,5
Правозащитная	1,8	0,5
Группа по охране общественного порядка	0	1
Волонтерская (помощь пожилым людям, детским домам)	6	1,5
Женская	1,1	1
По охране памятников истории и культуры	2,9	1
Другая организация	1,1	1,5
Ни в какой организации не стоят	43,1	52,9

Источник: «Как живешь, интеллигенция?» (Интеллигенция–2016).

Сравнение политических практик и включенности в деятельность различных общественных организаций в группе тех, кто согласен с утверждениями, что современная интеллигенция верна традициям служения народу, и тех, кто придерживается противоположной позиции также показывает, что убежденность в определенном нравственном и общественном предназначении интеллигенции не всегда выступает как установка на определенную модель поведения для представителей данной группы (см.табл.3). Исключение, как мы видим, составляют только профсоюзы. Однако здесь открытым остается вопрос о характере включенности в деятельность профсоюзных организаций. Предполагает ли он на самом деле активные действия со стороны интеллигенции и не является ли по факту номинальным?

ТАБЛИЦА 3. Степень участия в общественных организациях в зависимости от принципа служения народу (в % от числа ответивших)

Общественно-политические организации	Современная интеллигенция выполняет принцип «служение народу»	Современная интеллигенция не выполняет принцип «служение народу»
Профсоюз	41,2	32
Политическая партия или объединение	3,1	1,1
Природоохранная (экологическая) организация	1,5	0,4
Здравоохранительная	6,2	6,2
Молодежная	2,1	1,5
Правозащитная	2,1	0,4
Группа по охране общественного порядка	0	0,8
Волонтерская (помощь пожилым людям, детским домам)	5,5	3,7
По охране памятников истории и культуры	3,3	0,8
Ни в какой организации не стоят	39,4	56,6

Источник: «Как живешь, интеллигенция?» (Ителлигенция–2016).

Аналогичная ситуация складывается и в отношении политической активности. Как отмечалось ранее, среди представителей анализируемой группы отмечается низкий интерес в отношении политической сферы жизни общества. Представители интеллигенции, воспринимающие

роль данной группы как значительную или среднюю, демонстрируют чуть большую включенность в политические события, происходящие в стране по сравнению с убежденными в том, что современная интеллигенция не играет никакой роли, при этом доля самоустранившихся от политической сферы все равно остается очень высокой и составляет примерно половину в данных группах (см. табл. 4).

ТАБЛИЦА 4. Степень участия в актах политической жизни в зависимости от оценки роли интеллигенции в жизни общества (в % от числа ответивших)

Акты политической активности	Инт-ция роли не играет	Роль значительна	Роль средняя или незначительная	Затрудились ответить
Выборы в республиканские, краевые и областные органы власти	13,7	19,7	16,7	6,1
Выборы в местные органы власти	17,9	31,1	32	29,3
Подписывали петиции, обращения	2,6	14,4	8,9	6
Интернет	4,4	8,3	7,1	8,3
Забастовки	0,9	0,8	0,2	11,2
Пикеты	0	1,6	0,8	0
Обращения к депутату или в органы власти	3,6	16,7	5,2	0
Ничего из перечисленного	70,1	44,7	51,9	57,6

Источник: «Как живешь, интеллигенция?» (Ителлигенция–2016).

Восприятие образа интеллигенции, основанное на таких идеалах, как необходимость служить народу и принимать активное участие в общественной деятельности также в некоторой мере повышает вовлеченность интеллигенции в процессы, происходящие в общественно-политической жизни страны, однако, как мы видим, основной формой участия остаются выборы, при этом более половины представителей всех рассматриваемых групп опять же оказываются абстрагированы от политических событий и процессов (см. табл. 5).

ТАБЛИЦА 5. Степень участия в актах политической жизни в зависимости от принципа служения народу (в % от числа ответивших)

Акты политической жизни	Современная интеллигенция выполняет принцип «служение народу»	Современная интеллигенция не выполняет принцип «служение народу»	Современная интеллигенция активно участвует в общественной жизни	Современная интеллигенция не участвует активно в общественной жизни
Выборы в республиканские, краевые и областные органы власти	17,2	15,4	17	16,8
Выборы в местные органы власти	23,4	33,1	29,9	26,7
Подписывали петиции, обращения	8,6	7	7	8,9
Интернет	8,9	5,2	8	7,3
Забастовки	1,5	0	0,3	0,5
Пикеты	1,5	0,4	1,6	0
Обращения к депутату или в органы власти	9,9	4,8	8,6	5,7
Ничего из перечисленного	53,5	57	52,1	59,2

Источник: «Как живешь, интеллигенция?» (Интеллигенция–2016).

При этом, следует отметить, что даже наличие предпочтительных политических взглядов хоть и опосредует большую степень включенности в различные акты политической жизни страны, но, отстранённость от любых форм политической активности остается характерной примерно для половины тех, кто выказывает предпочтение определенным политическим течениям. (46,8% среди определившихся с политическими взглядами не принимали участия ни в каких формах политической жизни в указанные годы, среди тех, кто затрудняется с определением своих взглядов доля составила 67,4%). Несмотря на то, что большинство представителей интеллигенции определились в отношении собственных политических взглядов (60,1%), можно констатировать, что даже наличие определенной политической позиции не делает политику приоритетной сферой интересов и внимание интеллигенции остается сосредоточенным на отдельных процессах и явлениях политической жизни [Интеллигенция, 2016].

По всей видимости негативное влияние на общественную и политическую активность интеллигенции оказывает еще одна установка. Как мы можем наблюдать, убежденность в наличии определенной роли интеллигенции в реальности противоречит представлениям о том, что сами представители интеллигенции не могут влиять на принятие важных решений в общественной жизни даже на уровне места жительства или собственной производственной организации (см. табл. 6).

ТАБЛИЦА 6. Степень влияния на принятие решений на различных уровнях социальной организации в зависимости от оценки участия в жизни общества (в % от числа ответивших, распределение по пункту «не могут влиять»)

Сфера влияния	Не могут влиять			
	Современная интеллигенция активно участвует в общественной жизни	Современная интеллигенция не участвует активно в общественной жизни	Современная интеллигенция выполняет принцип «служение народу»	Современная интеллигенция не выполняет принцип «служение народу»
1. Принятие государственных решений в стране	96,9	97,9	96	98,2
2. Принятие решений республиканской, краевой, областной власти	94,8	97,4	95,1	96
3. Принятие решений городской (районной) власти	90,5	92,1	88,9	91,9
4. Принятие решений в вашей производственной организации	43	52,9	37,2	51,5
5. Принятие решений по месту жительства (ЖКХ, благоустройство и т.д.)	57,7	67,5	54,5	64

Источник: «Как живешь, интеллигенция?» (Интеллигенция–2016).

Таким образом, складывается неоднозначная ситуация. Значительная часть придерживается позиции, что современная интеллигенция верна традициям служения народу, активного участия в общественной жизни и выступает нравственным образцом. При ответе на вопрос «Кем Вы ощущаете себя лично в первую очередь?» примерно половина представителей отмечала, что ощущает себя прежде всего гражданами страны (45,6%) [Интеллигенция, 2016]. В совокупности эти установки предположительно должны формировать определенную модель пове-

дения в соответствии с сформировавшимися представления. Полученные данные позволяют сделать вывод, что с одной стороны, внимание интеллигенции приковано к широкому спектру проблем, возникающих в современном российском обществе. Уровень сопереживания, тревожности в отношении острых социальных проблем, лежащих в плоскости морали и нравственности, достаточно высок (см. табл. 7).

ТАБЛИЦА 7. Степень тревожности интеллигенции при оценке отрицательных явлений, пороков в российском обществе (в % от числа ответивших)

Отрицательные явления и процессы	Очень тревожат	Тревожат в средней степени	Тревожат в малой степени
Наркомания	63,3	29,2	7,5
Алкоголизм, пьянство	61,4	32,5	6,1
Проституция	35,8	39,0	25,3
Плохое воспитание детей	70,5	25,2	4,3
Падение морали, нравственности	68,7	27,5	3,8
Вражда, неприязнь к людям другой национальности	29,0	54,4	16,6
Бюрократизм	37,1	47,9	15,0
Коррупция, взяточничество	46,9	41,4	11,7
Страсть к обогащению	29,6	49,9	20,5
Деловая необязательность	41,3	45,0	13,6
Религиозная нетерпимость	23,9	52,3	23,9
Грубость, хамство	58,7	35,1	6,1
Распад семей	49,7	38,7	11,6
Уклонение от службы в армии	17,2	42,2	40,6
Отсутствие личной безопасности (на улице, в общественных местах и др.)	51,4	38,7	9,9
Воровство	45,3	44,7	10,0
Расслоение общества на богатых и бедных	38,7	43,8	17,6

Источник: «Как живешь, интеллигенция?» (Интеллигенция–2016).

Однако несмотря на выражение интереса к существующим проблемам, в реальности мы сталкиваемся с ситуацией, когда уровень общественной активности интеллигенции крайне низок, представители данной группы все в большей степени устранились от сферы политической жизни страны, участия в решении тех самых проблем в городе, районе, селе, озабоченность которыми они выражают. Отмечаем, что 47,3% оценивают складывающуюся ситуацию в стране как кризисную [Интеллигенция, 2016]. Можно констатировать, что наличие определенного представления о собственной позиции в современном мире, конкретных политических взглядов, образа современной интеллигенции, наделенной специфической ролью в общественной жизни повышает общественную активность представителей данной общности, их стремление быть участником происходящих событий, однако в незначительной степени.

Список литературы

- Галкина М.М.* Изменение жизненного мира гуманитарной интеллигенции// Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.): Научное издание / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЦСП и М, 2016. С. 237–263.
- Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.): Монография/Коллектив авторов. — М.: ЦСПиМ, 2015. 367 с.
- Как живешь, интеллигенция? Социологические очерки: коллективная монография / Отв. ред. Ж.Т. Тощенко. — М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2018. 360 с.

Многообразие форм гражданской активности российской интеллигенции (опыт ретроспективного анализа)¹

С античных времён понятие «гражданское общество», место и роль в нём человека, необходимость и возможность участия последнего в официальной жизни имели неодинаковый смысл, наделённый противоречиями, дополнениями, уточнениями в контексте его соотношения с понятием «государство», олицетворяющему властные отношения. Однако в любом его представлении отчётливо прослеживается важность роли граждан в жизни общества [Аристотель, 1983; Гоббс, 1965; Локк, 1960; Токвиль, 1992, Маркс, 1980]. В трудах современных зарубежных и отечественных исследователей красной линией проходит мысль о необходимости гражданского участия людей в жизни страны, активной деятельности общественных организаций, образованных на добровольной основе во всех сферах жизни, а также в процессах государственного управления и контроля за ним [Арато, 1995; Кин, 2001; Хабермас, 2006; Гершунский, 2005; Дилигенский, 1997; Никовская, Якимец, Молокова 2011; Заславская 1999; Петухов, 2007].

На формирование гражданской активности, формы и характер ее выражения оказывает воздействие множество взаимовлияющих друг на друга причин. Не умаляя значимости внешних факторов, обеспечивающих формирование социальной среды, влияющей на общественное сознание, идеологию, стереотипы, то есть, определяющих вектор гражданской активности, обращает особое внимание на степень и характер инициативности, организованности, готовности и способности принимать решения, нести ответственность за осуществляемую деятельность. К ним относятся нравственный, духовный, интеллектуаль-

ный, культурный, информационно-энергетический и другие потенциалы социальных субъектов.

Значительное место и роль в структуре российского общества, в контексте непосредственного прямого участия в жизни страны, исследователи отводят интеллигенции, называя ее (интеллигенцию) опорой, основной общественной силой, способствующей развитию гражданской активности, двигателем реформ, идейным вдохновителем, наделяя ее представителей культурными, духовно-нравственными, творческими, умственными человеческими качествами [Лосев, 1989].

Российские ученые в своих трудах связывают представление об интеллигенции с интеллигентностью, как интеграцией культурных, духовно-нравственных, творческих, умственных качеств человека [Иванов-Разумник, 1910]. Важными характеристиками интеллигенции называют: справедливость, ответственность за сохранение культурного наследия, духовности как основной ценности российской идентичности [Бердяев, 1993]. Отмечают, что интеллигенция «...стремилась стать олицетворением всего того лучшего, передового, прогрессивного, что было накоплено в недрах народа» [Тощенко, 2015: 465].

Одним из важнейших качеств интеллигенции является гражданская активность, направленная на создание более благоприятных условий для плодотворной деятельности во всех сферах общественной жизни. К важнейшим свойствам гражданской активности следует отнести самоинициативность, справедливость, ответственность, доминирование общественно-значимых целей над личным, что предполагает наличие высоких духовно-нравственных потенциалов.

В социально-культурной сфере, включающей в себя социально значимые вопросы, касающиеся прав и свобод людей, различные формы их духовного взаимодействия, акцентируется внимание на активности граждан посредством выражения и осуществления инициатив посредством их деятельности в самых различных областях этой сферы. Любая историческая эпоха имеет определенные доминанты своей социально-культурной (духовной) жизни. Ответственные инициативы представителей всех поколений интеллигенции через усвоение знаний, этических требований способствовали сохранению социальных качеств, норм, традиций, ценностей, оказывали непосредственное влияние на развитие социума в целях его совершенствования.

Наглядным проявлением гражданской активности в социально-культурной сфере является деятельность представителей «старой» интеллигенции, основанной на высокой нравственной позиции. В начале XIX века были осуществлены первые попытки самоорганизации интеллигенции в сообщества, в которых осуществлялось не только ли-

1. Переработанная и дополненная статья Барановой Г.В. Роль нравственности и гражданской активности интеллигенции в построении гражданского общества // Жизненный мир научно-технической и социально-гуманитарной интеллигенции: общее и особенное / РГГУ, Социолог. фак-т, Центр социолог. исследований. Под общей ред. Ж.Т. Тощенко. Редактор-составитель М.С. Цапко; М.: РГГУ, 2015. С. 297-300.

тературное, но идейное общение по социальным и философским проблемам. К ним можно отнести организации, созданные декабристами, которые по-своему стремились к созданию гражданского общества. Кроме них, возникли и другие сообщества другого плана и другой целевой направленности. Это «Общество любителей словесности, наук и художеств» (образовано в 1812 г.), «Тайное общество Любомудров» (1824 г.) и другие объединения, которые, имея достаточно высокую мировоззренческую зрелость, пытались самостоятельно оценивать ситуацию, делать выводы, ставить проблемные вопросы. На инициативной основе, с целью идеологического влияния на общество, создавались печатные издания, такие, например, как: «Отечественные записки», «Москвитянин».

Обращая внимание на доминирование общественно-значимых целей над личным, следует обратить внимание на значимость инициатив (Д.А. Столыпина (1818–1893 гг.), А.М. Большакова (1887–1938), направленных на развитие образования и культуры в сельской местности, что имело огромное общественное значение в процессе развития нашей страны [Буланова, 2016. :291–298].

В после Октябрьской революции творческая интеллигенция играла важную роль в процессе преобразования страны на социалистических началах, в ходе осуществляемых индустриализации, коллективизации и культурной революции. Произведения М. Шолохова («Поднятая целина», 1932 г.), А. Твардовского («Страна Муравия», 1936 г.), Н.Н. Асеева («Наша сила», 1939 г.), изображающие и пропагандирующие воплощение идей нового мира, создавали образ нового человека — строителя своего будущего, будущего своей страны. Это способствовало активизации людей к их объединению и инициативному участию в освоении новых принципов хозяйствования, развитию села. Творчество таких художников, как, например, С.В. Герасимова (работа «Колхозный сторож» 1933 г., портреты крестьян), отражало трепетность и значимость образа крестьянина, прививая и развивая патриотизм, национальную гордость, чувства величия своей Родины.

В советском кинематографе также нашло отражение высокие достижения в самых разных областях, что вселяло чувство социальной справедливости и способствовало развитию гражданской активности населения. Таким примером может служить художественный фильм «Свинарка и пастух» режиссера И. Пырьева (1941 г.), воспитывающий поколение людей, чувствующих свою сопричастность к развитию страны и осознающих ответственность за свою деятельность.

Интеллигенция активизировала людей в культурно-просветительской деятельности в форме развития музыкальной и художествен-

ной самодеятельности, которые нередко приобретали звучание, выходящее за пределы трудовых коллективов.

В тяжелые для страны времена Великой Отечественной войны представители советской интеллигенции поддерживали боевой дух солдат своими концертными выступлениями на передовых линиях фронта. И в мирное, но значимое для государства время — после аварии на Чернобыльской АЭС, с целью поддержки ликвидаторов, в городе состоялась серия «Встреч в Чернобыле», которые открыл И. Кобзон. В этих мероприятиях, осознавая ответственность в сложившейся ситуации перед людьми, осуществляющими ликвидацию последствий аварии, выступили деятели культуры, проявляя высокую гражданскую активность, основанную на высокой духовности и нравственности, что оказывало влияние на настроения людей, способствовало развитию инициативной деятельности, направленной на преодоление трудностей в непростой для страны период.

В современном трансформирующемся обществе в построении его идеологической концепции мера влияния социально-культурной активности значительно возрастает. В период стремительного развития новых средств массовой информации и коммуникации, все чаще обозначается важность выражения активности людей, в контексте оказания влияния на общество, на деятельность власти, принимаемые ею решения для сохранения и развития элементов общечеловеческих ценностей — совести, нравственности, морали, ответственности не только за себя, но за других людей. Социально-культурная активность отдельных граждан и образованных ими групп направлена на оказание влияния на общество с целью осуществления трансформаций в общественной жизни в контексте повышения морального, духовно-нравственного, культурного уровня общества.

Конструктивные формы выражения социально-культурной активности, выражаются в инициативах, направленных на привлечение граждан к общественной жизни на региональном и государственном уровне, формирование и развитие политической культуры населения; создание организационно-правовых условий для самореализации людей.

Однако наряду с ними получили развитие формы деструктивного воздействия на общество. Последние выражаются в информационно-психологическом воздействии в виде: дезинформации граждан; призывах к негативным реакциям на социально-экономическую и общественно-политическую ситуацию; разжигании этноконфессиональной розни, способствовании роста социальной напряженности; организации протестной активности, в том числе, в несанкционированных, силовых формах, имеющей негативные последствия [Баранова, 2018].

Свою гражданскую позицию интеллигенция выражала и в социально-экономической сфере. Сложно переоценить влияние гражданских активных позиций для развития социально-экономических и общественных процессов в досоветской России на рубеже XIX — XX вв. В этот период в стране организовывались научные сообщества, объединяющие общественных деятелей и ученых с целью активизации экономической политики правительства России, поскольку именно в выборе правильного направления экономического курса виделся основной механизм обновления государства. Поскольку правительством было отклонено учреждение политико-экономического общества для разработки финансово-экономических предложений, самоинициативное объединение этого периода — «беседы» ученых-экономистов в Санкт-Петербурге, основным инициатором которых был академик В. П. Безобразов, осуществляло свою самоуправляемую деятельность самостоятельно. Проблемы, обсуждаемые на собраниях сообщества, вызывали большой общественный интерес, привлекали внимание прессы.

Большое влияние на социально-экономическое и в целом общественное развитие страны оказали самоорганизованные (с 1887 г.) «субботинские вечера» в Санкт-Петербурге, участники которых, обсуждая в научных дебатах актуальные социально-экономические проблемы, выражали свое мнение и желание улучшения условий труда [Смирнова, 2011: 27]. Эффективным результатом такой инициативной самоуправляемой деятельности, инициатором которых был редактор «Экономического журнала» А. П. Субботин, стало создание официального экономического общества ученых-экономистов «Собрание экономистов» [Бородин, 1911]. Это способствовало дальнейшей активизации деятельности высокообразованных людей, вовлечению их в общественную жизнь для служения стране, своему народу, что в классическом понимании интеллигенции является основным ее принципом, главной ролью.

Проявление высоких духовно-нравственных потенциалов в выражении гражданской активности интеллигенции является инициативная самоорганизованная деятельность отдельных личностей и различных социальных объединений, направленных на лечение и оказание помощи больным во времена массовых заболеваний в России XIX века. Ярким примером этого является самоотверженность врача Пирогова. Во имя служения стране он принял участие в войне на Кавказе, оперируя раненых с применением эфирного обезболивания как результата своих научных достижений.

С победой Советской власти в нашей стране началась новая фаза социально-экономических (трудовых) отношений. Инициати-

вы инженерно-технических работников, представителей сельского хозяйства советского периода выражались в развитии, стачановского движения, ударничества, социалистического соревнования, способствующие развитию всего государства. Обращается внимание на важность взаимодействия граждан, коллективов с органами власти и управления для достижения желаемых результатов [Томашкевич, 1985]. Исследователями широко показаны инициативы рациональной организации сельского хозяйства на принципах самоуправления и осознания не только экономической выгоды, но и общественной пользы, как одной из значимых сторон народного благосостояния [Буланова, 2016: 291–298]. Однако, несмотря на рост гражданской активности населения страны политика взаимоотношений государства и общества с точки зрения влияния людей на принимаемые в социально-экономической сфере управленческие решения, в советский период испытывала сложности.

Постсоветский период, характеризующийся переходом к рыночным отношениям, требующим новых форм социально-экономических и соответственно социально-трудовых взаимодействий, ознаменовался новыми формами выражения активности граждан в экономической и профессионально-трудовой сфере. Человек, обладающий желанием сделать свою трудовую деятельность осознанной, наполнить ее творческим импульсом, встретился с ограничениями, накладывающим на него рыночными отношениями, не возможностью удовлетворить свои жизненные интересы и согласовать их с социальными запросами других людей и своей производственной организации.

Ярким выражением гражданской социально-политической активности интеллигенции можно назвать народническое движение конца XIX — начала XX вв., с целью снятия сословных различий для разных слоев общества.

Политическая активность граждан советского периода основной частью советского периода была достаточно своеобразной в силу особенностей коммунистического строя. В советский период наглядным примером может служить деятельность «космополитического интеллигента» А. Д. Сахарова [Померанц, 1980: 30]. Его тревоги о будущем отражены в работе «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» [Сахаров, 1968], где он выступает не столько как ученый-физик, но как активный, ответственный гражданин.

Реформы конца XX в., к сожалению, способствовали негативным изменениям в положении интеллигенции: понижению ее уровня жизни и социального статуса; ослаблению её универсальной роли в соци-

уме. По сути, «творческие и неординарно мыслящие представители интеллигенции были отодвинуты от процесса принятия решений» [Тощенко, 2008: 413].

Волна протестных событий в стране не обошла интеллигенцию. В событиях 2011-2012 гг. приняло участие значительное количество интеллигенции («Прогулка художников», «прогулка писателей»). По данным ГУВД Москвы² до 70% участников митингов составили граждане, имеющие одно или два высших образования (рис. 1).

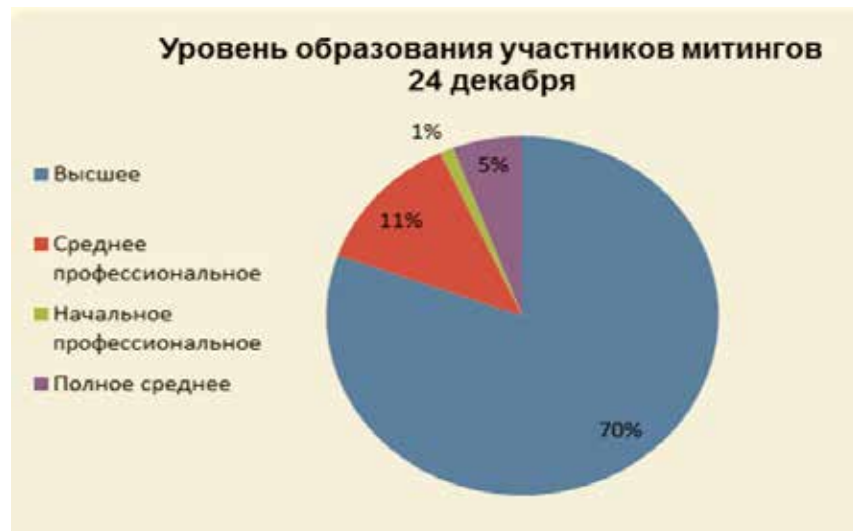

РИСУНОК 1. Структура уровня образования участников акций протеста 2011-2012гг.

Существенные изменения произошли также и в сознании, поведении, деятельности интеллигенции. Присущие ей характеристики были ослаблены, а порой утеряны. В числе приоритетов оказались стремление к наживе, карьеризм, власть любой ценой.

Исследователи отмечают «двойственность и противоречивость, порой парадоксальность сознания и поведения интеллигенции в России», говоря о том, что облик той группы интеллигенции, которая активно участвовала в преобразованиях с 1990-х годов, оказался «достаточно непригляден, противоречив, парадоксален, если не сказать хуже» [Тощенко, 2008: 410-413].

2. <http://www.politonline.ru/ventilyator/12525.html>

Подмена духовно-нравственных ценностей материальными потребностями является результатом того, что такие важнейшие качества, как бескорыстие, сочувствие, уважение, перестали быть детерминантами жизнедеятельности людей.

Ответы респондентов на вопрос «Выберите, пожалуйста, три утверждения, которые наиболее совпадают с Вашими ценностями, жизненными целями», показали, что большинство населения страны своей главной жизненной ценностью и целью считают материальное благосостояние. При этом, среди ответивших имеют высшее образование — от 16% до 42% в разных регионах, а незаконченное высшее — от 7% до 13%, что позволяет отнести их к группе интеллигенции (табл. 2).

Значимость развития духовных ценностей в процессе трансформации современного общества нельзя переоценить. Снижение духовности ведет к кризису морали, нарушению связи между коллективом и личностью, гармоничности в обществе, способствует возникновению своеобразного морального вакуума [Налимов, 1994].

ТАБЛИЦА 2. Распределение мнения респондентов в (%) относительно их ценностей и жизненных целей.

Субъект РФ	Количество опрошенных	Материальное благосостояние	Отношение между людьми, уважение	Свобода и стремление к ней	Делать хорошее для других	Сделать выдающееся для страны	Единение людей, достижение общих целей	Познание нового	Удовольствия
Москва	1590	71,8	45,6	16	34,2	7,0	35,9	14,6	12,2
Санкт-Петербург	980	51,1	58,6	29,1	35,3	6,8	20,5	23,0	17,3
Хабаровск	760	48,9	57,3	30,9	38,8	4,5	30,9	25,3	15,7
Мурманск	720	44,0	48,0	34,0	42,0	8,0	26,0	42,0	14,0
Ставрополь	510	68,4	43,9	16,7	37,7	7,9	22,8	29,8	5,3

Современный этап общественного развития характеризуется повышением риска угроз и рисков. Российское общество, наряду с внутренними противоречиями и конфликтами, испытывает серьезное внешнее воздействие. В связи с этим, важной проблемой является обеспечение внутренней безопасности государства. Однако порой, интеллигенция является инициатором различного рода протестной

активности, но не с целью преобразований, а преследуя корыстные цели, направленные на распределение ресурсов и власти. В некоторых случаях, организованные и (или) поддерживаемые оппозиционными группами протестные акции имеют деструктивный характер, приводя к: росту социальной напряженности; развитию разного рода конфликтов; материальным потерям; угрозам здоровью и жизни людей; повышению вероятности нарушения сбалансированности социальной системы; дестабилизации развития общества; снижению роли и ослаблению позиций государства на мировой арене.

Поэтому перед обществом стоит важная задача — создание целостной социальной среды, адекватной природе человека, основанной на духовно-нравственных ориентирах, способствующих развитию конструктивной деятельности людей, их гражданской позиции. Критериями ее оценки является осознание гражданами своих личных интересов как интересов, согласованных с общественными; наличие определенной позиции по отношению к власти, существующему строю, свое место и роль в конкретной социально-политической ситуации и способ их выражения; инициативность и готовности взять на себя ответственность. Формы и характер деятельности людей зависят от их духовных ценностей, норм, образцов [Лапин, 2000].

В процессе постановки и решения задач, касающихся развития гражданского общества в нашей стране, важно осознание значимости влияния духовно-нравственного, культурного, интеллектуального, информационно-энергетического потенциалов людей и общества на степень инициативности, организованности, способности принимать решения и брать ответственность за свои действия и деятельность. Именно эти качества подразумеваются в классическом подходе к понятию «интеллигенция». С момента своего возникновения она неслучайно «заряд творчества, поиска...», отличалась инновационным складом мышления» [Тощенко, 2015: 472]. Духовно-нравственный потенциал интеллигенции во многом определяет её позиции, желания, возможности и способности быть с народом своей страны, взять на себя ответственность, роль вдохновителя гражданской активности россиян. Насколько ответственно интеллигенция относится ко всему, что происходит в России, инициативно вносит вклад в решение различных вопросов, ставя в основу не личные (или групповые), а общественные интересы, демократические принципы, настолько она своим примером и просвещением может способствовать их самоорганизации, самоуправлению на местном и государственном уровне.

Несмотря на то, что российская интеллигенция в постсоветский период отчасти утратила свои основные функциональные качества

хранителя и транслятора духовно-нравственных ценностей, новатора новых конструктивных идей и форм деятельности, однако «в классическом ее выражении, она никуда и никогда не исчезнет. Особенность российской цивилизации состоит в том, что она умела всегда возрождаться, несмотря ни на какие лихие годы. Важно сохранить интеллигенцию как общность, занимающую четкую гражданскую позицию, основанную на высокой нравственности, задающую вектор развития демократии и гражданского общества.

Список литературы

- Арато Э. Концепция гражданского общества: восхождение, упадок и воссоздание // Полит. исслед. 1995. №3. С.48--57.
- Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. — М.: Мысль, 1983. — С. 376–644.
- Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993.
- Бородин, Д.Н. Вопросы экономической жизни в обсуждении «Собрания экономистов» : Отчет за 20 лет: XX. 19 февр. 1891 г. — 19 февр. 1911 г. : В 2 т.
- Баранова Г.В. Концептуальные основы исследования социально-политической активности в современном российском обществе. Дисс... доктора соц. наук. М., РГГУ. 2018.
- Буланова, М.Б. Образовательные практики сельских жителей России : Социология жизни: теоретические основания и социальные практики / РГГУ, Социолог. фак-т, Центр социолог. Исследований. Под общей ред. Ж. Т. Тощенко; М.: РГГУ, 2016. 463 с. С. 208. С. 291–298.
- Гершунский Б.С. Гражданское общество и государство. М.: Либеральная миссия, 2005. 88 с.
- Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства, церковного и гражданского// Гоббс Т. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2/ Пер, с англ. А. Гутермана; Ред. изд., авт. вступ. ст. и примеч. Е.М. Вейцман. М.: Мысль, 1965. С.149–169.192–197.
- Грамши А. Тюремные тетради: в 3 ч. М., 1991. Ч. 1. С. 329.
- Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества деятельностно-структурная концепция — М., 2002 — С. 83.
- Заславская Т.И. Трансформационный процесс в России: социоструктурный аспект // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск, 1999.
- Иванов-Разумник Р.В. Об интеллигенции. СПб., 1910.

Кин Дж. Демократия и гражданское общество. М.: Прогресс-Традиция, 2001.

Лапин Н.И. Проблема социокультурной трансформации // Вопросы философии. 2000. № 6.

Локк Д. О государственном правлении // Локк Д. Избранные произведения. Т.2. М.: Соцэкгиз. 1960.

Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3-х т. Т. I. М.: Политиздат, 1980. 640 с.

Налимов В.В. На грани третьего тысячелетия: что осмыслили мы, приближаясь к XXI веку / В.В. Налимов, Ж.А. Дрогалина. М: Лабиринт, 1994. — 73 с.

Никовская Л.И., Якимец В.Н., Молокова М.А. Гражданские инициативы и модернизация России. Научное издание. М.: Ключ-С, 2011. 336 с.

Померанц Г. Сон о справедливом возмездии // Синтаксис. 1980. № 6.

Сахаров А.Д. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе. URL: http://www.sakharov-archive.ru/raboty/Razмышleniya_1.htm (дата обращения: 16.01.2015).

Смирнова О.А. «Собрание экономистов» как опыт социальной активности научной интеллигенции в России на рубеже XIX–XX столетий // Интеллигенция и мир — 2011. — № 3., С. 2434.

Токвиль А. Демократия в Америке: пер. с франц. / Предисл Г. Дж. Ласки. М.: Прогресс, 1992.

Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек: монография / Ж.Т. Тощенко — 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. — 543 с.

Тощенко Ж.Т. «Старая» и «новая» интеллигенция: современные реалии. / РГГУ, Социолог. фа-т, Центр социолог. исследований. Под общей ред. Ж.Т. Тощенко. Редактор составитель М.С. Цапка. М.: РГГУ 2012. 480с.

Тощенко Ж.Т. Фантомы Российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. — 668 с.

Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. М.: Наука, 2006.

Социально ориентированные некоммерческие организации как сфера самореализации современной интеллигенции¹

Постановка задачи, методы и гипотеза исследования

В данной статье ставится задача проанализировать роль социально ориентированных некоммерческих организаций (НКО) в оказании услуг населению в социальной сфере, их участия в социальной политике на фоне снижения общего количества некоммерческих организаций. По данным Министерства юстиции РФ, в России зарегистрировано более 218 тыс. НКО (в 2016 г. — 223 тыс.), а штат основной части НКО не превышает пяти человек [Доклад о состоянии гражданского общества в РФ, 2019: 66]. Такие данные предопределяют исследование лидерского потенциала и гражданской активности лидеров НКО, этих своего рода «социальных пассионариев», чьи ценностные установки отражают глубинные процессы потребности гражданского сектора. Интересна сфера приложения их активности в реализации программ и проектов НКО, в которой они проявляют своё личное начало, выступают агентами общественных и экономических изменений, проявляют конструктивную деятельность, взаимодействуют друг с другом, кооперируются, обучают друг друга, создают новые практики. Сами НКО отражают диалектически противоречивое сосуществование — быть фундаментом гражданского общества и поставщиком социальных услуг.

Новизна предлагаемой постановки и решения поставленной задачи определяется применением качественных методов исследования — кейсов с использованием биографического метода и кейс-стади «Общественные объединения в публичной сфере» [Подробнее см.: Милованова, 2019: 66-79].

1. Переработанная и дополненная статья Миловановой М.Ю. СОНКО как сфера активности и самореализации современной интеллигенции // Интеллигенция: многообразие образов и стилей жизни / РГГУ, Социолог. фак-т, Центр социолог. исследований. Под общей ред. Ж.Т. Тощенко. Редакторы-составители: М.С. Цапка, Е.В. Зверев; М.: РГГУ, 2020. С. 157–166.

Методологически применим институциональный подход к анализу ресурсов НКО, в рамках которого государство призвано создавать инфраструктуру поддержки гражданского и делового участия, их включения в реализацию социальной политики. Качественные институциональные трансформации экономического уклада в России изменили модель социальной политики в целом [Волкова, 2013: 5–11], архитектура которой строится по пути выбора наиболее эффективной модели в связи с переходом от социальной ответственности государства к социальной ответственности индивидуального и смешанного типов, поиска оптимального баланса между эффективным выполнением государством своей социальной функции, обеспечивающим достойный уровень жизни граждан, но при снижении его социального бремени в условиях нестабильной экономической ситуации. Для этого необходимо формирование гражданского общества, в том числе в лице НКО и волонтерских объединений, повышение их субъектности путем повышения их ресурсного потенциала (возможностей), предоставления им инвестиций разного типа. Таким образом, социальное развитие возможно с участием не столько государства, сколько конкурентоспособных социально ориентированных хозяйствующих субъектов и граждан. Мы исходим из того, что социальная политика выступает регулятором всех социальных отношений, посредством которого происходит удовлетворение потребностей материального и духовного характера, достигается равновесие, стабильность, целостность и динамизм в функционировании общества, а также её понимания как «учения о счастье, задачей которого выступает формулировка рецептов, указание средств, пользуясь которыми можно и должно достигать цели улучшения общественной жизни человека» [Сорокин, 1992: 30]. Рассматриваем гражданское общество как жизненный мир [Хабермас, 2000], следуем теории социологии жизни [Тощенко, 2016]. Для оценки взаимодействия НКО и государства принципиальным становится положение Ю. Хабермаса о «системе, колонизирующей жизненный мир, действующей разрушительно», когда человек вынуждено реагирует, выстраивает новую сеть взаимоотношений, ищет баланс личных и общественных интересов, выстраивает равноправное взаимодействие лидеров со своими группами и с внешними структурами (государство, бизнес, СМИ, формальные и неформальные объединения граждан), накапливает социальный капитал. Термин «социальный капитал» как способность людей ради реализации общей цели работать вместе в одном коллективе введён в оборот Дж. Коулманом [Коулман, 2001: 122-139], получил развитие в трудах П. Бурдьё [Бурдьё, 2002: 60-74], Р. Патнэма [Патнэм, 1996], Ф. Фукуямы [Фукуяма, 2004]. Определяем

социальный капитал как неотъемлемую часть жизненного мира современного человека, главнейший ресурс развития гражданского общества, ресурс нематериальный, своего рода «социальный клей», явный дефицит которого мы сегодня испытываем. Исходной для анализа стала классическая модель социального капитала, которую структурно представим следующим образом:

– Донор – человек, институт, предоставляющие реципиенту свой социальный капитал (знакомит его со своими ресурсами, консультирует по тактике и стратегии эффективных коммуникаций, усиливает имиджевую составляющую и репутацию) как залог получения, в том числе финансовой поддержки и материальных благ;

– Реципиент – человек, институт, который получают социальный капитал от другого, делая его значимым, создавая основу для самореализации и укрепления субъектности реципиента и авторитета, репутации донора;

– Ресурс – связи, опыт, репутация, успешные социальные практики, которые донор передает реципиенту как залог получения финансовой поддержки и материальных благ.

Мы не исключаем «обратной стороны медали» при накоплении социального капитала, когда сплоченность формальных и неформальных объединений гражданского сектора делает их более закрытыми для новичков, препятствует новым лидерам проявлять себя и достигать успеха, а определенные обязательства и общие паттерны поведения в группе становятся для человека риском потерь при выходе из зон с высоким социальным капиталом. Сильные социальные связи внутри НКО и между ними повышает социальный контроль, что существенно ограничивает свободу людей, может привести не только к замедлению экономического развития группы, но и к конфликтам, ставится под вопрос целесообразность институтов, уполномоченных перераспределять материальные и иные ресурсы.

Для оценки лидерского потенциала НКО, их проектной деятельности приемлема коммуникативная модель Ю. Хабермаса, дающая возможность выявить универсалистский рационалистический потенциал структур сознания. Глобальные трансформации информационного общества всё более притягивают внимание исследователей к сетевым возможностям для формирования социального сознания и образа посткапиталистического будущего на основе общечеловеческих ценностей путем информационного влияния культурного сетевого ядра [Сазанов, 2018]. Нельзя не учитывать и мнение А. Турена, что с возвращением «человека действующего» все более усиливается поиск отношений несоциальных, межперсональных или желание создать

объединения, задуманные как защитные убежища в уплотняющейся социальной сети. Если маргинальность долго рассматривалась как неуспех интеграции, то теперь она становится знаком оппозиции, лабораторией, где формируются новая культура и контрпроект общества [Турен, 1998: 10]. Согласимся с выделенным тезисом У. Бека в «Ретропии» З. Баумана, что «с углублением пропасти между властью и политикой-между возможностью что-то сделать и возможностью решать, что нужно делать в рамках суверенного государства. Исходная идея достичь человеческого счастья посредством проектирования и построения общества, восприимчивого к человеческим потребностям, чаяниям и стремлениям, становилась все более призрачной в силу отсутствия института, уполномоченного решать такую неимоверно сложную задачу»... И далее «каждому теперь нужно искать, находить и воплощать собственные решения порождаемых обществом проблем, используя свои собственные знания, навыки и ресурсы. Улучшение общества перестало быть целью; целью стало улучшение индивидуальной позиции внутри не поддавшегося никакому исправлению общества. Вместо коллективного вознаграждения за участие в социальных реформах каждому надлежит отстаивать свою добычу в борьбе с соперниками» [Бауман, 2019: 24].

Принимаем во внимание данные Всероссийского исследования «Как живёшь интеллигенция?» [Как живёшь интеллигенция, 2018], согласно которому 52,4 % полагают, что человека в современной России делают значимым «связи с нужными людьми» (сравните: 57,1 % считают это достигаемым «владением деньгами, материальными и другими ценностями» и 56,3 % — это «обладание властью или доступ к ней»).

Трудно поспорить с тем, что в настоящее время отсутствуют надежные эмпирические индикаторы, достоверно свидетельствующие о степени солидарности российского общества. Поэтому сошлёмся на исследовательский проект «Ценностная солидаризация и общественное доверие в России» и предложенные индексы: индекс потенциала кооперации как показатель, интегрально отражающий готовность респондента к взаимодействию с другими людьми; социальная валентность как способность индивида к образованию социальных связей (и возможное число таких связей) и ценностная солидаризация [Исследовательская группа «ЦИРКОН», 2018].

Основные черты деятельности НКО. Обозначим произошедшие институциональные изменения в механизмах и инструментах для развития НКО². Со стороны государства им стали предоставляться суб-

сидии из федерального бюджета по результатам конкурсного отбора и наличия соглашения между социально ориентированной НКО и Министерством экономического развития³. С 2012 по 2018 гг. укрепились, по сравнению с началом деятельности в 2006 г., позиции Фонда президентских грантов (создан в 2006 г.). После принятия Госдумой закона об «иностранных агентах», ограничивший для НКО возможность получать деньги из-за рубежа, стала ежегодно возрастать финансовая их поддержка со стороны данной ресурсной организации. Так в 2013 г. на проведение конкурса и грантовую поддержку его победителей выделено 2,3 млрд. руб., за 2017 г. 3 213 победителей получили поддержку на общую сумму 6,6 млрд. руб., по итогам 2018 г. 3573 проекта профинансированы на 7,8 млрд. руб.⁴. С 1 января 2017 г. НКО получили право на статус «исполнителя общественно полезных услуг», утверждены правила ведения соответствующего реестра и определены органы власти, которые будут оценивать качество оказания «общественно полезных услуг». Власть позаботилась о критериях для вхождения в вышеупомянутый реестр: общественно полезная услуга должна быть строго из перечня, утвержденного правительством, оказываться на протяжении определенного периода времени и эти услуги должны быть надлежащего качества. Показатели настолько высоки, что спустя два года по состоянию на январь 2019 г. в нем значатся лишь 197 НКО⁵. Расширяются возможности репрезентации интересов НКО посредством информационных технологий — от перевода гражданской инициативы в плоскость законодательных практик⁶ до запуска масштабных краудфандинговых платформ⁷, а также социальных технологий «фонды фондов»⁸, интеллектуальное волонтерство⁹.

Отметим, что государство инвестирует в активистское ядро СОНКО, как агента изменений, на фоне общего низкого уровня гражданского участия. По данным социологического исследования «О насущных вопросах нашей жизни», проведенного Институтом социологии РАН осенью 2016 г. подавляющее большинство или 75,7 % от числа

2. Федеральный закон № 7–ФЗ «О некоммерческих организациях»

3. Министерство экономического развития РФ. URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/SocOrientNoncom> (дата обращения 12.12.17)

4. Фонд президентских грантов // URL: <https://президентскиегранты.рф> (дата обращения 15.01.19)

5. Гайдаровский форум «Россия и мир: национальные цели развития и глобальные тренды» // Выступление начальника управления Президента РФ по общественным проектам Сергея Новикова, 15 января 2019 года URL: <http://gaidarforum.ru> (дата обращения 16.01.19)

6. Российская общественная инициатива URL: <https://www.roi.ru> (дата обращения 16.01.19)

7. Planeta.ru — крупнейшая российская краудфандинговая платформа URL: <https://planeta.ru> (дата обращения 16.01.19)

8. Фонд «Друзья» <https://www.friendsfoundation.ru/about/struktura-fonda/> (дата обращения 16.01.20).

9. Платформа ProCharity https://procharity.ru/about_project/

опрошенных не принимает участия в деятельности каких-либо общественных организаций, объединений и сообществ, 7 % принимает участие в сообществах по благоустройству окружающей территории, товариществах собственников жилья, 6,4 % в деятельности профсоюзов, 5,4 % — в Интернет-сообществах по интересам, 5,1% — помогает благотворительным организациям (помощь инвалидам, больным детям), 4,2 % состоят в молодежных и студенческих объединениях [Гражданский активизм: Всероссийский опрос населения, 2014, 2016]. Отношение населения в целом к данному сектору скептическое, что отражается на вовлеченности в работу НКО. Численность сотрудников НКО в 2016 г. составила 672 тыс. чел., в 2017 г. — 630 тыс.

Проведём также сравнение выбора на 2012 и на 2018 гг. лидерами НКО социальных ресурсов, привлечение которых позволяет достигать поставленных целей в решении актуальных социальных задач и проявлении гражданской активности (респонденты отмечали не более 5 ресурсов)¹⁰. Данные показывают, что руководители и представители НКО, в первую очередь, надеются на себя, ближний круг людей, объединенных общей идеей. Второй ресурс — СМИ, а также стремительно растущая роль социальных сетей как коммуникативного ресурса и инструмента. Весомый показатель ресурсности имеют волонтеры и НКО-сообщества, муниципальная власть, опережающие государственную власть, что закономерно и позитивно. Слабо участие бизнес-организаций, что скорее говорит о невысокой степени отзывчивости и социальной ориентированности деловых кругов. Зарубежные фонды в связи с приобретением статуса «иностранный агент» теряют и без того невысокий приоритет как ресурс. Полученные данные соотносимы с данными Института социологии РАН, по которым население при возникновении серьезных жизненных трудностей, обращаются прежде всего к родственникам — 63,7% от числа опрошенных, к друзьям, знакомым, коллегам по работе — 45,6 %, 25,1% — ни к кому обращаться не будут, постараются решить свои проблемы самостоятельно. Всего 7,1 % будут искать поддержку у местных органов власти и 4,8 % — в правозащитных организациях [Гражданский активизм: Всероссийский опрос населения, 2014, 2016].

Исследование гражданского сектора на примере НКО, их лидерского потенциала с применением биографического подхода и кейс-стади «Общественные объединения в публичной сфере», таких как «Справедливая помощь» (Елизавета Глинка)¹¹, Приют для бездомных

10. Данные авторских экспертных опросов, проведенных в 2012 и в 2018 гг. Архив автора.

11. <https://www.doctoriiza.ru>

животных и списанных служебных собак «Гвардия» (Сергей Фокин), фонд «Нужна помощь» (Константин Хабенский)¹², «Подари жизнь» (Чулпан Хаматова и Дина Корзун)¹³, «Обнаженные сердца» (Наталья Водянова)¹⁴, Фонд «Вера» (Нюта Федермессер)¹⁵, «Не просто собаки» (Оксана Дубинина)¹⁶, «Лыжи Мечты» (Наталья Белоголовцева)¹⁷, «Баба-Деда» (Анастасия Лазибная)¹⁸, «Объединение и социальная поддержка женщин мигрантов» (Ефросиния Гыштемулте)¹⁹, Gulagu.net (Владимир Осечкин), Фонд открытых проектов против насилия над женщинами (Попова Алёна)²⁰, социального предприятия Socco bello (Санджапова Гузель)²¹, «Международный союз пациентов» (Вострикова Ольга)²², Галлиуллина Римма (Мамы Астрахани)²³, Степанова Елена (Солнечный круг)²⁴, Екатерина Савина (Зебра)²⁵, Ольга Ягодина (Возрождение старинных промыслов Кемской Волости)²⁶, Ольга Косец (Деловые люди)²⁷ правозащитная ассоциация «Отцы и Дети» (Георгий Тюрин)²⁸ и др.

Анализ их работы позволяет сделать следующие **выводы**:

— для социального и политического пространства (глобального и локального) общим остаётся запрос на доверие по отношению граждан к государству и признание государством гражданского общества как равноправного партнёра, а не только реципиента, что требует продолжения совместного поиска новых основ для поддержания и укрепления общественного договора;

— в условиях либеральной экономики и неконкурентной политической строя, при хроническом дефиците бюджетных расходов на об-

12. <https://nuzhnapomosh.ru/funds/fond-konstantina-habenskogo/>

13. <https://podari-zhizn.ru/main>

14. <https://обнаженныесердца.рф>

15. <http://www.hospicefund.ru>

16. <https://www.petfund.ru>

17. <http://dreamski.ru>

18. <http://baba-deda.ru>

19. <https://www.vestnik-migranta.ru/2017/12/interview-rosia.html>

20. <http://alenapopova.ru>

21. <http://www.cocco-bello.com>

22. <http://союзпациентов.рф>

23. <https://www.facebook.com/profile.php?id=100014587849026>

24. <http://sunkrug.su>

25. <https://zebra-center.ru>

26. <https://www.facebook.com/profile.php?id=100000971682414>

27. <http://delovie-ludi.ru>

28. <http://otcydeti.ru/>

разование, здравоохранение, культуру, растущем уровне бедности государство выступает не столько ресурсом, сколько использует социально-активных граждан — членов НКО для реализации проблемных направлений социальной политики;

— гражданский сектор принимает минимизированную ресурсную (финансовую и инфраструктурную поддержку государства), но уже с меньшим упованием на государство как донора, рассчитывая на собственные силы при соблюдении единых для всех «правил игры», привлекая частные инвестиции;

— деятельность социально ориентированных НКО инновационна и охватывают весь спектр актуальных социальных программ и проектов, которая шире, чем то, что предлагает ему государство как поставщику общественно-полезных услуг;

— личные «истории жизни» лидеров НКО становятся мотивами для реализации новых социальных программ и проектов, получает развитие социальная технология — социальная франшиза;

— лидеры НКО ситуационно включены в объективную реальность, что синергетически выводит личную проблему на уровень решения общественных задач;

— слагаемые успеха НКО зависят от личности и сформированной команды, людей, объединенных одной идеей, доверяющих друг другу (иные просто не приживаются);

— вырос набор требований к профессионализму и компетенции кадров гражданского сектора, руководители НКО имеют опыт и возможность прохождения обучающих семинаров, тренингов, курсов для повышения компетенции;

— произошла эволюция профессионализации кадров НКО, что отражается на эффективности PR, появлении узнаваемости их как медийных персон;

— лидеры НКО имеют чаще нейтральное или умеренное отношение к политике, гораздо важнее для них последовательная концентрация на решении проблем своей целевой аудитории;

— возрастающая динамика сетевого взаимодействия как основного канала коммуникации, создания доверительных площадок общения. (Инстаграм, Youtube и Telegram каналах, их представительство есть в основных социальных сетях);

— в деятельности НКО используются все четыре идеальных типа социального действия (по Ю. Хабермасу): стратегическое действие — действие, которым руководит эгоистичная цель; нормативное действие, целью которого является достижение взаимной выгоды в условиях подчинения своего поведения ценностям и нормам, го-

сподствующим в обществе; драматургическое действие, направленное на создание публичного имиджа, т.е. имиджа самого себя; коммуникативное действие, цель которого обеспечить договоренность участников для достижения общих результатов;

— умелое коммуникативное действие обеспечивает результативный фандрайзинг, способствует наращиванию социального капитала СОНКО.

— характер взаимодействий НКО с властными структурами для результативности вариативен и гибок — от сотрудничества, взаимодействия до проявления конфронтации, противостояния, а иногда и конфликта, что не всегда оптимально и соответствует рационализации в стратегиях коммуникативного действия.

Таким образом, изменения в структурах оказания социальных услуг закономерно привели в гражданский сектор образованных, предприимчивых и харизматичных лидеров, представляющих интеллектуальный класс, для которых «третий сектор» стал основой самосохранения их человеческого достоинства, самореализации и выработки альтернативных, инновационных подходов в решении актуальных социальных задач.

Список литературы

Бауман З. Ретротопия. М.: ВЦИОМ, 2019. 160 с.

Бурдьё П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60–74.

Волкова Н.С. Государственное управление социальной сферой: состояние и модернизация // Журнал российского права. 2013. № 7. С. 5–16.

Гражданский активизм: новые субъекты общественно-политического действия, Всероссийский опрос населения Исследование Института социологии РАН (2014 и 2016 гг.), проведенный по выборке в 1600 респондентов. Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/Seminar/Krugl_stol_Prezentatsiya_24_06_2014.pdf (дата обращения 15.11.18)

Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2019 г. Режим доступа: https://www.oprf.ru/files/1_2019dok/doklad_OPRF_2019_19122019.pdf (дата обращения 23.01.2020)

Исследовательская группа «Циркон». Ценностная солидаризация и общественное доверие в России. Представление результатов исследования. Режим доступа: <http://doverie.zircon.tilda.ws/index> (дата обращения 23.01.2020)

Как живешь, интеллигенция? Социологические очерки / Отв. ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2018. 360 с. 00

Коулман Д. Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122–139.

Милованова М.Ю. Социально ориентированные НКО сквозь призму гендера: социологический анализ // Женщина в российском обществе. 2019. № 4. С. 66–79.

Патнэм Р. Чтобы демократия сработала: гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad Marginem, 1996. 287 с.

Сазанов В.М. Гипотеза социального культурного ядра и его формирование. Режим доступа: <https://docs.google.com/viewer?a=v&pid=sites&srcid=ZGVmYXVsdGRvbWFpbnxleHBhdmlhGd4OjUwYmFmODEyM2UxYzQ> (дата обращения 25.01.19)

Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.

Тощенко Ж.Т. Социология жизни. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 399 с.

Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М, 1998.

Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ, 2004. 730 с.

Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. 380 с.

Молодая интеллигенция: трудовое поведение и степень его прекаризации^{1 2}

Сегодня работники социальной сферы, представляющие большинство гуманитарной интеллигенции, составляют важную силу, способную отвечать на вызовы настоящего и будущего и обеспечивать движение страны к информационному обществу [Рассади́на, 2012: 204]. Молодежь считается наиболее активной социально-демографической группой населения, играющей ведущую роль в изменениях современного российского общества и являющейся главным проводником перемен и преобразований социума. Говорить о молодежи как об однородной доле общества сложно, т.к. те возрастные категории, которые объединяются понятием «молодежь», обладают разными жизненными установками и поведением, в том числе профессиональным. Существенную роль играют воспитание, уровень образования, социальный статус, место жительства и многое другое, определяющие особенности профессионального поведения современной молодой интеллигенции.

Социальная жизнь молодого человека начинается с осознания окружающих его реалий, выработки определенных установок и претворения их на практике с учетом объективных условий глобального и конкретного характера [Тощенко, 2016: 18], проявляющихся также и в профессиональном поведении молодой интеллигенции.

Молодая интеллигенция имеет ряд особенностей, обусловленных объективными факторами.

Большинство молодой интеллигенции трудоустроено в государственных учреждениях (69%), тем не менее по сравнению с другими возрастными группами среди молодежи наибольший процент занятых в частных, коммерческих организациях (28,6%), как видно из табл. 1.

1. При поддержке РФФ (проект № 18-18-00024)

2. Переработанная и дополненная статья Колосовой Е.А. Молодая гуманитарная интеллигенция: жизненные смыслы и особенности профессионального поведения // Профессиональная культура российской интеллигенции / РГГУ, Социолог. фак-т, Центр социолог. исследований. Под общей ред. Ж.Т. Тощенко. Редактор-составитель Д.Г. Цыбикова; М.: РГГУ, 2017. С. 373-379.

ТАБЛИЦА 1. Характеристика места работы в зависимости от возраста
(в % от числа ответивших)

Основное место работы	Возраст				
	До 30	31–35	36–40	41–50	50+
Государственное учреждение	69,6	74,2	79,3	81,6	87,2
Частное, коммерческое	28,6	25,8	19,4	17,0	11,4
Индивидуальная деятельность	1,4	0,0	0,9	1,2	1,4
Другое	0,4	0,0	0,4	0,3	0,0

В основном молодая интеллигенция оформлена по бессрочному договору (61,1%), но по сравнению с другими возрастными группами, таких работников несколько меньше. В возрастной группе 41–50 на бессрочном договоре находятся 74,6% (табл. 2). Среди молодежи распространены срочные договора и временные (отметим, что именно среди молодежи наибольшее количество людей, занимающихся прекарным трудом).

ТАБЛИЦА 2. Как оформлены трудовые отношения (в % от числа ответивших)

Как оформлены трудовые отношения	Возраст				
	До 30	31–35	36–40	41–50	50+
Бессрочный договор	61,1	67,5	65,2	74,6	67,1
Срочный договор (до 1 года)	8,8	7,7	5,7	4,1	6,2
Срочный договор (от 1 и более года)	23,3	20,6	25,6	18,4	21,8
Временный договор (несколько недель или месяцев)	3,9	3,3	2,2	1,8	1,0
Без оформления договора	2,8	1,0	1,3	1,2	3,8

Западная социология считает, что три потенциально прекаризированные социальные группы на рынке труда это молодёжь, а также женщины и пожилые люди [Голенкова, Голиусова, 2013 : 10]. По данным государственной статистики за 2014 г. [Труд и занятость, 2015: 33–36], в России в эту группу могут попасть не входящие в состав рабочей силы лица в возрасте от 15–19 лет (19,3%), 60–64 (17,5%), 65–72 (19,6%), преимущественно мужчины (15–19 лет – 25,8%) и женщины (65–72 года – 20,2%) с более высоким, чем у мужчин, уровнем образования (средним профессиональным по программе подготовки специалистов среднего звена – 20,8% и 10,6%, высшим – 14,4% и 9,6%) [Колосова, 2016 : 33–34].

Процессы прекаризации в России в силу национальных особенностей формируются особым образом, но во многом повторяют путь зарубежных стран. Прекаризация российского рынка труда имеет на сегодняшний день больше рисков нежели возможностей, однако прекариат уже стал устойчивым социально-классовым образованием, которое объединяет большие группы людей и закрепляет их в позиции перманентной временности социального статуса, имея тенденцию превращения в перспективе в опасное образование – будущий класс (слой), от сознания и поведения которого будет зависеть будущее России.

Прекаризованная занятость – это не временное явление, не дивакия, а долговременный феномен нашей действительности. Тем не менее, важной характеристикой прекаризованной занятости является, главным образом, социально-экономическая нестабильность и неустойчивость работника, которая проявляется в разных формах и включает как элементы незащищенной и неформальной занятости в формальной экономике, так и элементы незащищенной занятости в неформальном производстве [Анисимов, 2016 : 7278-7279]. Две существенные составляющие прекаризованности связаны, главным образом, с условиями труда и самоощущением работника.

Несмотря на то, что больше половины молодых в целом удовлетворены своей работой и собираются остаться (57,2%), что гораздо меньше чем среди представителей других возрастных групп (таблица 3), отметим что пятая часть молодежи не знают, останутся ли они на нынешнем месте работы, т.е. демонстрируют отсутствие уверенности в завтрашнем дне, отсутствие возможности прогнозировать свое трудовое и экономическое будущее, нередко обусловленных наличием страхов потерять работу.

ТАБЛИЦА 3. Характеристика трудовой устойчивости в зависимости от возраста
(в % от числа ответивших)

Собираются ли и дальше оставаться на своей нынешней работе или собираетесь уйти с нее	Возраст				
	До 30	31–35	36–40	41–50	50 +
Собираются остаться	57,2	71,3	70,0	73,7	74,0
Собираются уйти	9,2	4,8	4,8	3,2	8,3
Ушли бы, но некуда	14,5	15,8	17,6	14,6	8,7
Не знают	19,1	8,1	7,5	8,5	9,0

В данном случае мы можем говорить о, так называемой, периферии прекариата, куда входят работники с элементами нестабильности в своей трудовой деятельности (работники, оформленные по срочным договорам, работники, имеющими дополнительную неоформленную работу). Среди молодой интеллигенции тех, кто занимается подработкой и совместительством — 37,8%. Человек, работающий по срочному трудовому договору, ощущает свое стабильное положение только на период действия этого договора, но не может строить долговременных планов и над ним постоянно довлечет страх потерять свою краткосрочную стабильность. Более того, мы полагаем, что и работники с бессрочными договорами испытывают подобные опасения. Поэтому считаем, что в прекариат входит значительная часть трудоспособного населения России [Анисимов, 2016; 7280].

Нередко, precarious труд связывают с работой на удалении (главным образом применимо к работникам ИТ-сферы, но и к гуманитарной (аналитики, pr-менеджеры и др.)), но со специфическими условиями. В данном случае речь идет о таком феномене как фриланс. Фриланс — это идеальный способ начать свою карьеру, даже не имея опыта работы, поэтому данный вид заработка особенно популярен у студентов. Главной целью фриланса является участие в максимально большом количестве проектов до определенного работодателем момента, как на смену ему придут другие, т.е. фрилансер, скорее всего, не увидит результата своего труда и не сможет участвовать в сопровождении проекта. [Наемный работник, 2015 : 135] Тем не менее, многие фрилан-

серы ежедневно нанимаются в крупнейшие иностранные компании. Но на вопрос «Хотели бы Вы побывать, жить или работать за рубежом?» молодая гуманитарная интеллигенция отвечает, что предпочитает отдыхать, а не работать (43 %) за границей. Только пятая часть молодежи хотела бы пройти стажировку за границей или временно устроится на работу, чтобы заработать денег (Табл. 5).

ТАБЛИЦА 6. Распределение ответов на вопрос о желании жить или работать за рубежом (в % от ответивших)

Хотели бы побывать, жить или работать за рубежом	Возраст				
	До 30	31–35	36–40	41–50	50+
Да, поработать временно, заработать деньги	20,8	17,7	14,1	10,8	8,7
Провести отпуск, побывать в командировке	43,1	41,1	41,0	44,2	42,6
Хотели бы поучиться, пройти стажировку	18,4	16,3	11,5	9,6	2,8
Хотели бы жить и работать за рубежом, переехать на постоянное место жительства	8,8	6,2	6,6	3,5	2,1
Не хотят и не планируют	9,9	17,7	18,9	20,5	35,3
Не думали об этом	11,0	7,2	15,9	17,5	12,8

Главным недостатком такого вида работ является отсутствие производственных связей, невозможность получить удовлетворение от завершения проекта, отсутствие коммуникации внутри рабочего коллектива, что может негативно сказаться в будущем при трудоустройстве, главным образом, для молодежи.

Таким, образом, в профессиональной сфере основные смыслы социально-экономических ориентаций современной молодой интеллигенции можно свести к оценке благополучия, благосостояния, а также к удовлетворенности собственным трудоустройством. Российская действительность такова, что в прекариат преимущественно попадает экономически активная молодежь, в том числе представители гуманитарной интеллигенции. Поскольку пик безработицы приходится

на молодой возраст (20-24 года) среди имеющих высшее образование, трудоустроится после окончания высшего заведения достаточно трудно. Трудоустройство на работу, не связанную с полученной специальностью, — это еще одна проблема, ведущая молодежь в группу прекариев. В основном на молодежном рынке труда требуются работники со средним образованием [Наемный работник, 2015 : 133].

В последние десятилетия происходили серьезные изменения в сфере труда. В условиях массовой безработицы, текучести всей социальной сферы, роста большого количества экономических рисков, появился значительный (от 30-40 %) слой, основной характеристикой которого является нестабильное положение в сфере труда, проявляемого в отсутствии или существенном ограничении институциональных препятствий для эксплуатации, а также в отсутствии уверенности в своем будущем, страхе потерять работу, невозможности прогноза своей трудовой биографии.

Список литературы

Анисимов Р.И. Прекариат — новый социальный слой российского общества: сущность, причины, последствия // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19-21 окт. 2016 года) [Электронный ресурс]: Материалы V Всерос. социол. конгресса / отв. ред. В.А. Мансуров, Рос. общество социологов, Москва, 2016., Москва, 2016, 7277–7288. Режим доступа: <https://wdfiles.ru/dbYv> (дата обращения 20.01.2017).

Голенкова З. Т., Голиусова Ю. В. Новые социальные группы в современных стратификационных системах глобального общества // Социологическая наука и социальная практика. 2013. №3. С. 5–15.

Колосова Е.А. Динамика прекаризации рынка труда в России // Диагностика и прогнозирование социальных процессов: материалы междунар. науч.-практ. конф. В 2 ч, Ч. 2. Белгород, 27–28 окт. 2016 г. / Белгор. гос. технол. ун-т ; отв. ред. Н.С. Данакин, В.Ш. Гузаиров, И.В. Шавырина. Белгород: Изд-во БГТУ, 2016, Т. 2, 32–34.

Кученкова А.В., Колосова Е.А. Работники сферы образования, медицины, культуры: общее и особенное в проявлении институционального доверия // Российское социологическое сообщество: история, современность, место в мировой науке / Материалы научной конференции к 100-летию Русского социологического общества имени М.М. Ковалевского 10-12 ноября 2016 года. / Отв. редактор: Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2016. С. 763–765.

Наемный работник в современной России / Отв. Ред. З.Т. Голенкова. — М.: Новый хронограф, 2015. 368 с.

Рассадина Т.А. Проблемы современной российской гуманитарной интеллигенции // Симбирский научный Вестник. 1(№7). 2012. С. 204–209.

Тощенко Ж.Т. Жизненный мир и его смыслы // Социологические исследования. 2016. № 1 (381). С. 5-17.

Труд и занятость в России. 2015: Стат. сб. / Росстат. М., 2015. 275 с.

Семья в жизненном мире молодой социально-гуманитарной интеллигенции¹

Основные подходы в интерпретации семьи

В последние годы в самых разных отраслях отечественной социологической науки сформировалась своеобразная мода на конструктивистский, субъективистский, феноменологический подход. Одно из ключевых понятий этого подхода — «жизненный мир». Согласно одному из классиков этой традиции в социологии — А. Шюцу, ключевыми параметрами этого понятия являются: а) смысл / значение (которым обладают только социальные явления, в отличие от природных). В соответствии с этими смыслами человек упорядочивает свой социальный опыт в повседневной жизни; б) смыслы социальных объектов формируются на основе их индивидуального восприятия; в) упорядочивание этих индивидуальных восприятий (переход от интрасубъективности к интерсубъективности) осуществляется в процессе взаимодействия (вряд ли с этим согласился бы Л.С. Выготский); г) именно этот интерсубъективный мир является социальной реальностью, человеческим, жизненным миром, объединяющим в себе мир природы, культурных объектов и социальных институтов [см. более подробно: Дивисенко, 2014].

Достаточно очевидным, если не тривиальным, фактом является то, что в структуре «жизненного мира» любого индивида важное место занимают представления о семье ее ключевых параметрах (атрибутах).

Вместе с тем семья является весьма распространенным, личностно значимым, понятием, используемым как в повседневной жизни, так и в научном дискурсе.

1. Переработанная и дополненная статья Солоникова В.В. Семья и жизненный мир молодой социально-гуманитарной интеллигенции // Жизненный мир научно-технической и социально-гуманитарной интеллигенции: общее и особенное / РГГУ, Социолог. фак-т, Центр социолог. исследований. Под общей ред. Ж.Т. Тощенко. Редактор-составитель М.С. Цапко; М.: РГГУ, 2015. С. 323-330.

При этом с одной стороны, здравый смысл (иногда подкрепляемый политической риторикой) стремится к формированию универсального, единого образца семьи. Применительно к США D. Smith назвал его «стандартной северо-американской семьей — ССАС» (standard North American family — SNAF). ССАС — это «разнополые муж с женой и их биологические дети, живущие под одной крышей, с мужем главным кормильцем, когда это возможно» [цит. по: Harris, 2008:1407].

С другой стороны, практически все современные ученые-гуманитарии, занимающиеся исследованием семьи, признают существование значительного разнообразия семейных форм и в своих дефинициях семьи в той или иной мере стараются его учесть. Однако их подходы могут быть существенно различны. Отметим наиболее часто упоминаемые их противопоставления.

Объективный-интерпретативный [Harris: 2008]. Первый подход наиболее близок традиционным марксистским взглядам. Он в детерминистском и широком социальном контексте рассматривает семью как одну из множества переменных (экономическое неравенство, религиозные верования, юридические нормы...), влияющих друг на друга и образующих сложную матрицу причинных связей. Представители этого подхода предпочитают говорить о «конструировании» (“construction”) или «продуцировании» (“production”) семьи, проявляя в большей мере заинтересованность в процессе порождения смысла семьи, а не реальных семейных отношений. В этих условиях закономерным выглядит обращение к идеям интеракционизма, феноменологии и этнометодологии.

(Структурно-)функционалистский — интеракционистский / конструктивистский. [Weigel, 2008: 1428], ссылаясь на классификацию дефиниций семьи, предложенную А.Ф. Коернер и М.А. Fitzpatrick [Koerner, Fitzpatrick: 2004] выделяет четыре их группы, которые, на наш взгляд, могут быть объединены попарно. С одной стороны, — это определения, акцентирующие структурные (члены семьи, характер отношений между ними, совместное проживание...) или функциональные (социализация детей, материальная, эмоциональная и др. взаимная поддержка...). С другой стороны, — попытки определить семью через особенности взаимодействия ее членов (привязанность, эмоциональные связи, формирование семейной идентичности...) или стремление понять как, какими языковыми средствами обычные люди конструируют понятие семьи, а также то, как это понятие используется в их повседневной жизни.

ни. В рамках последнего подхода J.A. Holstein и J. Gubrium [цит. по: Weigel: 2008] различают “the family” (семья как статичное определение «вещи») и “family” (социально сконструированное, текущее индивидуально варьирующее понятие).

Теоретико-операциональный — феноменологические, эмпирически ориентированный [Trost, 1999: 79–80]. Я. Трост выделяет четыре способа построения дефиниции семьи, которые по нашему мнению, могут быть объединены в две группы: *теоретико-операциональные* — основанные на теоретических разработках, построении моделей и предполагающие операционализацию теоретических конструктов; *феноменологические, эмпирически ориентированные* — стремящиеся отталкиваться от мнения «обычных» людей, обобщая их социальные представления о семье, ее смысле, сущности, ее качествах или действиях членов семьи по отношению друг к другу.

Возможность исследования представлений людей «с улицы» активно разрабатывается в разделе социальной психологии, именуемом психология социального познания. Важнейшим направлением социального познания является «познание социального мира *обыденным* человеком, непрофессионалом, познание им повседневной реальности своей собственной жизни» [Андреева, 2000:5]. В этой интерпретации социального познания оно выступает как не как научное знание, а представления человека о социальных объектах и явлениях, которые складываются в непосредственном жизненном опыте каждого человека.

Существуют значительные различия в восприятии физических и социальных объектов. Физическое окружение человека состоит из таких свойств, «для работы с которыми мы располагаем необходимыми органами чувств, социальная экология включает в себя бесконечное множество свойств, которые нельзя наблюдать непосредственно и или оценивать объективно» [Хьюстон, Штребе, 2000: 116]. Социальные явления, такие как честь, любовь, семья и др. не могут восприниматься непосредственно, они должны быть реконструированы человеком из окружающей его социальной реальности. Частью социального познания являются социальные представления. «Социальные представления — идеи, мысли, образы, ценности, знания и практики, разделяемые людьми и формирующиеся в социальных взаимодействиях прежде всего под влиянием средств массовой информации» [Социология. Энциклопедия, 2003: 235].

Идея о социальных представлениях восходит к наследию Э. Дюркгейма, его понятию коллективного представления. По мнению социальных психологов, социальные представления являются единицей

психической жизни общественного субъекта [Донцов, Емельянова, 1984]. К ним может быть отнесено представление о семье различных социальных групп.

Естественно-научный, объективистский, позитивистский, классический научный — понимающий, гуманитарный, постклассический, модернистский. Аналогичные дихотомии в более широком контексте выделения социологических (мета)парадигм в российской гуманитарной науке были предложены ранее [Ионин 1979, 2004; Слободчиков, Исаев, 1995; Солодникова, 1993; Ядов², 2006 и др.].

Исходные методологические принципы этих парадигм во многом «зеркальны». Если «объективисты» акцентируют качественную однородность социокультурных и природных явлений, стремятся построить социологию по образцу естественных наук, интерпретируют природу человека как неизменяющую («выносят за скобки» временные изменения) и т.п., то представители гуманитарного, понимающего подхода, напротив, постулируют принципиальное отличие естественных наук и наук «о духе», стремятся разработать специфичную методологию, проявляют пристальный интерес к истории и изменениям личности и общества и т. п.

Дедуктивный-индуктивный. Пытаться определить, что такое семья, можно двигаясь преимущественно от общего (ее определения) к частному (конкретным ее видам) — дедуктивно. Или же это движение может быть обратным направленным (индуктивным) — от накопления единичных фактов (о формах семьи) к более широким обобщениям.

Изучение повседневных представлений обычных людей нам представляется особенно важным и недостаточно изученным в российской гуманитарной науке.

Поэтому, исходя из сказанного, мы проанализируем российские и зарубежные дефиниции семьи, дополнив их сравнительным анализом социальных представлений о семье, сформированных у современных российских и американских студентов.

В качестве базовых были выбраны определения семьи отечественных авторов специальных монографий и учебных пособий по этой проблематике (см. Табл. 1).

2. В.А. Ядов дополнительно выделяет постпостклассическую парадигму (датируя ее возникновение границей XX и XXI в.в.), акцентируя ее понимание общества как конструирование агентами непрерывно меняющейся реальности [Ядов, 2006: 12]. Для нашего анализа постпостклассика является частным случаем постклассики.

Становится очевидным, что при всех различиях наиболее известных дефиниций семьи в российской социологии их можно, скорее, отнести к объективным, (структурно)-функционалистским, естественно-научным и дедуктивным.

ТАБЛИЦА 1. Определения семьи в отечественной социологии

Определение	Автор(ы)
Отношения, «через которые и благодаря которым осуществляется воспроизводство человека, общественный механизм этого воспроизводства»	Харчев А.Г., 1986, С.27.
Исторически конкретная система взаимоотношений между супругами, между родителями и детьми, малая социальная группа, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта и моральной ответственностью и социальная необходимость в которой обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения	Харчев А.Г., 2003, с. 71.
Совокупность индивидов, состоящих, по меньшей мере, в одном из трех видов отношений: кровного родства, порождения и свойства.	Голод С.И., 1998, с.91.
Общность людей, основанная на единой общесемейной деятельности, только тогда может быть определена в качестве семьи, когда присутствуют все три ее ключевых признака (супружество — родительство — родство).	Антонов А.И., Медков В.М., 1996, с.66.
Общность людей, связанных отношениями супружества, родительства и родства на основе совместного домохозяйства и (или) производства..., (выполняющую) функции воспроизводства населения и социализации детей, а также содержания (поддержания существования) членов семьи.	Антонов А.И., 1995, с. 184–185.

Понимание гуманитарной молодежью современных семейных форм

Стремясь к восполнению сложившегося дефицита информации постараемся обратиться к противоположным полюсам определения семьи, исходя из «жизненного мира» молодой социально-гуманитарной интеллигенции.

Для этого обратимся к результатам локального авторского эмпирического исследования.

Подход — социального конструирования понятий акторами в повседневной жизни.

Методика: опрос — анкетный закрытый групповой очный с письменными ответами респондентов на утверждения, зачитываемые автором устно с использованием переведенного с английского языка³ и ранее разработанного инструментария [Weigel, 2008].

Выборка целевая нерепрезентативная: опрошены студенты (№=101, из них 17 юношей), учащиеся 3-5 курсов трех гуманитарных факультетов РГГУ. Средний возраст — 20, 9 лет.

Прежде всего, отметим наиболее бесспорные результаты (признание этих общностей в качестве семьи варьирует в пределах 77-100%), почти не меняющиеся (различия статистически незначимы) в зависимости от пола и возраста респондентов:

- Биологическая мать с детьми (девушки чаще оценивают эту общность как семью);
- Два биологических родителя и дети (выше оценки юношей и более старших респондентов);
- Биологическая мать, отчим и дети (чаще — юноши и младшие респонденты);
- Биологический отец, мачеха и дети (ниже оценки девушек и респондентов 21 года);
- Двое приемных родителей и их дети (выше оценки девушек и респондентов 21 года);
- Супружеская пара без детей.

Далее обратимся к типам семей, которые на континууме «семья — не-семья» занимают промежуточное положение (см. Табл. 2).

3. Специальной адаптации инструментария не проводилось, но при возникновении у аудитории вопросов зачитывался первоначальный английский вариант утверждения.

ТАБЛИЦА 2. Типы семей, рассматриваемые как пограничные на континууме: семья-не-семья⁴, (% от опрошенных по столбцу)

Пограничные типы семей	Всего	Девушки	Юноши	До 21 года	21 год	Юноши девушки
Прародители, воспитывающие внуков	81,2	85,7	58,8*	87,1	75,0	88,2
Взрослые брат/сестра, воспитывающие младших сиблингов	73,3	78,6	47,1	61,3	84,6	58,8
Мать жены (теща) с внуками	74,3	76,2	64,7	74,2	76,9	64,7
Мачеха, отчим и дети	74,3	76,2	64,7	80,6	73,1	64,7
Отчим с детьми	68,3	72,6	47,1	67,7	75,0	47,1
Тетя, воспитывающая племянника(-цу)	65,3	72,6	29,4	58,1	69,2	64,7
Дядя, воспитывающий племянника(-цу)	68,3	71,4	52,9	67,7	73,1	52,9
Отец мужа (свекор) с внуками	72,3	71,4	76,5	64,5	76,9	70,6
Биологическая мать, отец мужа (свекор) и дети	71,3	71,4	70,6	71,0	71,2	70,6
Мачеха с детьми	65,3	71,4	35,3	58,1	75,0	47,1
Биологический отец, мать жены (теща) и дети	69,3	70,2	64,7	51,6	71,2	94,1
Однополая пара с биологическими детьми	64,4	69,0	41,2	54,8	75,0	47,1
Патронатный(е) родитель(и) с воспитываемыми детьми	62,4	66,7	41,2	58,1	67,3	52,9
Однополая пара с приемными детьми	60,4	66,7	29,4	51,6	71,2	41,2

* различия статистически значимы ($p \leq 0.05$).

4. Доля респондентов, поставивших оценки 4–6 по 6-балльной шкале — «я бы назвал(а) это семьей».

Отметим, что оценки юношей различных общностей как семейных всегда ниже (а в четырех случаях — статистически значимо), чем у девушек. При этом, если принять в качестве условной границы — 50% оценок признающих ту или иную общность в качестве семьи, то к **НЕСЕМЕЙНЫМ ФОРМАМ** могут быть отнесены: Взрослые брат/сестра, воспитывающие младших сиблингов; отчим с детьми; мачеха с детьми; однополая пара с биологическими детьми; патронатный(е) родитель(и) с воспитываемыми детьми. Кроме того, к этой группе могут быть отнесены две общности с самыми низкими оценками — тетья, воспитывающая племянника(-цу).

В качестве восьми общностей, которые рассматриваются практически всеми респондентами (статистически значимых различий между социально-демографическими группами не было выявлено) как семья были отнесены 8 из них (см. Табл. 2).

Обращает на себя внимание, что 7 из 8 форм (кроме первой) не попадают под наиболее радикальное определение семьи А.И. Антонова.

Ключевыми атрибутами семьи, по мнению опрошенных, являются 16 из предложенного перечня. Доля респондентов, поставивших оценки 5-8 по 8-балльной шкале — «я считаю это существенным для семьи», по ним варьирует в пределах 88-100%. Единственным исключением из правила является такой параметр семьи как «отношения», в отношении значимости которого оценки юношей оказались существенно ($p \leq 0.05$) ниже.

Нет гендерных различий в отношении таких атрибутов семьи как Забота; общение; защита, любовь; доверие; ответственность; дружба; совместное преодоление трудностей; честность; чувство единства/быть вместе и уважение.

Несколько ниже (но статистически незначимо) оценки юношей в отношении: близости; тепла; и поддержки.

Наиболее согласованные и получившие самые высокие оценки параметры семьи, которые ей присущи, в значительной мере отражают устойчивые социальные представления и стереотипы.

Обращение к атрибутам семьи, по мнению респондентов, не являющихся существенными (доля высоких оценок в среднем ниже 50%) для характеристики общности в качестве семьи, обнаруживает их немногочисленность (см. Табл. 3).

Примечательно, что в отношении таких общностей юноши и младшие респонденты настроены более либерально: они чаще признают их в качестве семьи (особенно применительно к дядям/тётям).

Отметим еще одну особенность этой группы параметров, не присутствующих семье, по мнению опрошенных: романтизированное отношение к семейным конфликтам (особенно у девушек и более старших

респондентов). Представление о семье (и особенно — о счастливой семье) как бесконфликтной нереалистично и чревато возникновением сложностей в семейной жизни. Как известно, счастливая семейная жизнь обеспечивается не отсутствием конфликтов, а конструктивными способами их разрешения.

ТАБЛИЦА 3. Атрибуты, рассматриваемые в качестве несущественных для семьи, (% от опрошенных по столбцу)⁵

Атрибут семьи	Всего	Девушки	Юноши	До 21 года	21 год	22+ лет
Двоюродные братья/сестры	45,5	45,2	47,1	48,4	46,2	35,3
Не кровные родственники	39,6	44,0	17,6	45,2	36,5	35,3
Дяди/тёти	46,5	42,9	64,7	51,6	44,2	41,2
Гордость	39,6	39,3	41,2	41,9	40,4	35,3
Конфликты	40,6	36,9	58,8	48,4	42,3	23,5

И наконец, кровные, но дальние родственники (двоюродные братья/сестры и дяди/тёти), а также не кровные родственники (например, свойственники) респонденты рассматривают как **НЕ**существенные атрибуты семьи вопреки ее дефинициям, существующим в российской социологии за исключением наиболее общего определения А.Г. Харчева (см. Табл. 1).

Далее, исключив из анализа бесспорные (по мнению респондентов) типы семьи и ее атрибуты, мы провели анализ соответствий. В результате была получена следующая картина (см. Рис. 1); ось X объясняет 55% дисперсии, ось Y — 27%/. Для упрощения визуализации фильтры настройки были ужесточены (CTR=40, COR=300).

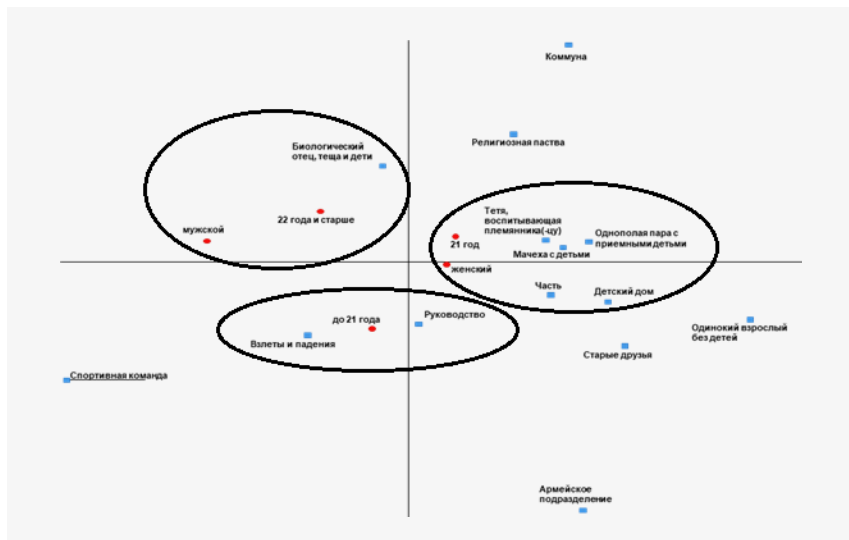
Обнаруживаются три группы параметров и форм семьи (при отсутствии статистически значимых связей) и умеренной доле объясняемой дисперсии. Обнаруживаются три группы параметров и форм семьи (при отсутствии статистически значимых связей) и умеренной доле объясняемой дисперсии.

- Девушки и промежуточная возрастная группа (21 год), рассматривающие в качестве семьи различные формы (квази) социального родительства: тетья с племянниками, мачеху с детьми, однополую пару с детьми и даже детский дом. Их отличительным атрибутом является ощущение их ощущение себя как «части» общности.

5. Доля респондентов, поставивших оценки 5-8 по 8-балльной шкале — «я считаю это существенным для семьи».

- Более старшие респонденты и юноши, отличительной чертой которых является более выраженное признание в качестве семьи такой общности как «биологический отец, теща и дети».
- Наиболее молодые респонденты, для которых характерно рассмотрение в качестве ключевых атрибутов семьи «руководство» и «взлеты и падения».

РИСУНОК 1

Взаимосвязи неочевидных форм и атрибутов семьи, анализ соответствий

Полученные результаты носят предварительный характер и нуждаются в дальнейшем анализе и осмыслении⁶. Вместе с тем они задают иную «оптику» (с точки зрения «жизненного мира» индивида) в отличие от сложившихся подходов к пониманию современных семейных форм, их наиболее существенных характеристик. При этом следует помнить, что репрезентативность полученных данных весьма ограничена и касается главным образом молодой социально-гуманитарной интеллигенции.

6. См. об этом более подробно в рамках кросс-культурного сравнения социальных представлений молодежи о семье [Солодников, Солодникова, 2016].

Список литературы

- Андреева Г.М. Психология социального познания: Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. — Издание второе, перераб. и доп. — М.: Аспект Пресс, 2000. — 288 с.
- Антонов А.И. Семья как институт среди других социальных институтов // Семья на пороге третьего тысячелетия / А.И.Антонов, М.С. Мацковский, Дж. Мэддок, М. Хоган. — Москва: Центр общечеловеческих ценностей, 1995. — 237 с.
- Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи — М.: Изд-во МГУ: Изд-во Международного университета бизнеса и управления («Братья Карич»), 1996. — 304 с.
- Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. — СПб: Петрополис, 1998. — 271 с.
- Дивисенко К.С. Социальные исследования жизненного мира // Социологический журнал. 2014. №1. С. 6–20.
- Донцов А.И., Емельянова Т.П. Концепция социальных представлений в современной французской психологии // Вопросы психологии. 1984. № 1. С. 147–152.
- Ионин Л.Г. Понимающая социология: историко-критический очерк. — М.: Наука, 1979. — 208 с.
- Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология человека: Введение в психологию субъективности. — М.: «Школа-Пресс», 1995. — 384 с.
- Солодников В.В., Солодникова И.В. Социальные представления молодежи о семье в кросс-культурной перспективе // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2016. №3 (5). С. 91–111.
- Солодникова И.В. Социальная идентичность и жизненный путь личности. — М.: Институт молодежи, 1993. — 116 с.
- Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова., О.В. Терещенко. — Минск: «Книжный дом», 2003. — 1312 с.
- Харчев А.Г. Исследования семьи: на пороге нового этапа // Социс. 1986. — №3. С. 23–35.
- Харчев А.Г. Социология семьи: проблемы становления науки: Перепеч. с изд. 1979 г. / А.Г. Харчев. — М.: ЦСП, 2003. — 342 с.
- Хьюстон М., Штребе В. Введение в социальную психологию. Европейский подход: учебник для студентов вузов / Пер. с англ. под ред. проф. Т.Ю. Базарова. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. — 622 с.
- Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. — СПб: Интерсоцис, 2006. — 138 с.
- Harris, S.R. Objective and Interpretive Approaches to Equality in Marriage // Journal of Constructivist Psychology. 2009. 22(3): 213–236.
- Trost J. Family as a set of dyads // Concepts and definitions of family for the 21 century / Ed. by B.H. Settles et al., N.Y.: Haworth Press, 1999: 79–91.
- Weigel D.J. The Concept of Family An Analysis of Laypeople's Views of Family // Journal of Family Issues. Volume 29. Number 11. November 2008: 1426–1447.

Смыслы отцовства¹

Смыслы отцовства: социально-философское и социологическое понимание. Каждый человек реализуется в разных ипостасях. Родительство — одна из граней самореализации как для женщин, так и для мужчин. В текущей повседневности мы редко задумываемся об этом, но реализовать в качестве отца так же важно для мужчины, как достичь успеха в профессии, заработать деньги, добиться уважения, общественного признания, высокого социального статуса и сделать карьеру.

В последнее время отцам и отцовству социологи-исследователи стали уделять больше внимания [Безрукова, 2013; Безрукова, Самойлова 2017; Рождественская, 2010; Рыбалко, 2006; Синельников, 2015; Шевченко, 2011; Шевченко, 2014; Шевченко, 2015; Янак, 2018]. Но смысл отцовства — особенно сложная и деликатная тема. Вместе с тем, многие идеи, связанные с человеческим поиском смыслов вообще и смыслов жизни, применимы к отцовству.

К понятию смысла отцовства можно подходить по-разному. С одной стороны, это то, что связано существованием человечества и имеет глобальное общественное значение. Это жизненные смыслы отцовства, соединенные с воспроизводством самой жизни. С другой, смысл отцовства — в самом отцовстве. То есть быть отцом — ценность само по себе, это воплощение себя в детях.

Отцовство несет в себе и социальный смысл, реализованный в передаче детям как духовных ценностей, установок, традиций — т.е. культурных смыслов бытия человека, так и в социально-экономическом аспекте — наследовании собственности, дела, фирмы и так далее.

Следует согласиться с тем, что «смысл всегда связан не столько с прошлым, сколько с настоящим и будущим, в которых отражается синергетическая сущность жизни» [Тощенко, 2016: 6]. Относительно детей это особенно верно, ведь дети — наше будущее.

1. Переработанная и дополненная статья Шевченко И.О. Смыслы отцовства // Смыслы жизни российской интеллигенции / РГГУ, Социолог. фак-т, Центр социолог. исследований. Под общей ред. Ж.Т. Тощенко. Редактор-составитель Д.Г. Цыбикова; М.: РГГУ, 2018. С. 268–274.

С точки зрения функционального подхода, существует так называемый «общественный» смысл, который сопровождается созданием социальных институтов. Т. Парсонс описывает общество как нормативно упорядоченную систему, основанную на социально-осмысленных действиях индивидов, смысл существования которых сводится к выполнению функций, отвечающих общественным и личным потребностям людей [Парсонс, 1998]. Но, по мнению М. Вебера, смыслы принадлежат индивидуальному сознанию, с помощью которого интерпретируются действия других людей. Именно это объясняет уникальные смыслы индивидуального поведения [Вебер, 1990]. На наш взгляд, применительно к отцовству в этом нет противоречия. Конечно, вряд ли, обзаводясь потомством, родители задумываются исключительно об «общественных потребностях». Но в данном случае личные, индивидуальные интересы и смыслы отвечают требованиям социального института и общества.

Смысл маркирует изменения социальной реальности. В досовременные исторические периоды к отцовству относились иначе, чем сейчас. Наличие детей, особенно сыновей, в прежние времена несло в себе прежде всего экономический смысл: в традиционном обществе дети содержали престарелых родителей. Но уже в средневековье рождение ребенка имело для отца и символический смысл, что выразилось в передаче имени сыновьям, а позже — в возникновении фамилий, которые всегда давались по отцу [Кон, 2009: 318–319].

Для анализа смысла «быть отцом» важно понимание этого термина Д.А. Леонтьевым: «...Можно в первом приближении определить смысл как отношение между субъектом и объектом или явлением действительности, которое определяется местом объекта (явления) в жизни субъекта, выделяет этот объект (явление) в образе мира и воплощается в личностных структурах, регулирующих поведение субъекта по отношению к данному объекту (явлению)» [Леонтьев, 2003: 114–115]. Применительно к детям, социолог может попытаться определить, какое место занимают дети в жизни их отцов в сравнении с другими сферами жизни, и каковы отношения отцов к своим детям.

Как понимают смысл отцовства современные отцы?

При подготовке этой части статьи использовались эмпирические данные следующих исследовательских проектов: «Авторитет отца в современной российской семье», осень 2010 — весна 2011 гг., 10 глубинных интервью с женатыми мужчинами разного возраста, имеющими детей; «Смыслы отцовства», декабрь 2017 — январь 2018 гг., 7 глубинных

интервью с женатыми и разведенными мужчинами разного возраста, имеющими детей.

Отметим, что, «раскрутить» мужчин на интервью на личные темы всегда непросто, а попросить осмыслить какое-то явление, событие — ещё сложнее. В данном случае задача усложняется тем, что рефлексия относительно собственного отцовства — непростое занятие, не все вообще задумывались о том, зачем им нужны дети. Поэтому задача социолога — разговаривать, а потом уже обобщить высказанное. Добавим также, что к рефлексии собственного отцовского опыта, отцовских чувств, к раздумьям об отцовстве, и, особенно, к осмыслению важности отцовства для общества способны думающие, образованные отцы. Конечно, мы не задавали вопросы «в лоб», но, разговаривая с исследователем о социальных практиках отцовства, о повседневности, отцы выходили на социальные, психологические и даже философские проблемы.

Отношение к детям и их восприятие зависит от возраста и меняется с возрастом. Мужчины молодого, среднего и старшего возрастов по-разному говорят о смысле «быть отцом». Есть ощущение, что, взрослея, отцы начинают придавать этому больше социально-философский или общечеловеческий смысл.

Антропологический и биологический смыслы. Отцовство — это продолжение и поддержание жизни в целом, главная биологическая задача любого существа. Это сохранение человека как вида. Это — наше личное и общее будущее, то есть глобальное будущее человечества. С точки зрения политиков, увеличение населения страны необходимо также с целью решения политических задач, на что должны работать все демографические программы. Но отцов, преимущественно, не волнуют демографические проблемы.

Справедливости ради, заметим, что и об антропологическом аспекте отцовства большинство отцов задумываются ближе к 40 годам. *«Я продолжаю жизнь, это главный смысл жизни любого человека. Когда я был молодым, естественно, так не формулировал. Но и в 25 лет я знал, что дети — это наше будущее»* (мужчина, 51 год, дочери 26 и 18 лет, сын 16 лет, сын жены 27 лет).

Молодые люди редко озадачиваются проблемой появления потомства, скорее заводят детей, потому что так принято или этого хочет жена. Но рождение детей меняет мужское сознание. *«Я не очень задумывался о детях, жена хотела. Но сейчас... Это всё для меня. Это мое продолжение. Это жизнь. Я как мужчина состоялся, когда появились они»* (мужчина, 35 лет, дочери 4, сыну 2 года).

Интересно, что отцы в интервью изрекали и некоторые чисто «биологические» мысли относительно появления детей на свет: *«Я передаю*

детям свой генофонд. Мой генофонд хороший, лучше чем у многих...» (мужчина, 51 год, дочери 26 и 18 лет, сын 16 лет, сын жены 27 лет).

Особую группу отцов составляют воцерковленные родители, для которых рождение ребенка несет божественный, высший смысл, в котором сливается воедино биологическое и духовное.

Личностные смыслы. Как известно, у человека есть несколько уровней потребностей. Потребности в личной самореализации и самоуважении — одни из высших. *«Человек самореализуется в разном, в том числе — в отцовстве. Без самореализации в качестве отца самореализация не будет полной»* (мужчина, 51 год, дочери 26 и 18 лет, сын 16 лет, сын жены 27 лет).

Отцовство приносит мужчине ощущение полноты жизни, самореализации во всех сферах жизни. Мужчинам свойственно сравнивать себя с другими, это основа его самоидентификации, и «выигрыш по сумме баллов» дает им чувство превосходства и выполненного долга. *«Те, у кого есть всё — деньги, богатство и т.д., но нет детей, мне завидуют, и никто не убедит меня в обратном»* (мужчина, 51 год, дочери — 26 и 18 лет, сын — 16 лет, сын жены — 27 лет).

Социальные и духовные смыслы. *«Я расту в своих глазах. Я уважаю себя за то, что помогаю расти маленькому человеку. Ему без меня трудно будет вырасти. Меня растили, и я буду растить своих детей»* (мужчина, 51 год, дочери — 26 и 18 лет, сын — 16 лет, сын жены — 27 лет). В этой короткой фразе много пластов. Это и самоуважение, и желание оберегать маленькое существо, и воспроизводство отцовских и родительских практик. Это вовсе не значит, что отцы будут точно повторять то, что делали их родители. Воспитание своих детей как раз идет с «поправкой» на погрешности родителей: *«Я для себя понял одно: если ты хочешь выстраивать отношения с ребенком, нужно помнить очень хорошо, чего тебе не нравилось в поведении родителей, и так не поступать»* (мужчина, 60 лет, сын — 26 лет, дочь — 35 лет, дочь жены — 34 года). Ещё один респондент: *«Мой отец нами не занимался. Я так не хочу, мои дети будут расти со мной»* (мужчина, 32 года, дочерям 9 лет, 4 года, 6 месяцев). Т.е. помимо подражания отцовским практикам, присутствуют практики «от противного».

Мужчины говорили о том, что если отец «сделал ребёнка» и исчез, не интересовался, никак себя не проявил, он не отец в социальном смысле. А тот, кто воспитал с детства ребёнка любимой женщины как своего, может, и не герой, но настоящий отец — мужик, способный на мужские поступки. Добавим, что мысль о социальном отцовстве была озвучена в опросах и детьми. *«Отец — не тот, кто родил, а кто вырастил и воспитал»* (молодой человек 21 года о своем отчине, которого считает отцом).

Социальный и духовный смысл отцовства состоит и в том, что отец дарит детям ту любовь, заботу и воспитание, которую не может дать мать. Любовь матери «безусловней», чем любовь отца, которую скорее нужно заслужить, и которая включает в себя элемент требования. Возможно, это в меньшей мере относится к маленьким детям и девочкам, больше к мальчикам, но об этом говорили многие отцы. Вместе с тем, любовь отца безусловна в том смысле, что если уж мужчина признал ребенка «своим» (и кстати, это относится не только к детям), то будет его поддерживать и защищать. Дети также ожидают этого от отцов, и отсутствие поддержки воспринимают очень болезненно: «Он в футболе болел не за меня, а за Витьку» (юноша, 19 лет). В этом смысле отцовская любовь дает ребенку точку опоры, стенку за спиной, от которой можно оттолкнуться. Наблюдения показывают, что отсутствие у ребенка этой «стенки» и точки опоры очень заметно. «Детям нужна любовь отца так же, как любовь матери. Я передаю детям то и учу тому, чему не может научить мать. Материнской любви недостаточно, детей, у которых нет отца, сразу видно. Любовь и поддержка отца не является аналогом или продолжением материнской, потому что роли матери и отца — взаимодополняющие» (мужчина, 51 год, дочери — 26 и 18 лет, сын — 16 лет, сын жены — 27 лет).

Трансляция ценностей и традиций. Несмотря на некоторое отрицание родительских практик, смысловой мотив «передать детям то, что передали мне предыдущие поколения» у мужчин очень силен. «Мне передали родители какие-то ценностные ориентации семьи, и я передаю их следующим поколениям. При этом я исправляю их ошибки и недоработки, дорабатываю, чтобы мои дети получили больше чем я» (мужчина, 51 год, дочери 26 и 18 лет, сын 16 лет, сын жены 27 лет). Многие респонденты говорили, что отцов, которые в семье являются пассивными «наблюдателями за воспитанием детей», надо научить проявлять активность.

Гендерные смыслы. Отношение к девочкам и мальчикам у отцов различается, но не в бытовальском понимании «кого любят больше», а с точки зрения того места, которое занимает ребенок в смысло-жизненных ориентациях данного мужчины. Применительно к мальчику это передача ему своей духовной и социальной сущности мужчины, мужских знаний, умений, навыков, мужского мышления. Требования к мальчику другие, жёстче, «нормативнее», за все отклонения спрос суровее. «Относительно сыновей — это сидит в мужчинах, продолжить себя в сыне. Меня растили как мужчину, и я буду растить сына как мужчину. Иначе кому я передам свою

мужскую сущность?» (мужчина, 51 год, дочери — 26 и 18 лет, сын — 16 лет, сын жены — 27 лет).

Девочек можно баловать, любить, потому что всё правильное женское им передаст мать — образец женского поведения. Но модель мужчины девочка может усвоить только с помощью отца. «Для дочки я — образец мужского ролевого поведения, она волей-неволей будет сравнивать своего избранника со мной» (мужчина, 51 год, дочери — 26 и 18 лет, сын — 16 лет, сын жены — 27 лет). Добавим, что примерно то же самое говорили дочери: для них отец — образец мужчины, важный человек для сравнения. «Главное в воспитании сына — научить мужиком быть. Чтобы за все отвечал, все делать умел. А с дочкой по-другому. Её любить нужно, чтобы кого попало не выбрала» (мужчина, 51 год, дочери — 26 и 18 лет, сын — 16 лет, сын жены — 27 лет). Сыновья чаще конфликтуют с отцами, проявляя свою независимость, но отцы невероятны важны для них как ролевая модель мужского поведения.

Социально-экономические смыслы включают в себя как элементы повседневности, так и элементы наследования собственности и дела. Первое, «материальное» и приземленное, довольно часто встречается в рассуждениях родителей-отцов («я живу для семьи», «все, что я зарабатываю и делаю — это для них»). Второе, связанное с наследованием — реже, вероятно, это связано со спецификой России; до последнего времени передавать по наследству — в экономическом плане — было практически нечего. Тем не менее цитирую: «Я работаю для них, все, что у меня есть — для них, все им оставлю» (мужчина, 60 лет, сын 26 лет, дочь 35 лет, дочь жены, 34 года). Второе чаще упоминается представителями состоятельных слоев, и они чаще обзаводятся детьми в более позднем возрасте, когда уже есть «чего оставлять детям». Вероятно, с повышением качества жизни, вовлечением в предпринимательство широких слоев населения, накоплением собственности эти социально-экономические смыслы будут практически всеобщими, но это будет не скоро. С другой стороны, возврат к ценности детей как единственных кормильцев в старшем возрасте вряд ли возможен в нашей стране.

Таким образом, в понимании «зачем быть отцом?» *социальные и духовные*, а также *личностные* смыслы, связанные с передачей традиций, ценностных ориентаций, культурного опыта, отцовской самореализацией у современных российских мужчин *преобладают*, а вот общечеловеческие (антропологические) и социально-экономические пока отступают на второй план.

Список литературы

Безрукова О.Н. Отцовство в трансформирующемся обществе: ожидания матерей и практики отцов // // Социологические исследования. 2013. №11. С.118–130.

Безрукова О.Н., Самойлова В.А. Отцовский отпуск в России: мечты или реальность? // Социологические исследования. 2017. №7. С. 116–125.

Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.

Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009.

Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2003.

Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998.

Рождественская Е. Ю. Либеральный тренд от «отца» к «папе» // Социологический журнал. 2010. №3. С. 75–89.

Рыбалко И.В. Трансформация отцовства в современной России. Автореферат на соискание степени кандидата социологических наук. Саратов, 2006.

Синельников А.Б. Супружество, отцовство и материнство в российском обществе // Социологический журнал. 2015. Том 21. № 4. С. 132–148.

Тощенко Ж.Т. Смысл жизни: опыт анализа с позиций социологии жизни // Социологические исследования. 2016. № 11. С. 3–14.

Шевченко И.О. Ситуация после развода: отцы и дети // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 70-77.

Шевченко И.О. Отчим в структуре современной российской семьи // Социология. 2011. №2. С.186–192.

Шевченко И.О. Одинокие отцы в России: повседневные практики и проблемы // Вестник РГГУ. Серия «Социологические науки». № 4 (126). М.: РГГУ, 2014. С. 163–173.

Янак А.Л. Социальные практики отцовства в современной российской семье. Диссертация на соискание степени кандидата социологических наук. Нижний Новгород: НГУ, 2018.

РАЗДЕЛ III

СМЫСЛЫ ЖИЗНИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ: ОПЫТ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Интеллигенция в поисках идентичности: институциональный анализ¹

За последние тридцать лет трансформация российского общества привела к значительным социально-структурным изменениям в составе такой значимой социальной группы российского общества как интеллигенция. Проследить эти изменения позволяет институциональный анализ.

Важнейшими составляющими современного российского общества стали группы интересов. Интересы объединяют группу в нечто единое и отделяют ее от других общностей.

Группы интересов различаются по структуре, стилю деятельности, способам финансирования и базе поддержки [Алмонд, 2002; Almond, 1995].

С этой точки зрения, интеллигенция представляет собой т.н. «неупорядоченную социальную группу», которую нередко объединяет только общая, во многом ценностная реакция на те или иные события.

Сложность определения общего интереса интеллигенции, видимо, связана с тем, что сама эта общность основана на таких неформальных признаках как стиль поведения, ценностные установки, предпочитаемые коммуникативные практики. Использование социальных характеристик в качестве маркеров не позволяет четко локализовать ее в системе социальной стратификации современного общества. Ее невозможно определить как целостность ни по социальному статусу, ни по функциональным характеристикам в системе социальных взаимодействий, ни, тем более, по идеологическим позициям. Интеллигентом может назваться каждый, просто продекларировав свой духовный, этический и социальный выбор.

Подобная гибридная идентичность интеллигенции, ее неоднородность, разобщенность и незначительная способность к группово-

1. Переработанная и дополненная статья Левичевой В.Ф., Диманса С.Л. Интеллигенция и лоббизм: институциональный анализ // Судьбы российской интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее: сб. статей XX Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 9 апр. 2019 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редактор-составитель Цыбикова Д.Г.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. — М.: РГГУ, 2019. С. 198-210.

му сотрудничеству, крайне усложняет процесс принятия солидарных решений, что в конечном счете оборачивается ситуацией упущенных шансов для всех.

Так могут ли люди, обладающие высшим образованием, профессиональными компетенциями и мировоззренческой культурой солидарно отстаивать свои интересы?

На наш взгляд, интеллигенцию более продуктивно рассматривать не как группу собственных интересов, а как акторов других социальных групп, т.е. предпочтительнее анализировать ее не с позиций субстанционального подхода, а как феномен векторного (направленного) коммуникативного взаимодействия с другими социальными общностями, что позволяет сделать институциональный подход.

Интеллигенция в структуре функционального представительства

В настоящее время нет ни одной сферы общественной жизни, а следовательно, и группы интересов, в которой представители интеллигенции не играли бы заметную роль в силу специфики своей профессиональной подготовки.

Действительно, внутреннюю (родовую) самоидентичность интеллигенции сегодня фактически некому «содержать». Услуги по духовно-нравственному воспитанию молодежи, по разработке научной картины мира и проектированию будущего современным российским государством практически не востребованы.

Став обузой для государственной номенклатуры и перейдя на самообеспечение, интеллигенция как наиболее яркий субъект интеллектуальной деятельности, получивший в современных условиях демократии простор для самовыражения, тем не менее вынуждена предлагать свои услуги другим группам организованных интересов.

Экономический рынок как бы «растворяет» интеллигенцию как социальную общность. Но приступая к освоению новых социальных ролей, интеллектуалы, по крайней мере их значительная часть, все же сохраняют некоторые ценностные установки, присущие классической интеллигенции. Поэтому постоянные оговорки, фиксирующие феномен полураспада интеллигенции: «подлинная и неподлинная», «так называемая», «статусная», «профессиональная» интеллигенция, «образованщина» и т.п. — отражают ни что иное как адаптивность интеллигенции, ее умение приспособиться к новой социальной среде. Раз нет ресурсов для защиты собственных интересов, приходится защищать чужие.

В условиях рынка у интеллигенции могут быть собственные интересы, но они производны от интересов конкретной группы.

М. Олсон называет большие группы «латентными», поскольку их потенциал совершения коллективных действий не реализуется сам по себе. Коллективное действие происходит в результате инициативной деятельности отдельных членов группы, добивающихся полезного для всех результата [Олсон, 1995].

Не вызывает сомнений, что большинство групп интересов также «латентны» и нуждаются в делегировании полномочий по выработке, артикуляции и отстаиванию их отдельными лицами. Интересы могут быть явными и неявными, расплывчатыми, четко или нечетко выраженными, чрезмерно общими или частными, ценностно окрашенными т. д. Одним словом, все это разнообразие можно свести, как отмечает Ф. Бро, к следующим трем пунктам: больше иметь; больше делать; больше значить [Бро, 1992: 42]. Это сложная и весьма специфическая профессиональная работа.

Речь в данном случае не идет о разделении группы на руководящее меньшинство и руководимое большинство, хотя это и происходит с неизбежностью. Группа не может существовать без лидера, но она также не может существовать без лиц, которые являются своеобразным субститутом (заменой) группы и могут говорить и действовать от ее имени, но не на правовой основе, а на основе доверия мнению тех, с кем считаются как «наверху», так и «внизу» группы. Чьи голоса слышны в общем хоре. Которые могут (имеют неформальное право) произнести, например, такие слова: «Партия считает, что ...», «Ассоциация врачей уверена в том, что ...», «Политика нашей компании направлена на ...». И это им сходит с рук даже в том случае, когда все оказывается не совсем так. Только тогда, когда поведение этих лиц выходит за некие рамки, их могут, что называется, «попросить на выход».

Влияние групп интересов определяется не только уровнем поддержки населения, но и наличием других ресурсов, в первую очередь, финансовых. Сплоченные и финансово поддержанные группы интересов политически более влиятельны, чем идеологически и организационно размытые общие интересы, причем это влияние во многом строится на использовании неформальных и неконвенциональных методов воздействия на политические и экономические процессы. Представляя их интересы, современная интеллигенция искажает важнейшие атрибутивные признаки своих предшественников, такие, например, как оппозиционность к власти и существующим институтам. Вряд ли при этом она склонна испытывать чувство социального стыда и обнаженной совести.

Если анализировать интеллигенцию как представителей групп интересов, то многие ее традиционные характеристики, такие, к примеру, как «служение народу», становятся нерелевантными. С одной

стороны, интеллигенция выполняет общественно полезную функцию — множество свободно возникающих и независимых от государства идейных и духовных направлений, экономических интересов, политических воззрений и т. д. получают реальное и внятное представительство, с другой — существенно снижается уровень представительства малообеспеченных и слабо организованных социальных слоев населения, интересы которых отодвигаются на задний план.

Интеллигенция в структуре электорально-партийного представительства

Существующие в обществе интересы должны быть не только артикулированы, но и переведены в пространство политики. Эту функцию обычно приписывают партиям, безотносительно того, кто является акторами этого процесса.

Соперничество групп интересов на площадке представительной власти аналогично конкуренции на экономических рынках. Политический рынок регулирует государство. Здесь каждая группа интересов имеет «собственную интеллигенцию», которая агрегирует (собирает и объединяет) различные интересы в более общие партийные программы и продвигает их.

Наличие в обществе полноценной парламентской площадки выталкивает интеллигенцию в публичную политику. Это, с одной стороны, создает для нее новые политические возможности, но с другой — меняет ее «родовые» характеристики.

В парламентских фракциях большинства интеллигенция вынуждена работать на правительство, даже если в глубине души не вполне согласна с проводимой политикой. В оппозиционных фракциях она придерживается иных позиций. Но в обоих случаях интеллигенция представляет не большинство народа, а властное ресурсное меньшинство и на компромиссной основе участвует в процессах формирования реальной политики в его интересах.

Однако несмотря на то, что обычно признаются нормы и правила, удобные для ресурсного меньшинства, — появляется окно возможностей и для остальных групп интересов. Наряду с давлением, организованным привилегированными группами интересов (крупный бизнес, корпорации, профессиональные ассоциации), появляется возможность представить интересы и других социальных групп (малого и среднего бизнеса, бюджетников, общественных движений, различных региональных групп). Это их право определено соответствующими законами и дает им возможность более эффективно использовать

имеющиеся в их распоряжении ресурсы голосования. Однако они были и остаются аутсайдерами.

Есть еще одна социальная группа, которую М. Олсон называет «забытой». Это обычные неорганизованные налогоплательщики, не имеющие рычагов влияния на что-либо, пребывающие в «рациональном невежестве», особенно на выборах, и не предпринимающие никаких действий. Эта группа и составляет большую часть общества [Олсон, 1995: 154–155].

Конечно, с развитием социальных коммуникаций разногласия интересов основной части населения становятся все более явной, и в этом есть некоторая заслуга интеллигенции. Интеллигент-идеолог, творец высших духовных ценностей и социальный критик, активно формирующий общественное мнение, все еще существует, но его ценностные продукты остаются почти незамеченными.

Что касается сетевой гражданской мобилизации на выборах, то пока она за редким исключением начисто проигрывает сложившейся вне демократических институтов неформальной организации реальной власти. Наиболее мощные «группы давления» — и есть фактическая власть, в отличие от власти формальной, т.е. политических институтов в их традиционном понимании.

Власть готова кооптировать в политическую элиту только тех представителей интеллигенции, которые пробиваются в лидеры групп организованных интересов, так как с ними приходится согласовывать некоторые решения. То есть одним представителям интеллигентских слоев открыт путь в элитарное сообщество, другим нет. Так было всегда, но в современных условиях, находясь на разном удаленном расстоянии от власти, наше «образованное сословие» стало резко дифференцироваться по имущественным признакам.

Диспропорциональность в репрезентации и воспроизводстве групповых интересов в системе представительной власти ведет к искажению их реального веса в обществе, что, в конечном счете, приводит к углублению социального неравенства. Оно обусловлено не только эгоизмом ресурсных групп, их волей к власти и доминированию, но и самой природой общества. Задача интеллигенции, ее, если хотите, социальная миссия — сглаживать последствия такого неравенства и примирять интересы. Однако вместо этого сегодня она подавляет одни интересы в пользу других и этим дестабилизирует общество.

Эта диспропорциональность углубляется по мере того, как группа интересов в органах представительной власти превращается в распределительную коалицию, монополизующую тот или иной вид деятельности. Участие интеллигенции в такой коалиции и ориентация

на борьбу за долю при распределении дохода в ущерб другим группам интересов, окончательно снимает иллюзорные представления о ее социальном альтруизме.¹

Известно, что наиболее активно подобные распределительные коалиции создаются в процессе рассмотрения государственного бюджета. Здесь главная роль принадлежит депутатам — непосредственным соискателям ренты в интересах той или иной ресурсной группы, использующим утвержденное законом право утвердить либо отклонить бюджет.

Политическая партия собственных интересов интеллигенции вряд ли когда-либо вообще сможет состояться, хотя неоднократные попытки ее создания были (достаточно обратиться хотя бы к истории партии «Яблоко»). Эсхатологическое и нигилистическое состояние интеллигенции, отсутствие этики «внутрицеховой» солидарности и осознание собственного бессилия перед лицом власти сводит все подобные попытки на нет.

Схожее положение партий и групп интересов в процессах формирования социально-экономического и политического курса создало своеобразную связь этих институтов. Е. Шаттшнейдер в свое время установил, что роль групп интересов в политике непосредственно и органически связана с состоянием политических партий на основе обратной пропорциональной зависимости: чем слабее функционирует партийная система, тем мощнее становится влияние заинтересованных групп на политический процесс; и наоборот, если партии осуществляют свои полномочия эффективно, они способны значительно ограничить или свести к минимуму влияние групп интересов [Schattschneider, 1942].

Интеллигенция в структуре государственного аппарата «Бюджетная» интеллигенция

Анализ структурного разнообразия интеллигенции как социальной общности с точки зрения групп интересов, не может обойти проблему отношений ее с властью.

Зависимость от государства и одновременно неприязнь к нему была своеобразным родовым «проклятием» советской интеллигенции. Из ее части рекрутировались государственные чиновники, а оставшиеся «на воле» активно соперничали за «милости» властей. Однако были

2. Распределительные коалиции — это разновидность групп интересов, ориентированная на распределение частных благ в определенной сфере. Эти коалиции нередко называют организациями с рентоориентированным поведением. Такие организации оказывают систематическое давление на власть с целью получения частных выгод.

и своего рода «профессиональные» интеллигенты, стремившиеся дистанцироваться от власти как источника зла, и искавшие признания и самоутверждения среди своих.

Поскольку режим замалчивания разнообразных интересов теперь отключен, поле для критической (интеллигентской) рефлексии фактически значительно снижается. Критика власти доходит в основном лишь до той аудитории, от которой она и исходит, и до той аудитории, для которой в этой критике нет ничего нового.

В современных условиях считать интеллигенцию субъектом власти, конечно же, невозможно, хотя ее «хождение во власть» происходит довольно активно. Во многом этому способствуют те или иные группы ресурсных интересов, активно предлагающих своих адептов из числа интеллигенции для работы в различных правительственных структурах.

Многие интеллектуальные практики интеллигенции во властных структурах слабо востребованы. Как отмечал социолог Райт Миллс, когда люди, обладающие знаниями, идут во власть, они приходят туда «не как равные, а как наёмники» [Mills, 1963].

Чиновник из интеллигентской среды должен понимать, что он привлекается во власть только для того, чтобы подыскать средства осуществления политики, цели которой не подлежат не только критике, но даже обсуждению. Он может критиковать «отдельных лиц», «отдельные группы лиц» и «отдельные учреждения», но не институциональную систему в целом.

Как верно отмечает Л. Козер, «Люди, принимающие решения, по большей части не склонны к рефлексии» [Coser, 1965]. Можно добавить: не должны быть склонны к рефлексии. Способность интеллигента размышлять над дальними перспективами в бюрократических структурах не востребована в принципе. От него требуются не долгосрочные прогнозы, основанные на вдумчивом анализе тенденций, а фактическая информация, приуроченная к требованиям момента.

Интеллигент как госслужащий должен принять все ограничения, обусловленные иерархической структурой бюрократического аппарата, причем как необходимые и желательные.

Выстраивать отношения между обществом и властью, находясь во властных структурах, невозможно. Поэтому большинство интеллигентов-интеллектуалов, идущих во власть из чувства долга и наивной веры в собственные возможности, как правило, оттуда быстро «возвращаются». Те, кто остается, должны освободиться от иллюзий по поводу собственной свободы и принять узкий практицизм бюрократического мышления.

Не имея возможности пробиться на самый верх, интеллигент находит утешение в критике «некомпетентных» верхов, где, по его мнению, действуют не знания, а личные связи в сочетании с услужливыми манерами. Он пребывает в стойкой уверенности, что некомпетентность, соединённая с риторикой и подкреплённая неформальными связями, — это именно то, что требуется для движения вверх по карьерной лестнице.

Иначе обстоит дело с интеллигентом, который попадает на высшие должности в системе государственной службы. Став частью организации, он теряет свою независимость в оценке ее действий, но также и независимость суждений вообще. Если же он пытается сочетать своё новое административное положение с прежними интеллектуальными установками, то их публичная демонстрация часто заканчивается отставкой.

Если интеллигент принимает на себя функции эксперта и считает, что таким путём он сможет конструктивно влиять на политику, то эти ожидания по большей части бывают обмануты. Консультант не может игнорировать интересы клиента, в качестве которого в данном случае выступает власть.

Кроме того, любая дельная мысль упирается в институциональные ограничения, которые чиновник, в отличие от эксперта, чувствует, что говорится, кожей. Рекомендации экспертов рисуют светлое послезавтра, а чиновнику надо знать, «что делать завтра, если сегодня начнем», с учетом реальных возможностей управления.

В ином положении находится «бюджетная интеллигенция» — специалисты в системе образования, здравоохранения и науки. Ее финансовая зависимость от властных структур провоцирует конформистские и адаптивные жизненные стратегии, направленные на решение повседневных проблем. Иные стратегии упираются в низкий социальный статус и престиж соответствующих профессий. Их представители очень легко идут на сделку с властью, что отчетливо проявляется в ходе ирбирательных компаний.

Подобный конформизм и отсутствие высокой ресурсной и статусной самоидентификации представителей бюджетных профессий — весьма травматичны для общества в целом. Репутационные социальные механизмы заменяются стимулами, задаваемыми избыточной нормативной регуляцией и квазирыночными экономическими отношениями, что коренным образом меняет поведенческие практики людей. Служение обществу превращается в предоставление услуг наемными работниками. Особенно отрицательно это сказывается на образовании и здравоохранении.

Ю.А. Левада обозначил феномен конформизма термином «лукавое двоемыслие» — стремление обойти запреты и отыскать удобные

поведенческие ниши в нормативных системах разного уровня (социальных, групповых, личностных). По его мнению, исполнение нормативных императивов превращается в более или менее лукавую сделку [Левада, 2000: 26].

Эти практики характерны практически для всех бюджетников. Но особенно широкое распространение они получили в системе высшего образования, которая сегодня буквально поглощена бюрократическими процедурами. Количество и многообразие всех форм административной отчетности превышают все мыслимые пределы. Вузы фактически превращены в клиент-ориентированные организации, а преподаватели — в обычных наемных работников, оказывающих образовательные услуги. «Лукавая сделка» превратилась в устойчивое оппортунистическое поведение, в частности, в очковитительство как способ приспособления к возникшему административному абсурду. В результате резко ухудшилась вузовская среда, сократились академические свободы, понизились академические стандарты и в целом качество высшего образования.

Интеллигенция в процессах лоббирования

Согласно общепринятой точке зрения, лоббизм — это давление на власть (на людей, принимающих решения) разного рода социальных, профессиональных, корпоративных и др. групп. Это своего рода альтернатива конкурсному распределению финансовых потоков.

Давление осуществляется не только на законодателей, но и на все сколь-либо существенные центры власти и управления.

Апологетика лоббизма строится на аргументации, согласно которой в демократическом государстве неизбежна борьба и конкуренция различных общественных интересов, и люди, точнее, профессиональные ассоциации и корпоративные объединения, должны иметь право законными способами отстаивать свои интересы в органах государственной власти.

Интеллигенция как представитель заинтересованных групп и распределительных коалиций, нашедшая свое место в механизмах продвижения во власть групповых интересов, интегрируется в лоббистскую систему на достаточно прочных основаниях. Лоббист по сути объединяет в себе знания и опыт в четырех областях: коммуникации, креативность, посредничество, умение вести переговоры и выступать публично. Продвижению целей и интересов всегда способствует активное владение профессиональным дискурсом в предлагаемых обстоятельствах. Все это — часть прочно укоренившихся интеллигент-

ских практик. В процессе лоббирования специалист оказывает платную услугу по представлению интересов клиента и редко выходит за пределы чисто профессиональных функций.

В настоящее время интеллигенция присутствует на всех этажах лоббизма и непосредственно включена в механизм иерархического согласования решений. Фактически, она входит в распределительные коалиции как субъект лоббирования (имея, например, депутатский мандат или консультируя чиновников, принимающих решение) и обслуживает интересы немногочисленных высокоресурсных групп, тем самым прямо способствуя углублению социально-экономической дифференциации общества.

Будучи субъектом лоббирования, интеллигенция проявляет один из своих родовых признаков — оказывать целенаправленное воздействие на политический процесс, но при этом не принимая прямого участия в управлении государством, и, тем самым избегая какой-либо политической ответственности за свои действия.

Однако лоббизм воплощает собой также принцип свободы, выступает инструментом самоорганизации гражданского общества, с помощью которого оказывается влияние на политику и мобилизуется общественная поддержка или оппозиция. Лоббизм в этой ситуации — своего рода соперник институциональной бюрократии. Влияя на управленческие решения, он заставляет органы государственной власти и управления «быть в форме», придает им большую динамику и гибкость. Кроме того, лоббизм существенно расширяет информационную базу принимаемых решений. Все это дает интеллигенции, вовлеченной в лоббистскую деятельность, своеобразное алиби от обвинений в продажности.

Интеллигент, если он хочет оставаться интеллигентом, должен отстаивать интересы своей группы (интересы общества, отдельных отраслей, корпораций и профессиональных ассоциаций) не по меркантильным или другим утилитарным соображениям, а в силу своей социальной природы и политической позиции. В противном случае, он — обыкновенный политехнологический прагматик.

Чтобы лоббизм не вырождался в коррупцию, все контакты заинтересованных лиц и законодателей должны быть нормативно отрегулированы и проходить под зорким оком комиссий по этике, которые обычно создаются практически при всех законодательных или исполнительных органах власти. А самих лоббистов целесообразно объединить в различные публичные ассоциации.

Представителей интеллигенции сегодня можно найти в специальных лоббистских фирмах, замаскированных под консалтинговые

агентства, службы «паблик рилейшнз», аналитические и экспертные центры и пр.

К сожалению, обсуждение законопроекта о лоббизме в нашей стране стало одной из самых провальных кампаний последнего времени. В результате лоббистские технологии до сих пор не институционализированы, а все нормы лоббистской деятельности остаются условными.

По-прежнему ведутся кулуарные переговоры первых лиц компаний, чиновников и депутатов. Не отстают и среднее исполнительское звено. Аппаратные люди-невидимки могут поддержать или завалить любой проект или законодательную инициативу в силу личных договорённостей с теми, от кого негласно получают в той или иной форме бонусы.

В ряде российских регионов вообще произошло слияние муниципальной власти с частным сектором. Каждый сам себе и чиновник, и законодатель, и лоббист. Это худший вид лоббизма, порождающий вопиющие случаи конфликта интересов. Поэтому слово «лоббизм» в общественном сознании россиян прочно ассоциируется с коррупцией.

Лоббистские возможности различных сообществ распределены крайне неравномерно. Основная масса лоббистских коммуникаций иницируется и осуществляется корпорациями для продвижения собственных интересов.

Многим запомнилась, например, энергичная атака владельцев спиртоводочных заводов на российское правительство, в результате которой акциз на алкогольные напитки был снижен с 90% до 85%. Еще одна их атака завалила проект закона «О государственной монополии на производство и оборот этилового спирта».

Конечно, признавать специалистов, активно участвующих в подобном рода лоббистских кампаниях интеллигенцией, достаточно сложно. Лоббировать узко партикулярные интересы и одновременно выступать в «защиту гонимых» — невозможно.

Процесс лоббирования напоминает шахматную партию, в которой действуют фигуры разного веса: бизнес и власть, сырьевики и переработчики, бюджетники и «офисный планктон» частных компаний, мелкие предприниматели и олигархи и пр.

Так, врачебное сообщество России начисто проиграло «партию» страховому лобби, в результате которого между государственным Фондом обязательного медицинского страхования и государственными медицинскими учреждениями вклинились частные страховые кампании, в которых оседают значительные суммы обязательных страховых платежей. Это непосредственно отразилось на заработках врачей и на отношениях врачей и пациентов.

Не так давно при полном игнорировании общественного мнения появился совершенно пустой по содержанию Закон об основах охраны здоровья граждан (№ 323-ФЗ), под сенью которого хиреет бюджетная медицина, и как снежный ком разрастаются платные медицинские услуги. Недовольство медицинской общественности звучало надрывно и безнадежно.

Медицинская интеллигенция не могла выступить единым фронтом, поскольку доходы врачей слабо коррелируют с их квалификацией и опытом. Вряд ли можно рассчитывать на наличие общей интеллигентской позиции, когда зарплата врача в Москве и в провинции, в государственном лечебном заведении и в частной клинике различаются во много раз. Поэтому врачебная этика как профессиональная этика части интеллигенции не институционализируется. Это видно и по беспомощности различных врачебных ассоциаций. О чем в них можно договориться, если даже социолог с трудом может найти там признаки одной социальной общности, а институциональный экономист — общие интересы группы?

Подобный социальный разрыв относится ко всем профессиональным группам интеллигенции. С точки зрения доходов не важно, кем работать, гораздо важнее — где, в каком регионе, в какой конкретной компании работать. Солидарность и этика совместных действий подменяются индивидуальной лояльностью к конкретному учреждению, которое на данный момент может предложить лучшие условия найма. В результате практически ни одна профессиональная ассоциация в России не сложилась таким образом, чтобы государство могло передать ей часть своих управленческих функций. Институциональная несостоятельность профессиональных ассоциаций в полной мере проявляется в их реальных лоббистских возможностях.

Лоббистскую деятельность ведут не только промышленные корпорации и профессиональные ассоциации, но и различные НКО, которые почти полностью состоят из представителей интеллигенции. Обычно они обосновывают свои предложения общественными интересами. Однако даже этот лоббизм никогда напрямую не связан с действительными общественными приоритетами. В интересах общества что-то надо прямо сейчас, а что-то может и подождать. Но в лоббизме побеждает тот, кто лучше организован и располагает большими ресурсами неформальных связей.

Лоббистам всегда нужна общественная поддержка или, по меньшей мере, видимость такой поддержки. Это так называемый «косвенный лоббизм» (работа через население), при котором нет прямого контакта между лоббистом и политиком. На политиков обрушивается

общественное мнение, выраженное в шквале звонков и писем, что иногда заставляет их все же принять решение в пользу людей. Пожалуй, именно здесь интеллектуальные практики интеллигенции, формирующей общественное мнение, могут иметь реальные результаты.

* * *

В среде интеллигенции сегодня распространено множество идейных и духовных направлений. Прежние стереотипы и идентичности, в которых она до сих пор определялась, и в которых она сама осмысливала свою социальную роль, больше непригодны.

Рынку нужны представители интересов. Поэтому место морализирующей и рефлексизирующей интеллигенции в той же социальной среде постепенно замещается прагматически ориентированными специалистами. Выполняя функции лоббиста группы, придя во власть, работая по найму в промышленных корпорациях и т. д., интеллигент-профессионал вынужден отказаться от установок на оппозицию к власти, от позиции «жертвенности ради народа», от просветительских иллюзий и прочих атрибутов.

Однако то, что интеллигенция оказалась фактически отстраненной от идейного влияния на общественное сознание и умонастроения людей, в итоге серьезно ослабляет всё наше общество.

Список литературы

- Алмонд Г., Пауэлл Дж., Строк К., Дантон Р. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. / Пер. с англ. А.С. Богдановского, Л.А. Галкиной; Под ред. М.В. Ильина, А.Ю. Мельвиля. М: Аспект Пресс, 2002.
- Бро Ф. Политология / Пер. с фр. М.: Луч, 1992.
- Левада Ю. Человек лукавый: двоемыслие по-русски // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2000. № 1(45).
- Олсон М. Логика коллективных действий: общественные блага и теория групп / Под ред. Р.М. Нуреева, пер. с англ. М.: Фонд экономической инициативы. 1995.
- Almond Gabriel A., Powell G. Bingham. Comparative Politics Today: A World View. New York: Harvester Wheatsheaf. 1995.
- Coser Lewis A. Men of Ideas: a sociologist's view. New York: The Free Press. 1965.
- Mills C. Wright. Power, politics and people. New York: Oxford University Press. 1963.
- Schattschneider E.E. Party Government. New York: Farrar and Rinehart, Inc. 1942.

Смысложизненные ориентации сибирской интеллигенции (на материалах Республики Бурятия)¹

Поиск смысла жизни всегда был актуальным для российской интеллигенции. Нередко он являлся главным двигателем ее жизни. Н.А. Бердяев в своей автобиографической философской работе «Самопознание» писал: «Я вижу два первых двигателя в своей внутренней жизни: искание смысла и искание вечности. Искание смысла было первичнее искания спасения» [Бердяев, 1990: 77]. Для философа само искание смысла жизни уже являлось смыслом жизни. «Однажды на пороге отрочества и юности, — продолжал автор, — я был потрясен мыслью: пусть я не знаю смысла жизни, но искание смысла уже дает смысл жизни, и я посвящу свою жизнь этому исканию смысла. Это был настоящий внутренний переворот, изменивший всю мою жизнь. Я пережил его с энтузиазмом» [Там же]. Проблема смысла жизни рано или поздно встает перед каждым интеллигентом и вообще перед каждым человеком.

Еще совсем недавно в советской литературе утверждалось, что вопрос о смысле жизни однозначно решен. В массовом и индивидуальном сознании культивировалась формула: «Смысл жизни — в борьбе за коммунизм». Поэтому философский вопрос о смысле жизни представлялся чужеродным, излишним и даже вредным. Конечно, подобные утверждения были далеки от реальности, они не снимали проблемы смысла жизни, наоборот, загоняли ее вглубь. Особенно острой эта

1. Переработанная и дополненная статья Осинского И.И., Добрыниной М.И. Смысложизненные ориентации современной российской интеллигенции (на материалах республик Сибири) // Смыслы жизни российской интеллигенции / РГГУ, Социолог. фак-т, Центр социолог. исследований. Под общей ред. Ж.Т. Тощенко. Редактор-составитель Д.Г. Цыбикова; М.: РГГУ, 2018. С. 235-241.

проблема стала в наши дни, когда человек, как никогда прежде, испытывает «дефицит» смысла жизни. Современный его «дефицит» проявляется в наиболее глубоких коллизиях сознания и бытия в России. Это обусловлено рядом причин. Кризис современной российской экономики, политики и права, отсутствие консолидирующей и возвышающей общественной идеи, — девальвация нравственных ценностей и традиций, экспансия суррогатов культуры на фоне коммерциализации отнюдь не лучшего образца — все это породило в индивидуальном и массовом сознании фрустральное состояние, которое становится перманентным. Положение усугубляется тем, что ценность самой человеческой жизни сведена к минимуму. Одним из показателей потери смысла жизни частью граждан России является высокий уровень суицидов в стране. В 2015 г. в России кончили жизнь самоубийством 24 982 человека, в 2016 г. почти на 60% больше — 39 222 человека [Статистика..., 2017].

Что же представляет собой смысл жизни? И каким его видит наиболее образованная часть российского общества, интеллигенция? Смысл жизни, — это, на наш взгляд, совокупность наиболее значимых мировоззренческих установок человека, реализация которых находится в центре его сознания, поведения и трудовой деятельности.

Мировоззренческие установки — это сущностные, стратегические ориентации человека, включающие соответствующие знания, ценности, нормы, принципы, а также основные функциональные элементы мировоззрения — волю, веру, надежду, идеал. Все это в концентрированном виде находит свою реализацию в повседневной жизнедеятельности, труде, поведении человека. Все составляющие содержания понятия «смысл жизни» в совокупности дают более менее целостное представление о данном феномене. Тем не менее в определении смысла жизни особое место занимают убеждения человека. Они выступают как стойкие, осознанные ориентации личности на определенные ценности. Это твердая уверенность человека в истинности своих знаний и представлений, в правоте своей жизненной позиции.

Смысл жизни — сложное, многоаспектное понятие, имеющее свою структуру, показатели, индикаторы, требующие всестороннего комплексного подхода к рассмотрению данного феномена. В этой связи мы разделяем определение понятия Ж.Т. Тощенко как «совокупности целей-принципов, образующих стратегическое ядро установок и олицетворяющих стержень сознания и поведения людей и составляющих основополагающее внутреннее содержание их

жизни» [Тощенко, 2016: 163]. Нельзя не согласиться с автором в том, что в известной мере смысл жизни — это основная, конечная цель, которая как обобщенная стратегическая установка всей жизни, так и ведущая установка основных видов деятельности [Там же].

Какие же ведущие установки составляют смысл жизни интеллигенции? Попробуем дать ответ на этот вопрос, опираясь на результаты нескольких исследований. В частности, нами проанализирован контент 87 студенческих сочинений, написанных в разные годы (с 2010 по 2014 гг.) на тему «В чем смысл моей жизни» (фамилии указывались по желанию). Целью исследований было выяснение представлений интеллигенции и будущих ее представителей о смысле жизни, как основы мировоззрения личности, высшей цели ее деятельности и стремлений. Осуществляя данное исследование, мы учитывали общепhilosophический подход к трактовке понятия смысла жизни. В «Словаре философских терминов», изданном философским факультетом МГУ в 2004 г. говорится: «Подлинный смысл жизни состоит, во-первых, в том, чтобы постоянно обогащать свой внутренний мир достижениями науки, техники, литературы, искусства и т.д., во-вторых, в том, чтобы самому создавать материальные и духовные ценности, быть полезным людям, соблюдать моральные нормы и принципы» [Словарь..., 2004: 519]. Во-вторых, исходили из того, что объектом исследования является не общество в целом, а его часть — специфическая социальная группа, члены которой функционально заняты сложным умственным трудом, и обладают общепризнанными культурно-нравственными качествами, т.е. качествами интеллигентности. Следовательно, сама принадлежность к данной социальной группе предполагает наличие или поиск ее представителями смысла жизни.

Помимо этого, мы используем материалы социологических исследований, проведенных в Бурятии в 2011 и 2016 гг. (объем выборки 995 и 473 чел. соответственно, в качестве респондентов выступали представители русской и бурятской интеллигенции).

Представление о смысле жизни формируется в процессе деятельности людей и зависит от их социального статуса, образа жизни, мироощущения, конкретной исторической ситуации. В благоприятных условиях человек может видеть смысл своей жизни в достижении счастья и благополучия, в негативной среде жизнь может утратить для него свою ценность и смысл. По данным социологических опросов о смысле жизни интеллигенции Бурятии, главной смысложивной ориентацией интеллигенции является семья (См. таблицу 1) [Добрынина. 2011: 222; данные социол., 2016].

ТАБЛИЦА 1. Смысложизненные ориентации интеллигенции Бурятии
(в % от числа опрошенных)

Что составляет для Вас смысл жизни?	2011		2016	
	русские	буряты	русские	буряты
Создание и сохранение хорошей семьи	63,6	66,43	67,6	71,5
Творчество, создание нового	13,6	16,1	15,4	18,1
Бескорыстное служение людям	6,3	5,1	6,5	6,1
Любить и быть любимой (любимым)	20,1	22,8	21,2	23,6
Устроенный быт, комфорт	24,9	33,6	25,0	35,6
Финансовая независимость	28,9	40,8	27,0	38,7
Получение от жизни как можно больше удовольствий	6,2	9,0	5,1	7,0
Служение идеалам добра, борьба за справедливость	9,1	7,1	11,1	10,5
Добросовестное выполнение своих профессиональных обязанностей	23,8	27,3	27,0	28,2
Власть, сила	0,9	2,7	0,7	2,2
Религия	2,7	3,4	3,5	3,8
Другое	1,8	2,7	2,0	3,2

В бурятской среде семья, дети традиционно занимают особое место «...в бурятской юрте господствует любовь и взаимное уважение прав и прерогатив каждого члена», писал профессор Б.Э. Петри в 1925 г. В русской гуманистической философии семья ассоциировалась с высшей нравственной ценностью, сферой реализации любви, продолжения рода, уважением к женщине, представлялась прочной основой государственной жизни [Ларченко, 2018]. Семья и сегодня остается одним из фундаментальных институтов общества, придающих ему стабильность и обеспечивающих воспроизводство поколений. Для 70% бурятской и 66,7% русской интеллигенции семья связывается с представлениями о благополучной счастливой жизни». В то же время семью как бурятской, так и русской интеллигенции не обошла проблема распада семей и малодетности, хотя в Бурятии показатели этих

негативных явлений несколько ниже, чем в других регионах Сибири. Так, по суммарному коэффициенту рождаемости из 12 регионов СФО Бурятия традиционно находится на третьем месте (после Тувы, Алтай, где этот показатель выше).

В ценностном сознании современной интеллигенции Бурятии актуализированы материальные ценности, в том числе финансовая независимость, которые не только обеспечивают жизнеспособность, но и в представлениях многих ассоциируются с высоким статусом и престижем, так же как и комфортный, обустроенный быт. Исследования, проведенные в разные годы в Бурятии, других республиках Сибири показывают, что преобладающая часть интеллигенции относит себя к нищим и бедным (необеспеченным) социальным группам. Нищие — те, кто отмечает, что «денег до зарплаты не хватает»; бедные — «на повседневные расходы денег достаточно, но покупка одежды вызывает затруднение». Количество таковых в Бурятии в 1995 г. было 88,3%, в 2011 г. — 57,5%. Как и в других регионах Сибири в Бурятии, среднемесячная заработная плата ниже, чем в целом по стране. Например, в 2016 г. в Бурятии она составляла 27,72 тыс. рублей, в СФО — 30,03 тыс. руб., в РФ — 36,20 тыс. руб. [Средняя зарплата: 2016]. Несмотря на некоторое повышение уровня жизни интеллигенции Бурятии, ее основные смыслы социально-экономических ориентаций занимают вторую (после «семьи») позицию. Несомненно, благосостояние любого человека относится к важнейшим смыслам его жизнедеятельности. Ведь благосостояние — это обеспеченность человека (населения), необходимыми материальными и духовными благами, без которых он не сможет существовать.

Чуть более четверти респондентов в качестве своей смысложизненной ориентации указали на добросовестное выполнение своих профессиональных обязанностей. У этой части интеллигенции смысл жизни связан с главной сферой бытия общества — с трудом, который является не только источником всякого богатства, но и первым основным условием всей человеческой жизни. Каждая трудовая деятельность человека есть вложение в развитие общества. Смысл жизни современного специалиста состоит в его самосовершенствовании, повышении квалификации, получении новых знаний, в генерации новых идей, в максимальной реализации своего профессионального потенциала, в гуманизации социума. Для части интеллигенции смысл жизни состоит в творчестве, в новаторской деятельности. В меньшей степени интеллигенция ориентирована на такие ценности как: получение от жизни максимума удовольствий, служение идеалам добра, борьба за справедливость; власть и сила.

Смысложизненные ориентации находят воплощение в поведении и деятельности человека, которые он соотносит с требованиями социальной среды. Соответствие принятым в обществе нормам и правилам создает у человека ощущение собственной социальной полноценности. Регуляторами поведения для человека выступают моральное сознание, а также факторы окружающей среды.

Интеллигенция предпочитает выстраивать свое поведение соответственно своим представлениям о долге и совести, сознает свою ответственность за совершаемые действия.

Что касается смысла жизни студентов — будущих интеллигентов, то примерно пятая часть респондентов в своих сочинениях не смогла его выразить («это очень сложное понятие») или написала, что она находится в процессе поиска самого смысла жизни. Около половины считает, что на данном этапе главным для нее является успешно закончить университет, найти интересную работу («с нормальной зарплатой») по специальности, создать семью, вырастить детей (некоторые указали 2-3 ребенка, никто не указал одного). Четвертая часть видит смысл своей жизни в том, чтобы быть полезным своей стране, республике, народу оставить после себя доброе имя, продолжить традиции своих родителей, одного рода («не забывать накопленный опыт предков, передавать его из поколения в поколение»).

Практически пятая часть сочинений проникнута заботой о природе («человек должен любить и сохранять природу, а не убивать и уничтожать ее!»). Смысложизненная позиция молодежи по отношению к природе во многом, очевидно, связана с необходимостью большей заботы о сохранении Байкала, тайги, которой по большому счету пока нет.

Каждый десятый студент указывает на то, что намерен свою жизнь прожить честно, бороться за справедливость делать добрые дела. Абсолютное большинство сочинений (доля таковых 3/4) проникнуты оптимизмом, уверенностью в своем будущем. 15-20% содержат элемент неуверенности, тревожности, сомнений.

Во многих сочинениях содержатся размышления о том, что надо делать, чтобы найти смысл жизни, как строить свою жизнь. Например, одна из студенток пишет: «Человек должен беречь каждую секунду жизни и делать что-то полезное для окружающих его людей. Он должен охранять красоту нашего земного шара и делать его еще лучше, так как это в его силах. Человек должен любить жизни и делать только хорошие поступки для того, чтобы это счастье досталось и нашим потомкам» [Текущий архив, 2017].

На наш взгляд, в настоящее время в среде интеллигенции, как и в других социальных группах, происходит переосмысление ценностно-смысловых ориентиров. В структуре общественного сознания имеют место традиционные, инновационные ценности, а также ценности советского периода.

Список литературы

Бердяев Н.А. Самопознание. М.: ДЭМ. 1990.

Добрынина М.И. Русская интеллигенция в республиках Сибири: социальный статус. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2016 (табл.); данные социологических исследований (рукопись). 2016.

Ларченко Ю.А. Семейные ценности (социально-философский аспект) URL:<http://www.peolsovet.org/forum/index.php?act=post&iol=172> (дата обращения 09.02.2018).

Словарь философских терминов/ Науч. Ред. проф. В.Г. Кузнецова. М.: ИНФРА, 2004

Средняя заработная плата в регионах России в 2016 году. URL: bs=life.ru/rabota/zarplata/srednyaya-zarplata2016.html. (дата обращения 9.02.2018).

Статистика самоубийств в мире. URL: <http://vawilon.ru/statistika-samoubijstv/> (дата обращения: 08.02.2017).

Тощенко Ж.Т. Социология жизни. М.: Юнити-Дата, 2016.

Смыслы построения карьеры в биографиях научно-технической интеллигенции¹

Построение профессиональной карьеры — во многом дело всей жизни, если понимать ее с точки зрения профессионального развития на протяжении жизненного пути. Формирование этого пути происходит задолго до начала трудовой деятельности и включает в себя уникальный комплексный опыт на основе многолетнего восприятия и продуцирования знаний, сложного творческого труда в сфере своих научных интересов. Его успешность зависит не только от личных качеств и обстоятельств в каждом отдельном случае, но в решающей степени — от многоуровневых факторов внешней среды, создающих институциональные регуляторы. Ее состояние сегодня противоречиво. С одной стороны, с точки зрения продуктивности деятельности важна долговременность и последовательность профессионального пути, формирования профессиональной карьеры в течение жизни. С другой, условия, в которых она формируется, характеризуются неустойчивостью и неразвитостью профессиональной среды, и важны регуляторы карьеры, ее инфраструктура, которая, в том числе, определенным образом способствует профессиональному развитию на протяжении индивидуального профессионального пути ученого [Попова, 2018].

Вопрос о том, как происходит в реальности формирование моделей научной карьеры и как взаимодействуют люди, занятые в этой сфере, со структурами социальной среды, какой смысл вкладывают в эти взаимодействия, важен в том числе в связи со спецификой отношения к различным сторонам научной профессиональной карьеры. Здесь я выделю некоторые из характеристик этой специфики, которые представляются наиболее важными.

— Отношение к карьере вообще и в науке в частности во многом испытывает влияние негативной коннотации с так называемым ка-

рьеризмом. Смысловое различие того, что важно и что неважно для профессионального развития в науке, является важным моментом для формирования различных моделей карьеры (как показывают интервью, рефлексия в этом отношении представителей научно-технической интеллигенции — особенно чувствительный пункт осмысления взаимосвязи жизни и профессии в целом).

— На оценку различных сторон карьеры влияют субъективные факторы, связанные не только с особенностями индивидуальной карьеры ученого, но и его ближайшего круга, в котором приняты определенные взгляды в понимании значимости и смысла составляющих карьеры: успеха, авторитета, продвижения и т. д. В одних случаях явный успех не рассматривается таковым, видимый авторитет деятеля науки выглядит относительным в различных сегментах научного сообщества, профессиональный рост может быть не отмечен какими-либо формальными квалификационно-должностными маркерами.

— Противоречие между официально установленными, формальными показателями профессиональной карьеры и отношением к ним в научном сообществе, критическим и скептическим одновременно. Это особенно заметно сейчас в дискуссиях по поводу наукометрии и способов оценки работы в науке. Это важная составляющая научной политики, связанная с эффективностью труда в сфере науки. Если это противоречие будет слишком глубоким, существует риск формирования ложных и неэффективных моделей карьеры в науке и способов их воспроизводства в ней.

Исследовательские вопросы (задачи) в отношении этих характеристик можно сформулировать следующим образом:

— Каковы основные модели успеха в карьере ученого/инженера в новых условиях?

— Как оцениваются достижения в карьере, способы измерения профессионального роста?

— Как соотносятся возможности карьеры с личностным потенциалом людей, занятых в сфере науки и технологий, их субъективными оценками этих возможностей?

В ответах на эти вопросы данная работа опирается на анализ данных биографических интервью с учеными естественнонаучных дисциплин².

1. Переработанная и дополненная статья Поповой И.П. Специфика смыслов построения карьеры в сфере науки и технологий // Смыслы жизни российской интеллигенции / РГГУ, Социолог. фак-т, Центр социолог. исследований. Под общей ред. Ж.Т. Тощенко. Редактор-составитель Д.Г. Цыбикова; М.: РГГУ, 2018. С. 140-148.

2. Эмпирической базой являются биографическо-нарративные интервью с учеными естественнонаучных дисциплин, проведенные в рамках проекта «Профессиональная карьера как фактор воспроизводства в сфере науки и технологий», РГНФ (РФФИ), 2016-2018 (40 интервью, критерии выборки: возраст, пол, работа в России или за рубежом на момент интервью); данные лонгитюдного проекта 1999-2010 гг., рук. С. Ашвин [Ashwin (ed.), 2006], в рамках которого проводились интервью с научными работниками естественнонаучного профиля Москвы в течении 4-х волн опроса (N=23 в 1999 и 18 в 2010 гг.).

Метод исследования, применимый для решения этих задач, исходя из субъективных смыслов, оценок, способов рассказов людей, часто обозначается как биографический. Разнообразие и влияние различных направлений, школ и методов в этой области заставили говорить о *биографическом повороте* — термин, вынесенный в заголовок известной работы [Wengraf et al., 2012], вспоминается и сегодня довольно часто. Обосновывая выбор термина, авторы подчеркивали его значение как «субъективного» или культурального (cultural) поворота, в котором индивидуальные и социальные смыслы, как основания действия, становятся все более заметными [Wengraf et al., 2012: 77]. Он оказывает сильное влияние на социальные исследования, формирует их повестку в социальных науках и политической деятельности и сейчас.

Направления, создающие этот поворот, вели из разных дисциплин. В отношении *исследования биографий и карьер* речь идет прежде всего о психологии и социологии. В России биографический метод в психологии был представлен в 1918 г. [Рыбников, 1920], делалась попытка создания Биографического института — «центра, ведающего делом собирания и изучения биографий». В последующем биографические исследования в российской психологии развивались в соответствии с развитием личности (например, в работах А.Н. Леонтьева, см. об этом: [Клементьева, 2012], Б.Г. Ананьева, см.: [Логинова, 1986]). Исследования взаимосвязи карьер и биографий в психологии также имеют давнюю историю, различаясь, например, в психиатрии, психоанализе, социальной психологии. Они основываются на герменевтическом подходе, дающем ключ к пониманию смысла человеческого поведения в отношении карьерного развития, нарративном методе [Vujold, 1990]. Специфика исследований в психологии связана с тем, что, в отличие от социологии, под карьерой понимается не только продвижение в сфере занятости, профессии, смена рабочих мест, но более широкий круг жизненных событий и контекстов; отметим, что это понимание нередко разделяется в социологических биографических исследованиях, «пограничных» между дисциплинами. В одном из них обосновывается концепт социальной карьеры в широком контексте, который не ограничивается сферой занятости и в котором рассматриваются все ее направления, нити (по И. Гофману), комбинации переходов, изменений, конфликтов. В таком смысле он дает возможность, фокусируясь на переходах и поворотных точках, инкорпорировать индивидуальные обстоятельства и реакции на них в широкие социологические и исторические рамки, основываясь на качественных данных о процессе жизней людей, переданных в их собственных словах [Humphrey, 2012].

Главным в социологическом подходе к биографическим данным остается фокусирование на взаимодействии индивидуального и социального, личности и структуры [Wengraf et al., 2012]. В этом смысле речь чаще говорят об историях жизни (жизненном пути), представляющих материалы для обобщений таких взаимодействий. Собственно биографический метод зачастую представляется связанным в большей степени с уникальностью «носителя биографии», способами субъективного придания им смысла своему рассказу о жизни [Рождественская, 2012: 6].

Пересечение жизненных и трудовых историй с социальными и институциональными структурами кажется наиболее продуктивным фокусом внимания в исследовании профессиональных карьер. Придание социального смысла историям жизни помогает лучше понимать структурные и институциональные изменения, а то или иное развитие этого смысла становится основой для теоретических построений в различных дисциплинах [Dex, 1991: 1–2]. Особенность социологического подхода — исследование прежде всего обобщаемых элементов индивидуальных историй жизни, чтобы дать доступ к реальности социальных страт, классов, культур и т.д. [Kohli, 2005].

Метод сбора историй жизни с точки зрения исследования карьер, а также их интерпретация — методологическая проблема, требующая отдельного рассмотрения. Основные подходы метода биографическо-нарративных полуструктурированных интервью [Wengraf, 2001] в нашем исследовании дополнялись фокусом на «системе релевантности» респондентов по отношению к изложению своего профессионального пути и вопросами, уточняющими их оценку описываемых проблемных ситуаций, возможных перспектив.

Остановимся на некоторых наиболее важных обобщениях этого исследования в связи со сформулированными выше вопросами.

Как понимается модель успешной научной карьеры?

Современная карьера в науке в общем виде представляется как линейное продвижение в траектории «студент–аспирант–постдок–руководитель лаборатории–профессор», в которых поворотные пункты, обозначающие переход к различным ее этапам карьеры, связаны с окончанием аспирантуры, началом деятельности в качестве завлаба или профессора [Попова, 2017: 152]. Эта цепочка, переходы в ней в оценках ученых наполняются смыслами, относящимися прежде всего к содержанию научной деятельности. Карьеры представляются способами профессионального утверждения, а придаваемые

им содержательные смыслы связаны с типом профессионального продвижения.

Важно, как ученые различают смыслы основных типов карьеры по критерию содержания научной деятельности. С этой точки зрения карьеры могут быть формальными и наполненными реальным смыслом профессиональной деятельности. «... *есть, во-первых, формальная карьера, все-таки можно в конечном итоге попасть на какую-то академическую позицию, там, где ты можешь постоянно работать. Это формальная часть. А, с другой стороны, есть сколько угодно людей, кто эту формальную карьеру сделал, но ничего не сделал в науке. И есть люди, кто сделал какие-то выдающиеся работы, но не сделал формальной карьеры. Такие тоже бывают. То есть это такой тонкий вопрос*» (физик, 60 лет).

Карьера в сфере науки чаще всего понимается как содержательная научная деятельность, и в этом смысле продвижение в ней видится в наращивании авторитета в профессиональном сообществе (в противовес вертикальной иерархии статусов). «*Карьера в науке — это, наверное, стать признанным в научном плане все-таки. А не в каком-то административном. <...> тут у нас [в институте] даже нет проблем стать завлабом или завотделом, если хватает опыта и всяких там регалий, но это, по-моему, настолько сильно бумажно загруженная должность, <...> что я туда лезть не хочу*». Вертикальный иерархический рост представляется чуждым для научной деятельности занятием: «*Это уже не занятие наукой, это пробивание интересов лаборатории, поиск пути... ты отвечаешь за коллектив, надо понимать, куда вести, надо отстаивать интересы в дирекции*». Смыслы карьеры заключаются в профессиональном развитии, и показателями этого продвижения являются в большей степени знаки признания коллег. «*Мне хочется стать хорошим специалистом в своей области. — Что для вас будет маркером того, что вы стали хорошим специалистом? — То, что меня будут звать в разные проекты, то, что у меня будет много цитируемых статей, на уровне коллег зарубежных, которые занимаются схожей темой. В общем-то тут особых барьеров тоже нету, просто вопрос времени, вопрос практики*» (физик, 29 лет).

Но карьера — это также создание ресурсов продвижения научных проектов, которое требует определенных формально признанных инструментов: «*...профессиональная, ... в идеальном смысле, карьера — это когда у тебя есть свои проекты, когда ты можешь выбирать, чем тебе заниматься, ты знаешь откуда взять деньги так или иначе. И ты, если ты берешь кого-то работать с тобой, потому что у тебя сложная работа, ты отвечаешь за то, что человеку было, было что, было чем заняться и что показать*» (биолог, 41 год)

Если же говорить об ощущении успешности, то оно связано не только с личным успехом, но и с состоянием отечественной науки в целом, что также показали наши исследования [Попова, 2017б]. Во вполне успешно сложившихся карьерах за рубежом восприятие успеха также индивидуально; смысл успеха в новой карьере связывается, например, с пониманием недоиспользования своего потенциала, что выражается в неудовлетворенности нынешним статусом («*... Статусом английского подданного я доволен, а статусом на работе — в общем, наверное, не очень. ... говори я на родном языке, я бы сильно на большее был бы способен*», инженер, 42 года).

Как оцениваются способы поощрения достижительности в карьере?

Этот вопрос важен не только с точки зрения индивидуальных смыслов и предпочтений. По сути, это вопрос об эффективности регулирования карьеры, и центральным здесь становится проблема экспертизы в науке, понимаемой как правильно организованные фильтры и каналы мобильности на различных уровнях. Так, по мнению В. П. Ананикова, чл.-корр. РАН, руководителя отдела Института органической химии, важным звеном в экспертной структуре науки являются научные журналы: отсутствие высокорейтинговых журналов по отраслям фундаментальной науки означает отсутствие возможности получить высокие показатели научной деятельности в глобальном масштабе с их помощью. Авторитетными научными журналами могут стать, «если будет хорошая экспертиза, если в них будут публиковаться хорошие статьи. Пока в них не будет хороших статей — мечтать о том, что они займут какие-то места в рейтингах, совершенно бесполезно» [Попова, 2017а: 152].

Другая проблема, которая часто обсуждается — экспертиза публикационной активности и ее влияние на факторы профессионального признания и продвижения, в том числе конкурсных оценок при получении грантов. В интервью зачастую придается негативный смысл наукометрическим показателям эффективности научной работы, ориентированности только на цифры в ее оценке. «*С учетом существующей системы оценивания это, скорее провоцирует, потому что ну... не всякая наука эффективна так, как хотелось бы нашему ФАНО. Есть области, где приходится много пробовать, и не будет там такой кучи статей, как им бы хотелось*» (биолог, 30 лет). Возникает проблема определенной фальсификации, или имитации научной деятельности, в противовес необходимости получения глубоких, содержательных новых результатов: «*А есть работы — копаешься-копаешься, новое что-то, и надо это перепроверить несколько раз, причем несколькими*

методами, а этого [экспериментальных возможностей] просто нету» (химик, 36 лет). Проблема рейтинга ученых на наукометрических основаниях признается одной из основных: известные недостатки при этом — неполнота данных, сложности сбора и агрегации, различного рода «накрутки» цитирований, в научном сообществе обсуждаются вопросы объединения наукометрического и экспертного подходов [Попова, 2017б: 153]. Анализ интервью позволяет видеть контекстуальные особенности регуляторов профессионального продвижения (получение научных степеней, званий, наград; грантовая поддержка проектов, процедуры в отношении нарушения норм профессионального поведения).

Как оцениваются основные ограничения, связанные с влиянием институциональных, структурных факторов на профессиональное продвижение? Вопрос о барьерах в научной карьере, их оценке и отношении к ним многоплановый: он относится к различным сторонам и уровням организации науки. Здесь мы остановимся на одном из ключевых, связанных с научной карьерой, который касается регуляторов закрепления и воспроизводства научных кадров. Это вопрос механизмов преемственности в условиях последствий провала в науке 1990-х гг. Проблема не нова, данные нашего лонгитюдного исследования показывают, как она зрела и развивалась на протяжении всех этих лет. Сегодня она также осознается молодыми сотрудниками лабораторий как актуальная, влияющая на собственное профессиональное продвижение: «...у нас как везде, мне кажется, в науке, проблема этого потерянного поколения девяностых — двухтысячных. То есть у нас есть люди, которым 70 и больше, и есть люди, которым 30, несколько человек, которым по 60. А вот 40–50 — практически никого нет... Мне кажется, это вообще общая проблема». Механическое решение вопросов преемственности в науке представляется неэффективным: чтобы продолжить деятельность лаборатории, требуется продолжительная подготовка соответствующего «научного уровня и какой-то внутренней готовности вести людей». Опыт предшественников остается важным ресурсом в сглаживании этого барьера: «Ну, молодежь как бы пытается научиться, успеть, у старших поколений. Но на самом деле очень много что потеряно. ... люди уходят, люди умирают... у нас есть ситуации, когда остался прибор — никто не знает как его делали, чертежи потеряны, никто уже не понимает, студентов не было в тот момент, и никому это все не передалось...».

Проблема воспроизводства в науке сегодня ставится как задача формирования непосредственной связи поколений, выращивания карьер «юных талантов» в «живой» коммуникации с нынешними моло-

дыми учеными. Это может хотя бы частично решить проблему «обескровленности» науки вследствие того, что «девяностые вымели некий слой следовавшего перед нами поколения», и сейчас компании НТИ вынуждены опираться не на полнокровные ряды научных работников, а на тех немногих, кто остался в науке и образовании (Д.И. Земцов, проректор Московского политехнического университета, см.: [Попова, 2017: 154]).

Другой комплекс оценок барьеров связан с организацией работы ученых, их профессиональной автономии, зависимости от условий контрактов, работы в проектах, которые формировали порой критические поворотные пункты в их научных карьерах, после которых они уже теряли значимость для полноценного развития и даже продолжения.

Исследование смыслов, которые вкладывают люди, занятые в сфере науки и технологий, в построение карьеры как своей научной биографии, позволяет видеть возможности развития этой сферы. Важно видеть в них не только частные субъективные мнения, но и основания для обнаружения разрывов между формальными, схематичными показателями профессионального продвижения и реальными, наполненными смыслом, переживаемыми как выражение сущности полноценной профессиональной деятельности и жизни, задающими горизонты этого продвижения — это дает возможность не только вовремя замечать эти разрывы, но и понимать степень их глубины, пригодность способов для их преодоления, стимулирования эффективной научной деятельности.

Список литературы

- Клементьева М.В. Биографическая рефлексия как ресурс личностного развития человека. Тула: Изд-во ТулГУ, 2016.
- Логинова Н.А. Биографический метод в свете идей Б.Г. Ананьева // Вопросы психологии. 1986. № 5. С. 104–112.
- Попова И.П. Реформирование науки и молодые лидеры: возможен ли институциональный сдвиг? // Социологические исследования. 2017а. № 6. С. 150–155.
- Попова И.П. Научная и инженерная карьера: к проблеме условий формирования // Профессиональная культура российской интеллигенции / Под общ. ред. Ж.Т. Тощенко. М.: РГГУ, 2017б. С. 109–116.
- Попова И.П. Этапы профессиональной карьеры и биографии ученых: перспективы исследования // (Авто)биография как объект социологического анализа. Материалы X чтений памяти В.Б. Голофаства. 2018. С. 171–180.
- Рождественская Е. Биографический метод в социологии. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2012.

Рыбников Н.А. Биографии и их изучение. М.: Б.и., 1920.

Adapting to Russia's New Labour Market. Gender and employment behaviour / Ed. by S. Ashwin L.N.Y.: Routledge, 2006.

Bujold C. Biographical-hermeneutical approaches to the study of career development // Methodological Approaches to the Study of Career / Ed. R.A. Young, W.A. Borgen. New York: Praeger. P. 57–69.

Dex Sh. (ed) Life and work history analyses: qualitative and quantitative developments. London and New York, 1991.

Humphrey R. Life stories and social careers: ageing and social life in an Ex-Mining Town // Sage biographical research / Ed. by J. Goodwin. 2012. Vol 2. P. 193–205.

Kohli M. Biography: Account, Text, Method // Biographical Research Methods / Ed by R. Miller. London: SAGE, 2005. V. IV. P. 59–72.

Wengraf T., Chamberlayne P., Bornat J. A biographical turn in the social sciences? A British-European view // Sage biographical research / Ed. by J. Goodwin. 2012. Vol. 1. P. 77–100.

Wengraf T. Qualitative Research Interviewing: Biographic Narratives and Semi-structured Methods. Sage: London, 2001.

Профессионализм и профессиональная культура вузовской интеллигенции в условиях образовательных реформ¹

В рамках настоящей статьи речь пойдет о проблемах, с которыми сталкиваются преподаватели российских вузов в ходе образовательных реформ. Автор полагает, что в некотором пояснении нуждаются как минимум два понятия, которые присутствуют в названии: «интеллигенция» и «профессиональная культура».

Вопрос о том, что такое *интеллигенция*, представляется автору данной статьи риторическим. Интуитивно ясное, но не поддающееся попыткам вербального определения, содержание этого слова отражает, скорее всего, оценку (чаще всего позитивную) по отношению к комплексу личностных человеческих качеств, присущих представителям некоторой группы, воспроизводящейся и существующей только в российском обществе.

Впрочем, в эмпирических исследованиях для выделения из общего массива социальной группы, обозначаемой как «интеллигенция», социологами чаще используются такие формальные признаки как образование (высшее), род деятельности (интеллектуальный и творческий труд) и доход. Фактически, используется прием Бурдые для построения, по его выражению, «классов на бумаге», когда, исходя из знания общего пространства позиций (в данном случае это образование, род деятельности и величина дохода), можно вычленишь классы в логическом смысле этого слова.

Но в данном случае важным представляется другое — как любой элемент социальной системы, группа, обозначаемая как «интеллигенция», выполняет свою функцию в социальном воспроизводстве, выступая как основной агент формирования духовной сферы обще-

1. Переработанная и дополненная статья Гришиной Е.А. Профессионализм и профессиональная культура вузовской интеллигенции в условиях образовательных реформ // Профессиональная культура российской интеллигенции / РГГУ, Социолог. фак-т, Центр социолог. исследований. Под общей ред. Ж.Т. Тощенко. Редактор-составитель Д.Г. Цыбикова; М.: РГГУ, 2017. С. 262-267.

ственной жизни, продуцируя и утверждая базовые ценности и нормы. Преподаватели вузов, безусловно, выступают в этом качестве.

Термин «*профессиональная культура*» имеет множество различных интерпретаций. Профессиональная культура как социологическое понятие подробно рассматривается и анализируется в отечественной литературе [Романов, Ярская-Смирнова, 2005; Романов, Ярская-Смирнова, 2008; Щепанская, 2003], так и зарубежной [Парсонс 1980; Парсонс 1998]; [Веблен, 1984:337] и др. В определении понятия «профессиональная культура» доминантами могут выступать как профессиональные знания и квалификация, так и нравственно-этические основы. В рамках этой статьи не ставилась задача разбираться в нюансах и тонкостях этого понятия, но в нашем случае наиболее адекватным определением профессиональной культуры может быть такое, где в качестве составляющих присутствуют все эти элементы.

Преподаватель вуза — это педагог, хотя с некоторых пор в обиход вошло выражение «образовательные услуги», что, как бы, не предполагает собственно воспитательного аспекта преподавания. Но в реальности избежать этого невозможно. В основе деятельности преподавателя лежат, в первую очередь, знания и ценности, которые транслируются студентам в виде образцов и норм. Преподаватель вуза осуществляет функцию воспитания даже своим внешним видом, манерами, лексикой, авторской «подачей» учебного материала. Но главное — это обучение, подготовка будущего специалиста. Для этого необходимо многое, в том числе возможность постоянно работать над собственным образованием.

Очевидно, что в условиях нарастающих информационных потоков преподаватель должен постоянно наращивать корпус своих знаний и осваивать новые технологии работы с информационными ресурсами. Кроме того, необходимо развиваться в научном плане. Насколько это возможно в тех условиях, которые созданы для профессорско-преподавательского корпуса? Реформа образования создала серьезные проблемы для преподавателей высшей школы. В свое время (2012-2018 гг.) в ходе «оптимизации» образовательной сферы в вузах предполагалось сократить до 40% преподавателей. К счастью, полностью реализовать эту странную идею не удалось. Но в эти годы была существенно изменена нормативная нагрузка: увеличено количество часов на одну ставку, и до сих пор практически отсутствует дифференциация нагрузки между профессором и ассистентом.

После того, как нагрузка на преподавателей была увеличена, большинству многим из них приходилось тратить намного больше времени на подготовку к занятиям, проверку контрольных работ и домашних заданий студентов, каждый второй был вынужден тратить на эту ра-

боту время в свои выходные дни, работать поздно вечером и ночью. Это плохо сказывалось на настроении преподавателей, их физическом самочувствии. По мнению аудитории опроса, начинало проявляться формальное отношение к работе, ослабевало эмоциональное и творческое начало, а это *значимый элемент профессиональной культуры* преподавателя вуза.² Еще один существенный момент. В силу того, что количество часов на одну ставку выросло, количество ставок сократилось. Штат вузов, рассчитанный на прежний размер ставок, сократился. Многие преподаватели вынужденно оказывались «полставочниками» или были выведены штат. Около половины опрошенных преподавателей отмечали, что испытывают постоянный стресс из-за происходящего в их вузе — угроза потери работы, вынужденная необходимость поиска дополнительной работы, напряженная обстановка в коллективе. Так больше половины аудитории опроса отмечают, что на фоне возросшей конкуренции между преподавателями за рабочее место заметно снизился уровень взаимопомощи и поддержки между членами преподавательского коллектива, отношения стали более отчужденными и дистанцированными.

Страдает научная работа преподавателей. Подготовка статей в научные журналы и сборники, участие в конференциях, проведение научных исследований оказываются затруднительными, поскольку на это элементарно не хватает времени. Так считают 48% опрошенных преподавателей. Кроме того, научные командировки (для участия в конференциях в стране и за рубежом) имеют крайне мало шансов на финансирование вузом, а зарплата преподавателей не позволяет путешествовать за свой счет. Это разрывает связи с профессиональным сообществом, лишает возможности участия в широких научных дискуссиях мешает, быть «в курсе» новых идей и представить свои работы и достижения.

Возможности научной работы преподавателей вузов заслуживают отдельного внимания. С одной стороны, повышены требования к таким показателям, как количество публикаций, индексы цитирования и т.п. С другой стороны — эти параметры учитываются чисто механически. Многие из опрошенных преподавателей небезосновательно утверждают, что «наукометрия», которая становится основным способом

2. Автором настоящей статьи еще в марте 2016 г. был проведен анкетный опрос преподавателей московских гуманитарных вузов (N 137) с целью изучения современных проблем труда преподавателей и 10 глубинных интервью с профессорами технических вузов Москвы. Исследование носило пилотажный характер, данные не претендуют на репрезентативность, но явно указывают на наличие проблемы. К сожалению, с тех пор ситуация только усложнилась. В сообществе преподавателей вузов циркулирует информация о новых сокращениях в связи с переходом на различные формы онлайн-обучения

оценки их труда, измеряет пустоту. Например, высказывается мнение о том, что коэффициенты цитирования могут быть крайне высокими в том случае, если цитируемая публикация содержит курьезную или откровенно неверную информацию — подобные вещи редко остаются без внимания:

«...Напиши дурь какую-нибудь, и получишь массу цитирований, Хири ого-го как вырастет...»³

Поскольку тема данного опроса близка и остра для преподавательской аудитории, некоторые респонденты, отвечая на «открытые» вопросы анкеты, делились своим опытом преодоления «научометрических барьеров»:

«...Договорились цитировать друг друга...»

«...Отчитались за сборник как за коллективную монографию...»

«...Посылаю тезисы, а сам никуда не еду...»

В настоящее время этот вопрос не утратил своей актуальности. Автором настоящей статьи неоднократно высказывалось мнение по поводу ошибочности и непродуктивности попыток резко переместить «фокус» отечественной науки с академической на вузовскую и университетскую науку [Гришина, 2008, 2016]. Но Министерство науки и высшего образования Российской Федерации настоятельно рекомендует при определении рейтинга вуза учитывать публикационную активность преподавателей, индексы цитируемости, в том числе индекс Хирша и другие наукометрические показатели. Публикации индексируются и оцениваются в индексах научного цитирования: международные базы Web of Science, Scopus и национальный индекс РИНЦ (Российский индекс научного цитирования). С этим напрямую связывается финансирование вуза и, соответственно, заработная плата преподавателей. А это весьма болезненный вопрос.

Безусловно, преподаватель вуза может и должен в той или иной мере, включаться в научно-исследовательскую работу, быть в курсе последних научных достижений в своей области, в противном случае он деградирует как профессионал. И преподаватели с этим согласны, но...

«Публикации — да, нужны, но на качество мало обращают внимание, больше на место публикации, ... Импакт фактор и т.д. Мы стали больше тратить времени на это, нормальную статью трудно написать. Это время нужно и хотя бы какие-то мысли оригинальные свои. А переписывать одно и тоже скучно, но, если честно, приходится иногда — стилистику изменить, что-то добавить — вот и готово. Теперь

3. Интервью 6, архив автора (2016г.)

при аттестации будут Хири учитывать. Ничего, что-нибудь придумаем...» — женщина 48 лет, преподаватель вуза, к.ф.-м.н., профессор⁴

Преподаватели вузов, сегодня являют собой ярчайший пример наиболее уязвимой части отечественной интеллигенции. Усложнение отчетности, постоянно меняющиеся требования к методическим материалам (РПД, индивидуальные планы и пр.) происходит постоянно. Работа современного преподавателя сопряжена с перманентным самообучением, приходится перерабатывать колоссальные объемы информации, чтобы быть осведомленным о тех новациях, которые постоянно возникают в поле преподаваемой дисциплины и иметь возможность дать им соответствующую оценку. А это значит — читать научную литературу, просматривать соответствующие информационные ресурсы Интернет, вести онлайн-переписку с коллегами и студентами. А еще постоянные консультации по поводу курсовых и дипломных работ⁵, индивидуальные консультации, переэкзаменовки и многое другое. А тут еще эффективный контракт, который выдвигает требования, которые далеко не всегда приводят к позитивным результатам.

«Сегодня полночи не спал, писал очередную статью. А что делать — эффективный контракт — лопни, но держи фасон. Ну и что мы пишем? Это науке мало что дает, я ведь почитываю, что сейчас публикуют по социологии — много чепухи. И это мягко сказано. Вообще — платные публикации — возьмут, что угодно, лишь бы заплатили. А зарубежные публикации — это совсем малооправдано, вообще нас никто не читает...Эти вузовские сборники, коллективные монографии, друг друга цитируем... Зачем? Макулатура! Бумаги жалко!» — Мужчина 51 год, преподаватель вуза, к.соц.н., доцент⁶. И это высказывание справедливо для любого другого научного направления.

Повышение требований к публикационной активности («Publish or perish») спровоцировало формирование специфического сегмента рынка «публикационных услуг», который довольно давно и совершенно открыто функционирует в Интернете, наряду с сегментом по подготовке курсовых, дипломов и диссертационных работ. Похоже, что в этом «бизнесе» задействованы одни и те же люди. В рамках данной статьи не представляется возможным подробно анализировать эту сторону проблемы, но очевидно, что стабильное существование обширного рынка подобных услуг поддерживается спросом, а также

4. Интервью 1, архив автора (2019г.)

5. На эти консультации уходит гораздо больше времени, чем запланировано в учебных планах, но это время никак не учитывается официально. И переэкзаменовки тоже не входят в учебный план и не учитываются.

6. Интервью 7., Архив автора (2019 г.)

весьма грамотными и профессиональными маркетинговыми приемами продвижения этого «интеллектуального товара»

Новые проблемы добавляются по результатам пандемии коронавируса. Теперь это пресловутая цифровизация «всего и вся». Недооценивать необходимость дальнейшего развития информационных технологий и компьютеризации учебного процесса было бы неверно, но опыт онлайн-обучения показал, что это далеко не всегда приводит к повышению качества образования. Опросы ВЦИОМ, проведенные в мае 2020 г.⁷ показали, что только половина аудитории (53%) хорошо оценивает качество онлайн-обучения, остальные дают средние (32 % респондентов) и плохие оценки (12% респондентов). При этом аудитория опроса отмечает, что нагрузка на студентов и преподавателей существенно выросла, студенты тратят больше времени на выполнение домашних заданий, преподаватели — на консультативное онлайн-общение со студентами.

Кроме того, опросы студентов и преподавателей указали на проблему «цифрового неравенства». Это касается и технических возможностей вузов, (оборудование, возможность доступа к необходимому программному обеспечению, наличие соответствующих «айти»-специалистов) и подготовленности к онлайн-работе студенческой аудитории и профессорско-преподавательского состава. Причем речь идет не только об умениях и навыках, необходимых для проведения занятий, но о психологической готовности к такой работе, внутренней дисциплине и самоорганизации.

В таких условиях пытаться внедрить, проще говоря, навязать вузам серьезные научные исследования практически невозможно в силу множества причин, первая из которых высокая загруженность преподавателей. О каком качестве образования может идти речь? Как бы не пришлось сокращать учебные программы. Кроме того, вузы (за редким исключением) не обладают достаточной материально-технической базой. А главное, в вузах в подавляющем большинстве нет, и в таких условиях не предвидится, научных школ (особенно в регионах), ведь в России академическая наука традиционно развивалась гораздо активнее, чем вузовская и наскоком «переместить» науку в вузы вряд ли возможно в короткие сроки. Поэтому результат вторжения в жизненное пространство образования и науки «эффективных управленцев» с их «оптимизацией» трудно предугадать. Пока ситуация не внушает оптимизма.

7. ВЦИОМ: нагрузка на дистанционном обучении выросла [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/obschestvo/8574335> (дата обращения 10.09.2020)

Итак, приходится констатировать, что все составляющие профессиональной культуры преподавателей российских вузов (эмоционально-творческая, этическая, интеллектуальная, воспитательная и т.п.) существенно страдают и искажаются под воздействием происходящей «оптимизации», что, безусловно, отрицательно сказывается на качестве образования студентов.

Современное общество строится на основе развития культуры и науки. Труд вузовской интеллигенции важен и социально значим. От результатов этого труда зависит не только квалификация будущих специалистов, что само по себе чрезвычайно важно, но и «качество личности» выпускника, ценностно-смысловое ядро этой личности. Какие ценности и смыслы будут воспроизводить молодые поколения?

Опыт большинства преподавателей показывает, что студенты-первокурсники становятся с каждым годом все более невежественными практически во всех областях знания, которые они должны усваивать в средней школе. Характерно, что предметы гуманитарного цикла, призванные формировать мировоззрение молодого человека, делать для него окружающий мир прозрачным, совершенно не выполняют своей функции. Осведомленность молодых людей в области истории, географии, зарубежной и отечественной литературы остается крайне низкой. Знания по физике, математике, химии, биологии, не говоря уж о таких предметах, как астрономия (она исключена из обязательного цикла предметов!). А ведь это касается элитарной группы, тех молодых людей, которые успешно сдали ЕГЭ и поступили в вуз. Что же говорить об остальных...

Особенное беспокойство вызывает функциональная безграмотность. Если у студента нет возможности воспользоваться компьютером, где есть программа «правописание», количество допущенных в тексте грамматических ошибок удручающе велико. Устная речь также оставляет желать лучшего. Она засорена словами-паразитами и сленгом. Но главное — далеко не каждый молодой человек в состоянии четко сформулировать мысль, выстроить логичное высказывание. Вывод очевиден — школьное образование оставляет желать лучшего. Если сравнить объем знаний выпускников 80-годов XX века и тех, кто закончил школу в 2000-х годах, то сравнение окажется далеко не в пользу последних.

Преподаватели вузов, получив этот «материал», вынуждены преодолевать эти пробелы в знаниях студентов, «дообразовывать» их в ходе обучения в бакалавриате. Но эти усилия не всегда увенчиваются успехом, в том числе и по выше названным причинам.

В последнее время все более явственно видно, что происходят изменения в ценностных основаниях российской культуры, а значит есть

причины говорить о проблемах, связанных с выполнением в социальной системе функции поддержания и воспроизводства культурного образа. Именно эта функция предполагает возможность и способность сохранять устойчивость на базе разделяемых обществом легитимных норм и ценностей, принимаемых большинством, лишь на этой основе возможно осуществлять полноценное включение в систему новых поколений. В противном случае вполне вероятно дезинтеграция данной социокультурной системы в «перманентно эклектичную культурную «свалку» [Сорокин, 1993].

Список литературы

- Гришина Е.А. Научная интеллигенция: противоречия социальной идентификации, Социс, 2008, № 3. С. 60-70.
- Гришина Е.А. Интеллигенция в профессиональном поле: долг или выживание? // Жизненный мир научно-технической и социально-гуманитарной интеллигенции. М., 2016. С.308-316.
- Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.
- Парсонс Т. Научная дисциплина и дифференциация науки / Т. Парсонс, Н. Сторер // Научная деятельность: структура и институты: сб. переводов с англ. и нем. яз. М.: Прогресс, 1980. С. 27-55.
- Парсонс Т. Система современных обществ, М.: АспектПресс, 1998.
- Романов П., Ярская-Смирнова Е. Антропологические исследования профессий / Антропология профессий: Сб. науч. трудов. Саратов: ЦСПГИ, «Научная книга», 2005. С. 13-50.
- Романов П., Ярская-Смирнова Е. Мир профессий как поле антропологических исследований // Этнографическое обозрение, 2008, № 5. С. 3-17.
- Сорокин П. Главные тенденции нашего времени: пер. с англ. / Перевод и предисловие Т.С. Васильевой / М.: Институт социологии РАН, 1993. С. 73.

Смыслы деятельности преподавателей вузов: состояние и перспективы¹

В рамках данного текста ставится задача анализа социальной жизни вузовской интеллигенции в период реформы высшего образования, опасности деформации роли преподавателя и обучаемого в рамках англо-саксонской модели и потенциала сетевого взаимодействия преподавателей для повышения социального капитала.

Для более полного понимания роли и функций преподавателя высшей школы необходимо представить тренды развития современного образования, которая во многих европейских странах, в том числе и России, находится в стадии перехода на англо-саксонскую (неолиберальную) модель. Становлению новой парадигмы высшей школы — парадигмы «образовательных услуг» способствовали два фактора: интеграция науки и бизнеса и широкое понимание эффективности образования, создавшее массовый спрос на него. Этот процесс связан, с одной стороны, с трансляцией управленческой культуры бизнеса в сферу образования, и, с другой стороны, с утверждением принципов неолиберализма в государственной политике, ведущим к сокращению государственного финансирования образования и замене его рыночным финансированием. Возникла идея «университета-корпорации», что означало постепенное превращение высшего образования из святилища фундаментальных научных ценностей в рыночное предприятие [Хагуров 2011: 32–40].

Гумбольдтовская модель ранее была в основе большинства современных университетов Европы и России и зарекомендовала себя в течение двух столетий как весьма эффективная система генерирования и трансляции знаний. Но в данный момент эта модель переживает глубокий кризис. Это выражается в ряде факторов, таких как разделение университетов на элитарные и массовые, отсутствие единой идео-

1. Переработанная и дополненная статья Лучихиной Л.Ф., Михайловой О.Р. Смыслы деятельности вузовской интеллигенции в эпоху перемен // Смыслы жизни российской интеллигенции / РГГУ, Социолог. фак-т, Центр социолог. исследований. Под общей ред. Ж.Т. Тощенко. Редактор-составитель Д.Г. Цыбикова; М.: РГГУ, 2018. С. 156-163.

логической и ценностной платформы университетского образования и все возрастающая зависимость университетов от правительственных структур.

В чем же коренные различия этих моделей? В основу гумбольдтовской модели классического университета положена концепция дидактического энциклопедизма, критериями оценки эффективности образовательной деятельности обучаемых являются: объем, системность усвоенных знаний, способность к анализу, качество гуманитарной подготовки специалистов, стратегия изложения учебного материала строится на основе принципа дедукции. Данный подход лег в основу германо-российской системы образования, а также некоторых стран Восточной Европы. В оппозиции к нему находится концепция дидактического утилитаризма — основа англо-саксонской системы образования, для которой характерны реализация деятельностного подхода и акцент на развитии личности в процессе приобретения эмпирического опыта.

В Германии, занимающей в Европе ведущие позиции в сфере образования, продолжаются широкие дискуссии о необходимости и возможности реформирования гумбольдтовской модели университета. Наиболее резкое противостояние касается ключевого вопроса о том, что должно собой представлять образование: *социально-значимое благо, гарантируемое государством, или современную высококачественную услугу, предоставляемую обществу и отдельным людям на конкурентной основе* [Webler 2013: 64–73].

Какова роль преподавателя высшей школы, классического представителя интеллигенции прошлого в современном глобальном мире? Профессиональная деятельность и повседневные практики преподавателей вузов и студентов, связанные, прежде всего, с изменением бюджета времени, напрямую зависят от глобальных трендов в сфере образования и науки и от проводимой государством политики в этой области.

Первая группа эффектов на пути перехода к англосаксонской модели, которую можно увидеть в жизни профессионала, представляет собой результат менеджериального поворота, который начался в Америке в 1990-х гг. Это выражается в несовпадении общей ориентации — ведь в основе власти академического работника как профессионала лежит знание, а у менеджера — это эффективность [Абрамов, 2003: 233]. Менеджериальный поворот характеризуется увеличением административной нагрузки и деформацией преподавательской и исследовательской нагрузок в бюджете времени академического работника. В зависимости от сферы деятельности академического профессионала

возникает либо полная невозможность успешного совмещения трёх видов нагрузок, накладываемых на работника, либо частичная, вызывающая ролевое напряжение [Абрамов, 2017:90–91]. Изменение нагрузки сопровождается изменением ценности профессионализма и контролем за деятельностью преподавателя. Отчетность как элемент перформативности, будучи призванной повысить эффективность профессионалов, приводит к установлению изматывающего режима труда. Студенты-потребители услуг оценивают работу преподавателя, помогая государству поддерживать культуру консьюмеризма знаний. Теряется доверие к профессионалу, преподаватель рассматривается как потенциально проблемный и нуждающийся в регуляции и контроле. К тому же студенты как «правильные» покупатели, «которые всегда правы», начинают использовать оправдательную логику, не причисляя себя к числу виноватых, атрибутируя вину за свои образовательные неудачи институту образования, образовательному учреждению и / или преподавателю. Так происходит инструментализация подхода к образованию [Mavor et al., 2017: 258–259].

В российском образовании ответ на вызов менеджериализма пока не сформирован. Среди продуктивных механизмов американской системы фигурирует обратная связь между учителем и учеником. Однако исследования показывают, что студенты, обладающие консьюмеристской мотивацией, учатся хуже, чем их сверстники, имеющие иную мотивацию. Это объясняется тем, что студенты-потребители придают меньшую значимость самому процессу образования [Tomlinson, 2017: 12–13].

Вторым последствием процесса перехода на неолиберальную модель образования называют пролетаризацию, выражающуюся в отчуждении работников от результатов труда. Процесс пролетаризации академических профессионалов проиллюстрирован большим количеством кейсов [McCarthy et al., 2017]. Академический профессионал, не имеющий доступа к способам сопротивления из-за постоянного контроля, начинает играть роль неолиберального субъекта и подавляет свои профессиональные нормы, следуя менеджериальным приказам [Macfarlane, 2011].

В настоящее время проблема только усугубляется. В критических американских и европейских публикациях, посвященных высшей школе, все чаще упоминается опасность превращения преподавателей вузов, молодых ученых в т.н. прекариат. Прекариат — принципиально новое образование, означающее наличие социального слоя, который олицетворяет отчуждение не только от результатов труда, но и от всего общества значительных социальных групп, испытывающих особо изощренные формы эксплуатации их труда, их знаний, их квалификации,

и, в конечном счете, качества жизни. В эту группу входят специалисты, с которыми заключают краткосрочные договора, что практикуется все чаще. Это коснулось многих преподавателей и научных сотрудников в процессе реформы высшего образования, которые вынуждены для сохранения своего рабочего места подвергать себя эксплуатации и самоэксплуатации [Тощенко, 2015: 3–13].

Третий крупный процесс, действующий на бытовом уровне — это академическая перформативность (использование числовых показателей для подсчёта результатов образовательной деятельности) [Ball, 2012]. Академическая перформативность заставляет профессионалов печататься и работать только над теми темами, которые хорошо продаются, что ведёт к ложному научному прогрессу [McCarthy et al., 2017]. Кроме того, перформативность образования выражается и в студенческом восприятии образования как игры, когда возникает культ оценки. Оценка становится показателем статуса среди студентов. Преподаватели стремятся ставить средние оценки и избегают низких, в том числе потому, что процент студентов с высокими оценками влияет на рейтинг университета [Tomlinson, 2017: 10].

Четвёртый крупный эффект — дигитализация, которая тесно связана с менеджериальным поворотом и осуществляет влияние на следующие компоненты трудового процесса: на саму работу, на объекты работы и на субъекты работы. Сама работа ускоряется и находится под менеджериальным контролем, появляются новые формы коммуникации, требуются новые навыки для участия в структурной организации университета как онлайн платформы. Преподаватель вынужден находиться в постоянной доступности, публикация лекционных материалов в Интернете снижает посещаемость лекций, требуется ведение социальных медиа и формирование онлайн репутации среди коллег и учеников [Woodcock, 2018: 137].

Необходимо отметить еще одну важную *тенденцию* — *массовизацию*. Широкое распространение высшего образования, увеличивая количество людей с дипломом, не реализуются соответствующим вкладом в научную деятельность. Предполагается, что причиной тому является поляризация частного и государственного высшего образования [Fernandez et al., 2017]. Кроме того, массовизация, увеличивая дисперсию в университете, повышает конкуренцию за места на рынке труда, так как с увеличением предложения профессионалов понижается их заработная плата [Budd, 2017: 113–114].

В процессе реформ происходит взаимопроникновение идей, концепций и подходов: для англо-саксонской модели становится важным не только формирование опыта, но и определенных знаний индивида,

в том числе в области гуманитарной подготовки. Для германо-русской модели в последние десятилетия характерным является отход от принципа фундаментальности образования и усиление внимания к технологии построения образовательного процесса. Все это дает надежду, что университет не потеряет своего значения «храма науки и кузницы кадров», а вместе с этим и роль преподавателя высшей школы, представителя интеллигенции в истинном значении этого слова приобретет новое содержание.

Для наполнения деятельности преподавателя новыми смыслами необходимо его активное участие в научной жизни всего международного научного сообщества, использование потенциала межкультурных сетей, международных связей на личном и институциональном уровне. Сейчас владение английским языком — необходимое условие участия в международных научных исследованиях, в ходе которых и происходит большинство событий, отражающих развитие мировой науки [Марджинсон, 2014: 32]

Включенность вузовской интеллигенции в сети мирового научно-исследовательского сообщества позволяет реализовать преимущества сети и достичь синергетического эффекта в следующих направлениях: *принцип взаимного дополнения* (использование конкурентного преимущества каждого участника межкультурной сети всеми другими участниками); *высокая эффективность в организации* и проведении научно-исследовательских работ, международных проектов в результате перераспределения функций и обязанностей участников сети; *широкие возможности повышения академической мобильности* (межкультурные сети способствуют повышению известности ученого, стимулируют мотивацию к самосовершенствованию, повышают ответственность за качество работы); *информационный обмен*, передача знаний и опыта приводят к взаимному ресурсному, кадровому и методическому совершенствованию, формированию мобильных сетевых структур; *новые возможности для открытого доступа к новым ресурсам* (идеям, информации, знаниям, программам, методикам и технологиям обучения), при этом неформальные сети облегчают поиск и получение конфиденциальной информации; повышение статуса участников сети (взаимодействие в межкультурной сетях, включающих ведущих исследователей, служит своеобразным маркером уровня научных достижений каждого участника сети); *расширение профессиональных и, прежде всего, межкультурных коммуникативных компетенций участников сети*; *возможность донесения позитивного образа своей страны и культуры до сетевых партнеров*; *расширение собственного социального опыта*, получение новых ярких эмоций и стимула для

творческой интеллектуальной деятельности [Инновационный вуз: сетевая перспектива в партнерских сообществах ..., 2018: 45-46].

Существует целый ряд причин, как объективных, так и субъективных, которыми обусловлены трудности в развитии сетевого взаимодействия на международном уровне как в целом у российских вузов, так и у отдельных преподавателей. Для многих зарубежных университетов эффективное сетевое взаимодействие является насущной необходимостью, связанной с получением или подтверждением статуса элитного университета и соответствующего финансирования, с дополнительными инвестициями от сетевых партнеров, с привлечением иностранных ученых и студентов, а иногда просто необходимостью выживания в конкурентной борьбе. Эти же проблемы стоят и перед преподавателями. Включенность в разнообразные межкультурные сети ученых, исследовательских центров, международных проектов, опыт преподавания и работы в других странах является обязательным элементом социальной жизни не только европейских вузовских преподавателей-исследователей, но и студентов.

В то же время для многих российских вузов инициатива по организации сетевого взаимодействия с зарубежными партнерами исходит от государства, рассматривается вузами и отдельными преподавателями в качестве источника кратковременного дополнительного внешнего финансирования и дополнительных серьезных затрат. Необходимо в корне менять языковую политику университетов, не только номинально провозглашая создание «англоязычной среды» как необходимого условия повышения международного рейтинга университета, но и создавая для этого реальные предпосылки. Для качественного перевода научных статей должны создаваться консультационные Центры письма. Преподаватели кафедры иностранных языков могут и должны привлекаться в качестве экспертов для перевода статей и устного перевода на конференциях. И все это не в качестве добровольно-принудительной почти бесплатной повинности. Данная работа должна быть престижна и привлекательна. Определенные позитивные сдвиги уже наметились, но они должны стать политикой самих университетов.

Таким образом, изменения, возникающие при переходе от гумбольдтовской модели к англо-саксонской, состоят в формировании антагонизма между менеджерами и профессионалами в университетской среде, в пролетаризации академических работников, в изменении студенческой и преподавательской идентичностей и приобретении новых ролевых позиций «клиент — поставщик услуг», в изменении значения цены образования, появлении культа оценки, перформативности

и дифференциации и автономизации среди студентов. Все это вносит свои коррективы в профессиональную деятельность преподавателей высшей школы, представителей вузовской интеллигенции. Для расширения информационного поля, доступа к новым идеям, методам и технологиям, создания позитивного имиджа и, в первую очередь, для совершенствования себя как личности, преподаватели должны выстраивать дружеские и профессиональные связи с коллегами как в российских, так и зарубежных университетах.

Список литературы

- Абрамов Р.Н. Профессионализм менеджеров как ресурс легитимации власти // Профессиональные группы интеллигенции. М: Институт социологии РАН, 2003. С. 212–233.
- Абрамов Р.Н., Груздев И.А., Терентьев Е.А. Рабочее время и ролевые напряжения сотрудников современного российского университета // Вопросы Образования. 2017. № 1.
- Инновационный вуз: сетевая перспектива в партнерских сообществах = Innovative university: prospects in partnership networks / М. В. Ромма, Р.А. Заякина, Е.В. Филатова, Л.Ф. Лучихина, С.Е. Ильин ; [под общ. ред.: М. В. Ромма, Р.А. Заякиной]. — Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2018. С. 45–46.
- Марджинсон С. Российские наука и высшее образование в условиях глобализации // Вопросы образования. 2014. № 4. С. 8–35
- Тощенко Ж.Т. Прекариат — новый социальный класс // Социол. исслед. 2015. № 6. С. 3–13.
- Хагуров Т.А. Высшее образование: между служением и услугой // Экономика образования. № 4. 2011. С. 32–40
- Ball S.J. Performativity, commodification and commitment: An I-spy guide to the neoliberal university // Br. J. Educ. Stud. 2012. Т. 60. № 1. P. 17–28.
- Budd R. Disadvantaged by degrees? How widening participation students are not only hindered in accessing HE, but also during — and after — university // Perspect. Policy Pract. High. Educ. 2017. Т. 21. № 2-3. P. 111–116.
- Fernandez F., Baker D.P. Science production in the United States: An unexpected synergy between mass higher education and the super research university // The century of science: The global triumph of the research university. : Emerald Publishing Limited, 2017. P. 85–111.
- Hargreaves A., O'Connor M.T. Cultures of professional collaboration: their origins and opponents // J. Prof. Cap. Community. 2017. Т. 2. № 2. P. 74–85.
- Macfarlane B. The Morphing of Academic Practice: Unbundling and the Rise of the Para-academic // High. Educ. Q. 2011. Т. 65. № 1. P. 59–73.
- Mavor K.I., Platow M.J., Bizumic B. Self and social identity in educational contexts. : Taylor & Francis, 2017.

McCarthy G., Song X., Jayasuriya K. The proletarianisation of academic labour in Australia // High. Educ. Res. Dev. 2017. T. 36. № 5. P. 1017–1030.

Thiele T. и др. Experience of disadvantage: The influence of identity on engagement in working class students' educational trajectories to an elite university // Br. Educ. Res. J. 2017. T. 43. № 1. P. 49–67.

Tomlinson M. Conceptions of the value of higher education in a measured market // High. Educ. 2017.

Webler W. –D. Studierende als Kunden der Hochschule — ein geeigneter Entwicklungsansatz in Kontrast zur Humboldtschen Universitätskonzeption? / W. –D. Webler // Das Hochschulwesen, 61 (2013) 1-2, P. 64-73

Woodcock J. Digital Labour in the University: Understanding the Transformations of Academic Work in the UK // TripleC Commun. Capital. Crit. Open Access J. Glob. Sustain. Inf. Soc. 2018. T. 16. № 1. P. 129–142.

Сельский учитель: выполняма ли его миссия?¹

Введение

К интеллигенции в современном российском обществе относится многочисленная профессиональная общность, занятая в сфере образования: воспитатели дошкольных учреждений, педагоги различных видов дополнительного и неформального образования, учителя городских и сельских общеобразовательных школ, преподавателей среднего и высшего профессионального образования, различных форм послевузовского образования и повышения квалификации. Этим слоям и группам интеллигенции присущи общие черты: «Чаще всего к интеллигенции относят тех высокообразованных и культурных людей, у которых есть определенные заслуги перед обществом..., которые прославили добросовестным трудом и талантом свою профессию..., которые пользуются уважением и доверием окружающих ... и особым авторитетом» [Кукушкина, 2015:6].

Вместе с тем, эта интеллигенция является носителем определенной, исторически сложившейся миссии, о которой в 1876 г. Н.А. Некрасов написал свое известное стихотворение «Сеятелям». В нем прозвучали такие строки: «Сейте разумное, доброе, вечное. Сейте! Спасибо вам скажет сердечное русский народ!» Поэт обращался к образованным людям (прежде всего, учителям), призывая их служить народу, подчеркивая проявление в этих людях двух начал — интеллектуального и духовного.

Если постараться конкретизировать миссию интеллигенции в образовании — это передача знаний (умений, навыков), воспитание на своем примере (своим примером), проявление высоких нравственных качеств и активной гражданской позиции. На примере сельских учителей посмотрим, как изменилось их отношение своей миссии в XX — начале XXI веков.

1. Переработанная и дополненная статья Булановой М.Б. Сельская школа: есть ли перспективы? // Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) /Под ред. Ж.Т. Тощенко. — М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016. Раздел 2. Институциональные и социально структурные смыслы жизнеустройства на селе. Гл. 4. С. 205-230.

Миссия сельских учителей в 1917–1927 годы

В нашем распоряжении есть уникальный исторический документ — монографическое исследование А.М. Большакова «Деревня (1917–1927)» [Большаков, 1927]. В нем, в частности, показана такая важная сторона жизни Горицкой волости, как функционирование сельской школы, а также описание роли и социального положения сельского учителя. Автор акцентирует внимание на факте соединения в деятельности учителя учебной (основной) и общественной составляющей. Основная работа была связана с обучением детей по тем учебным программам, которые рекомендованы Народным Комиссариатом Просвещения, а также с участием в реализации кампании по ликвидации неграмотности. Говоря об общественной стороне работы сельского педагога, Большаков перечисляет многообразные ее виды: агропропаганда; кооперативная пропаганда; громкое чтение в избах-читальнях; подготовка стенной газеты; ликвидация неграмотности; работа с пионерами; участие в различных обществах — «Друзья детей» и пр. [Большаков, 1927: 236].

При этом материальное положение сельского учителя было непростым. На год ему полагался скромный паек (9 пудов ржи и 6 пудов картофеля). Были отдельные «получения» с конца 1920 по осень 1921 г.: за борьбу с неграмотностью учителям выделили по одному фунту сахара, несколько фунтов (3-5) соли и столько же керосина. За участие в сельскохозяйственной переписи населения перед введением продналога — по 1 пуду муки, по 2 фунта масла и сахара (1 фунт — 0,4 кг; 1 пуд — 16 кг — примечание автора). Учителя также имели немного овощей с небольших огородов при школах, но их хватало примерно на полгода [Большаков, 1927: 230].

Анализируя такое положение, Большаков информирует нас, что в 1927 г. формально к своим обязанностям относились одиночки, являющиеся исключением. В этом плане большой интерес представляет подлинная страничка из дневника учительницы, реально демонстрирующая занятость сельского педагога и дающая представление об объеме его работы [Там же: 236-237]. Вот как выглядела нагрузка учителя за неделю в 1927 г.:

22 ноября. В 9 часов ушла в Горицы, пришла в 10 часов вечера. 1. Волостная конференция Рабпроса. Мое участие в ней: а) доклад уездной конференции; б) доклад о работе кружка; выбрана корреспондентом в «Учительскую газету». 2. Собрание сельскохозяйственного кружка. 3. Собрание бюро по переподготовке. 4. Лекции о скарлатине.

23 ноября. 1. До 11 часов меняла книги подросткам. 2. С 11–3 ч. волостная конференция молодежи. 3. С 5-8 ч. кружок молодежи.

4. С 8-9 ч. беседа с крестьянами о том, как писать на конкурс «Тверская Правда» о сельском хозяйстве.

24 ноября. 1. Занималась одна с 4 группами до 3 часов. 2. Просматривала тетради. 3. С 6 ч. до 1 ч. ночи — беседа с волполитпросветорганиза-торами о предстоящих районных делегатских собраниях и партсобрании. 4. До 2 ч. ночи просматривала корреспонденции крестьян в газету.

25 ноября. 1. Занятия с 4 группами до 3-х ч. 2. Должно быть занятие с подростками вечером, но ввиду ужасной погоды, отменила. 3. Подби-рала материал к занятиям. 4. Прочитала газеты. Легла в 3 ч. ночи.

26 ноября. 1. Занималась с 4 группами до 3-х ч. 2. Говорила с рай-онными о нашей работе. 3. Подготовила доклад о ликвидации негра-мотности к делегатскому собранию на 27 ноября.

27 ноября. 1. Занималась с 4 группами до 12 ч. 2. Доклад о ликви-дации неграмотности на делегатском собрании до 5 часов. 3. Кружок молодежи с 6 до 9 ч. 4. Чтение газет.

28 ноября. 1. Утром составила план работы пионеров на декабрь месяц. 2. В 10 часов пошла с учениками на спектакль. Там было пение, игры и декламация. 3. Собрание марксистского кружка.

Как мы видим, приведенные в дневнике записи показывают нали-чие всех показателей миссии интеллигенции (в данном случае — сель-ского учителя) в образовании. Здесь присутствует передача знаний (в практически ежедневных занятиях с 4 группами), воспитание словом и своим примером (беседы с крестьянами, занятия с подростками, кружок молодежи), демонстрация высоких нравственных качеств (вы-полнение своего долга в течение всего дня, иногда до ночи), активная гражданская позиция (участие в собраниях, в кампании по ликвида-ции неграмотности).

Следует подчеркнуть, что на тридцати пяти страницах текста, по-священного сельской школе и учителям, автор ни разу не указал необ-ходимость отчета учителя перед вышестоящими организациями. Это не значит, что этой отчетности не было, просто она была так незначи-тельна, что не стоила отдельного упоминания. Зато были приведены примеры того, как государство по мере возможности оказывало под-держку (материальную и моральную) работе сельского учителя. Вывод А.М. Большакова был однозначным — за период с 1917 по 1927 гг.: «Этот незаметный сельский труженик, привыкший всегда исполнять свой долг перед народом, оживал не только физически, но и духовно. Он почувствовал непреодолимую жажду осмыслить все новое, осо-бенно то, что непосредственно относится к делу народного просвеще-ния, и передать это новое молодому и взрослому поколению волости» [Большаков, 1927: 235].

Миссия сельских учителей 2000-2020 гг.

С начала 2010-х годов сельская школа оказалась под ударом двух неблагоприятных тенденций:

Первая (общая для всех школ — сельских и городских) — внедрение новшеств, связанных с реформированием образования. Среди них: новые инструменты оценки знаний — ГИА и ЕГЭ; государственные образовательные стандарты (ФГОС); электронный документооборот (электронные средства управления и образовательные услуги, электронные дневник и журнал, электронная учительская); интерактивные учебные пособия (мультимедийные установки и др.); дистанционное обучение; инклюзивное образование; современные оценочные процедуры (механизмы накопительных методов оценивания — портфолио и др., отличные от пятибалльной). Все это привело к изменению школьной образовательной среды: усилилась роль стандартов; возросла роль отчетности, тестирования, а также мониторинга результативности деятельности организаций.

Вторая — упразднение малокомплектной сельской школы. Экономически выгодный государству процесс прямо повлиял на положение сельских учителей. Если в среднем по Российской Федерации доля учителей с высшим образованием в городских школах составляла 88,4%, то в селе — 77,8% [Народонаселение..., 2015: 89].

Начавшийся процесс сокращения учителей затронул, прежде всего, молодые кадры с высшим образованием. Предвидя угрозу закрытия школ в «неперспективных» селах, молодые учителя срочно стали подыскивать себе место работы за их пределами, что привело к истончению интеллектуального потенциала деревни (П. Великий). Если молодые и достаточно мобильные учителя покидали деревню, то после закрытия школы на долю оставшихся (почти 100% женщин) подчас оставался труд, не отвечающий их профессиональному потенциалу: выращивать скот, копаться в огороде. Учитель, вынужденно сменивший свой профессиональный статус, уже не осуществляет своей культурно-просветительной функции на селе [Великий, 2011], а, значит, и своей исторической миссии.

По мнению ряда исследователей, ликвидация малокомплектной школы, уход учителей из сельской местности, способны привести к еще более грозному социальному последствию — разрушению сложившейся за столетия особой крестьянской культуры, оборвав привычную социализацию детей и подростков, а также достигнутый ими уровень образования [Великий, 2011; Виноградский, 2019].

Обратимся к данным исследований. На протяжении 2013 г. «Учительской газетой» проводились опросы среди учителей об их отно-

шении к реформе образования². Отмечались: увеличение количества и интенсивности нагрузки; нерешенность вопросов регулирования оплаты труда; сокращение численности учебно-вспомогательного персонала; бюрократизация профессии и усиление отчетности; формализация процесса обучения; усиление административного контроля; уменьшение самостоятельности учителей в выборе методики проведения уроков и выборе учебников; передача руководства школы менеджерам; неподготовленность к введению инклюзивного образования; отсутствие времени для повышения квалификации и самообразования. Все эти замечания в газету отправляли учителя как городских, так и сельских школ. Большая часть из них сохраняют актуальность и в настоящее время.

В ноябре 2012 — январе 2013 гг. Т. Евдокимовой методом неформализованного интервью было опрошено 10 учителей двух сельских школ с. Вадинск Пензенской области. В средней образовательной школе на тот момент учились 330 человек, в основной образовательной школе 120 человек. Вот как учителя определяли факторы, мешающие им выполнять свою миссию³: *маленькие зарплаты, прямо влияющие на престижность профессии («Хоть молодым специалистам и даются какие-то преференции, но зарплата маленькая у молодого специалиста. Это первая причина. А с зарплатой связана и престижность профессии. У нас как положено судить о человеке? Если зарплата хорошая, значит, и человек достойный»); большое количество бумаг, отчетности, не имеющей отношения к учебному процессу («Это гонка какая-то на выживание»; «Дело-то в том, что учитель перерабатывает»); халатное отношение муниципальных властей к нуждам школы («Выкручивайся сам, директор, вот, ищи спонсоров, ищи, значит, деньги, это не наши проблемы». Как говорит районное начальство: «Это Ваши проблемы»; «...надо крышу постоянно латать, вот, а кто это будет делать? Директор школы, потому что он мужчина»).* Будущее сельской школы представлялось опрошенным педагогам печальным: в течение последних 40 лет в районе было закрыто 43 школы, осталось 9. По проекту развития образования в Вадинском районе к 2020 г. должна остаться 1 средняя школа.

В настоящее время, делают выводы исследователи, стратегия жизни сельской школы «сменилась на тактики ее выживания» (В. Виноградский). Между тем, в сельской школе пересекаются два типа

2. См.: Опросы на сайте учительской газеты: март 2013 (340 чел.), ноябрь 2013 г. (203 чел.); ноябрь 2013 г. (183 чел.) [Электронный ресурс]. URL.: <http://www.ug.ru/polls/archive/page/2,6> (дата обращения — 13.11.20).

3. См.: Архив автора- Евдокимовой Т.

культур: крестьянская (народная) и интеллигентская (П. Великий). Первую олицетворяют стремящиеся к образованию сельчане и их дети, вторую — учителя. Сельский учитель всегда был образцом подражания для других слоев деревни. Потеря сельского учителя сопровождается не только утратой его исторической миссии, но в каком-то смысле является потерей сельского мировоззрения и образа жизни.

Тенденция ухода из профессии учителя (и в городских, и в сельских школах) сохраняется и в настоящее время. Причин этому положению много. По данным регионального мониторинга профессионального самочувствия работников образования, проводимого Лабораторией социологии НовГУ за 1991-2017 гг., одна из причин, вместе с недовольством низкой зарплатой, вышедшая за это время на 1–2 места, — невыносимый «завал» бумажной отчетности. Среднесуточные затраты времени на создание документов отчетности у учителя-предметника основной и средней школы возросли с 0,6 до 1,4 ч. [Школа..., 2020: 117].

В настоящее время бумажный вал только увеличился. Так, утвержденный Минобрнауки России ведомственный перечень документов в 2018 г. включал 1684 вида (точнее — группы) документов, из них лишь 11 % прямо или косвенно затрагивают образовательный процесс. Современный школьный учитель, работающий на 1,5 ставки, в среднем в неделю тратит на бумажную работу не менее 11 часов, а в течение учебного года создает в среднем 95 видов документов⁴. Покорность бумажному прессингу стала для большинства учителей привычной, сродни верности благородной профессии и готовности нести тяготы вместе со своим коллективом [Школа...2020: 207].

По данным межрегионального социологического исследования состояния информационных потоков в российском образовании, проведенном в 2018-2020 гг. научным коллективом под руководством П.А. Бояджиевой и А.М. Осиповым, выяснилось, что объем ответственности сельской школы в части бумажной работы является принципиально сходным с городской. «Сельская школа получает ровно тот же объем запросов (профильных и от посторонних ведомств) на отчетность, что и городская. Так, в сельской школе–комплексе (включающей дошкольную, начальную, основную и среднюю ступени с общим контингентом до 200 человек, а также имеющей на своем балансе шесть автобусов для доставки детей и пришкольный «экспериментальный» участок) число регистрируемых «входящих» сообщений в официальном школьном канале электронной связи в учебном году составляет около 1500 (лишь на 20–25 % меньше, чем в городской школе с коли-

чеством учащихся 2000 чел.), а число «исходящих» лишь в два раза меньше, чем в городской школе» [Школа..., 2020: 226-227].

А что же учитель, остается ли у него время для выполнения своей исторической миссии? Как подтверждает ряд исследователей (А.М. Осипов, Ф.Э. Шереги), большинство учителей вынужденно соглашаются на объем нагрузки, превышающий одну ставку. Приведем типичное мнение — учитель математики высшей категории в пригородной школе: *«У меня в этом полугодии 48 учебных часов в неделю. Две ставки в своей школе плюс уроки в вечерней школе, в этом же здании. Удобно! Около тридцати уроков ставят в расписание в первую смену, а факультативы и индивидуалку — во вторую. А как же иначе я прокормлю себя и внуков?»*

По данным хронометража, подтвержденного в исследовании П.А. Бояджиевой и А.М. Осипова, «учитель, работая на 1 ставку, отдает самоподготовке к предстоящим школьным занятиям около 20 ч. в неделю, а при работе на 2,0 ставки, соответственно, только 10 ч., то есть его подготовка к уроку сокращается втрое (до 15–20 мин.)» [Школа...2020: 233].

Получается, если в сельской школе при средней нагрузке в 1,5 ставки провинциальный учитель ведет ежедневно 26–30 учебных часов (6 уроков в день с понедельника по пятницу), то объем бумажной работы, судя по оценке экспертов, может достигать 39 ч., превышая учебную нагрузку. И такой вариант не исключение, хотя локальные административные акты разрешают лишь «временное» превышение нагрузки до 1,5 ставки. Как с горечью признаются учителя и руководители школ, *«мы больше не занимаемся учениками, мы занимаемся бумажками»* [Школа..., 2020: 90]. Тем самым нарушается важная часть миссии учителя — передача знаний, умений, навыков.

А какой личный пример детям может показывать учитель, не успевающий отдохнуть, восстановиться, подготовиться к урокам, заваленный бюрократическими ненужными бумагами, постоянно находящийся в стрессовой ситуации. Что уже говорить о проявлении высоких нравственных качеств и активной гражданской позиции — на них не остается ни сил, ни времени.

Остается самая важная проблема — самоидентификации интеллигенции, поднимающая тему ее преемственности и воспроизводства. С этой точки зрения, интересны данные Всероссийского исследования «Как живешь, интеллигенция?», проведенного в 2016 г. [подробнее: Как живешь..., 2018]. Среди опрошенных учителей (в том числе — сельских) сохраняется оценка своего социального статуса как среднего (5.6 по десятибалльной шкале). Однако половина из них затруднилась определить, какие качества и характеристики отлича-

4. Файл «Перечень», URL: <https://www.novsu.ru/paperGenocide/> (дата обращения 14.11.2020)

ют интеллигенцию? В рейтинге ответивших на первое место вышли интеллектуальные качества (образование, ум), на последнем месте оказались мировоззренческие позиции (суждение о мире, жизни, религиозность, сохранение традиций). Учителя сохранили представление о лучших нравственных качествах интеллигенции (правдивость, честность, порядочность, доброта, сочувствие, скромность, великодушные, бескорыстность, благородство), однако отметили, что в современном обществе эти черты несколько уступают социальным качествам (популярность, благотворительность, культурность, общественность). Почти половина педагогов либо утратили самоидентификацию с интеллигенцией, либо не хотят быть соотносенными с ней, что порождает проблему ее воспроизводства в современном обществе.

Итак, анализ социального положение сельских учителей в исторической ретроспективе и в современный период показал, что за прошедшее столетие сохранилась память об их исторической миссии, но сама эта миссия оказалась в кризисе из-за действия целого ряда неблагоприятных тенденций, среди которых — отказ выпускников педагогических вузов от профессиональной карьеры учителя, катастрофическое постарение кадров сельских школ, прекращение воспроизводства поколений в педагогической профессии. Вместе с утратой исторической миссии, начался процесс деформации учительской профессии как особого вида труда, соединяющего в себе интеллектуальную и духовную компоненты, построенного на гуманитарных началах, созданного с благородной целью социализации молодого поколения.

Список литературы

- Большаков А.М. Деревня. 1917–1927. М.: Работник просвещения, 1927.
- Великий П. Российское село. Итоги постсоветской трансформации. Саратов, 2011.
- Виноградский В.Г. Сельские миры: опыт социологической реконструкции // Социологические исследования, 2019. № 5. С. 3–13.
- Зиятдинова Ф.Г. Социальное положение учителей: ожидания и реалии // Социологические исследования, 2010. №10. С. 100–107.
- Как живешь, интеллигенция? Социологические очерки / Отв. ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2018.
- Кукушкина Е.И. Русская интеллигенция в поисках политических смыслов. М.: Изд-во Московского университета, 2015.
- Народонаселение современной России: воспроизводство и развитие / Под ред. В.В. Локосова. М., 2015.
- Школа в бумажной пучине: кризис информационных потоков в образовании: коллективная монография / Под редакцией А.М. Осипова. Великий Новгород, 2020.

Педагоги дошкольного образования: ценность труда и ценности в труде

Проблемы педагогов дошкольного образования в России сегодня во многом не новы, но есть и важные изменения в восприятии ценности их труда и в их собственном видении того, что главное в профессии. В советский период стабильность занятости, дохода и возможность получать бесплатно основные социальные блага (медицинское обслуживание, образование, жилье) поддерживали привлекательность профессии воспитателя и ее социально-экономическое положение в обществе. Смена общественного строя сопровождалась появлением для работающих граждан России таких новых для них явлений как безработица, неформальная занятость, выраженное неравенство в доходах. В конце 1990-х годов государственная сфера дошкольного образования пережила закрытие практически половины учреждений, принадлежавших крупным предприятиям и ведомствам, которые стали для них необязательной финансовой нагрузкой, что повлекло аналогичное масштабное сокращение педагогических кадров. Состав профессиональной группы изменился и большинство воспитателей в сегодняшнем дошкольном образовании - это специалисты предпенсионного и пенсионного возраста. Накопление проблем вынужденно стимулировало внимание государства к данному сектору и, начиная с 2012 г., он вступил в период новой волны преобразований, связанных с вопросами администрирования, финансирования, развития коммерческих услуг, конкретными мерами по повышению заработной платы педагогов, а также введением стандартов.

В мировой практике предоставление дошкольного ухода и образования представлена различным сочетанием государственных, частных, общественных и добровольческих услуг, отражая национальный контекст и цели государственной политики каждой страны. В последние годы расширение сектора особенно заметно в тех странах, где было типично доминирование нерегулируемого и малооплачиваемого сектора, отнесение ухода и воспитания детей к вопросам частной семейной жизни и решение их за счет гендерного разделения труда и частичной

занятости матери. Опыт этих стран свидетельствует, что отсутствие системного государственного финансирования и внимания, активности ассоциаций профессионалов и переведение вопроса на уровень личных договоренностей с родителями способствует снижению уровня оплаты труда и качества услуги, за счет сокращения и удешевления кадрового состава, притока неспециалистов и мигрантов в профессию. Исследования подтверждают, что низкая оплата «воспитательного труда» оправдывается в большинстве случаев сильной символической связи с материнством и родительской любовью, несогласующимися с материальными возможностями и выгодой. Специалисты обращают внимание на дороговизну этого труда, сложность учета его производительности и возможность повышения заработка исключительно за счет готовности тратить все большую часть бюджета государства и родителей на услуги заботы о детях и их образовании.

Российское государственное дошкольное образование может гордиться своей историей и достижениями, признаваемыми во всем мире, но в ближайшие годы ему предстоит пережить не просто уход большой доли специалистов с высоким показателем стажа и возраста, но тех, кто выбирал эту профессию, получал образование и начинал практику еще в СССР, в период, когда уровень благосостояния и социальная защищенность обеспечивались в большей мере государством, чем самими работниками. Мы считаем, что данная смена поколений в профессиональной группе отразится на ее значимых показателях. В этой связи важно понять насколько удовлетворительным считают воспитатели свое положение и какие стратегии они отметили бы как наиболее перспективные для изменения ситуации.

Для понимания вопроса важно рассмотреть и положение дел в сегменте негосударственного дошкольного образования, так как его развитие, столь бурное в начале, сопровождавшееся серьезными проблемами в процессе и практически остановившееся на данном этапе, дает возможность увидеть воспитателей в условиях труда, существенно отличающихся от государственного сектора. Для профессиональной группы негосударственное дошкольное образование остается зоной с большим количеством вопросов, связанных с защитой прав работника, но и пространством возможностей, чей опыт должен быть увиден и оценен. Как представляют себе ситуацию и перспективы воспитатели, работающие в этом сегменте? Есть ли отличия в кадровом составе с государственным сектором и насколько они значительны и важны?

Материалом для данного эссе стали данные опроса и интервью воспитателей государственного и негосударственного дошкольного образования, проводившегося в 2012 и 2014 гг. и подробно представ-

ленные в публикациях автора. Хотелось бы отметить, что в исследовании негосударственного сектора были использованы данные Ассоциации «Территория образования».

«Заботящаяся» профессия: внешнее признание и внутригрупповые показатели экспертизы

В современном обществе отсутствует консенсус относительно вопроса, кто именно является экспертом в вопросах воспитания дошкольников. Родители часто упрекают специалистов, работающих в дошкольном образовании за непрофессионализм и безразличие, а воспитатели нередко ставят под вопрос понимание родителями своих детей и готовность действовать в интересах ребенка. Подобными дискуссиями пестрят печатные и электронные СМИ, этими тревогами полны интервью. Такая ситуация является отражением проблематизации в обществе «профессиональности» воспитателя как с точки зрения зоны экспертизы (локализации вопросов воспитания дошкольников исключительно в рамках профессионального педагогического сообщества), так и с позиций уровня квалификации. Воспитателю, для эффективной работы, важно понимать, что ему доверяют, что его воспринимают как профессионала, эксперта, но и он должен подкрепить свой авторитет уровнем образования, позволяющим обществу и родителям верить в него.

Позитивный внешний образ и общественное признание экспертизы профессиональной группы важны для занятия карьерных мест в социокультурной иерархии, для возможности конвертировать свой труд и знания в позитивную репутацию профессии. Для воспитателей важно иметь «возможность приносить пользу обществу» и «чувствовать уважение за свой труд со стороны государства и родителей воспитанников». При этом воспитатели ощущают серьезный недостаток уважения со стороны «государства» (являющегося их основным работодателем), «населения России в целом/широкой общественности» (потенциального потребителя услуги и источника рекрутирования новой рабочей силы) и «СМИ» (института формирования общественного мнения о профессиональной группе). Чуть более оптимистично мнение воспитателей о «родителях воспитанников», их уважении.

Противовесом к фактору «внешней оценки» являются внутри-профессиональные показатели потенциала воспитателей. И здесь ситуация в государственном и негосударственном секторе отличается. Сложности, пережитые и сохраняющиеся в государственном дошкольном обра-

зовании, проявились в дисбалансе кадров, большой доле специалистов с высокими показателями стажа и возраста, повышении возраста входа в профессию; снижении лояльности на протяжении всей индивидуальной профессиональной биографии; переходе от стратегии постепенного повышения уровня профильного педагогического образования к переучиванию с другого профессионального образования. То есть, постепенно должности воспитателей в государственных детских садах все больше комплектуются не молодыми выпускницами педагогических СУЗов и ВУЗов, а женщинами среднего и старшего возраста, зачастую без профильного образования. Стоит отметить, что государство старается работать с данной тенденцией, изменить ее и, в последнее время, устанавливает в качестве ограничения для входа в профессию наличие высшего педагогического образования. Но пока данные статистики по кадрам не отражают существенного положительного изменения ситуации. Данные, которые мы получили по негосударственному сектору, свидетельствуют о принципиальном отличии ситуации: характерны малые доли воспитателей с высокими показателями стажа и возраста; ориентация на высшее образование своих специалистов всех поколений как свидетельство культурного и символического капитала, который может быть конвертирован в экономическое вознаграждение группы и общее повышение ее статусных позиций.

В этой связи весьма закономерен тот факт, что изменение своего статусного положения, педагоги и государственного и негосударственного сегментов рассматривают как работу над внешним имиджем профессии, так и над внутрикорпоративными стандартами экспертного знания. «Просветительская работа с родителями (чтобы воспитателю больше доверяли и уважали его)»; «пропаганда среди широкой общественности важности и сложности работы воспитателя (через кинофильмы, прессу, телевидение и т.д.)»; повышение квалификации» получили достаточно высокую оценку потенциальной эффективности среди инструментов, способных «улучшить позиции профессии воспитателя».

Воспитатели об условиях труда и коллегиальной профессиональной солидарности

В социологии профессий классической считается ситуация, когда труд, требующий специальных знаний и подготовки, сопровождается возможностью для специалистов самим определять значимые показатели условий труда. В современных реалиях профессии, связанные с массовым социальным обслуживанием и обеспечением обществен-

ного благополучия, все больше зависят от государства, которое становится основным работодателем. В такой ситуации целесообразно сохранять влияние мнения профессионалов на принимаемые государством решения, которые связаны с возможностью выполнять свою работу с максимальной отдачей.

Для воспитателей такие показатели условий труда как количество детей в группе, наличие\отсутствие и насыщенность образовательных программ важны с точки зрения возможностей эффективной работы и обогащения\обеднения экспертной зоны практики. И здесь показательно, что для государственного и негосударственного сектора характерно различное описание тенденций. Если воспитатели в государственном секторе отмечают повышение нагрузки, вследствие увеличения количества детей в группах и роста бюрократической \ «бумажной» работы, недостаточное открытие новых и сокращение существовавших дополнительных образовательных программ для воспитанников, нехватку узких специалистов в учреждениях, то в негосударственном описывается скорее противоположная ситуация, что усугубляет разрыв и внутрипрофессиональную дифференциацию.

Различаются у воспитателей, занятых в государственном и негосударственном секторе, и понимание перспектив своей индивидуальной профессиональной биографии. В негосударственном секторе работа воспитателем в основном рассматривается как этап и не растягивается на всю трудовую «жизнь», отчасти в связи с высоким запросом на молодость работников со стороны работодателя и родителей воспитанников, отчасти по причине ориентации на карьерный рост среди специалистов. Воспитатели здесь чаще всего ориентированы в будущем на частную практику или занятие управленческих должностных позиций в различных сферах, связанных с дошкольным образованием. Базовые же принципы трудового поведения специалистов государственного сектора направлены на стратегии «стабильности», воспитатели здесь ищут социальных гарантий и отчасти данную тенденцию можно объяснить возрастным и квалификационным дисбалансом, отмеченным нами выше.

Недовольство ситуацией стимулирует понимание необходимости перемен, но с учетом того факта, что российское дошкольное образование развивалось наиболее масштабно в советский период, с главенством государства в его экономике, администрировании и политике, показательно, что педагоги разделяют вопросы «целесообразности реформирования» системы дошкольного образования между государством и своей профессиональной группой в равной мере. Несмотря

на то, что большинство воспитателей недовольны условиями труда в государственном секторе и охарактеризовали свою группу как «социально незащищенную», сами они не готовы выступать по отношению к государству в роли активного партнера, влиять на его решения в отношении профессии.

Доход профессиональной группы воспитателей

Оплата труда специалистов данной отрасли были и остается относительно невысокой. В дореволюционной России, в советский и постсоветский периоды заработная плата воспитателей уступала заработкам рабочих. Специальным Указом Президента РФ от 7 мая 2012 г. среднемесячная заработная плата педагогических работников должна была быть поднята до уровня средней по региону. Сложно судить насколько реально изменилось материальное положение этой группы педагогов, но воспитатели считают низкую заработную плату одной из наиболее актуальных проблем профессии. Половина воспитателей указали, что у них был опыт временной смены профессии и большинство уходило именно по причине возможности больше зарабатывать вне института дошкольного образования. Характерно, что в негосударственном сегменте востребован не только рост заработной платы, как основного источника дохода и вознаграждения за труд, но и расширение возможности подработок на рабочем месте, что не типично для государственного сектора, ориентированного на доступность своих услуг для любых родителей вне зависимости от их социально-экономического положения.

В этой связи интересно проследить возможность нивелирования социального неравенства в ситуации профессионального контакта, которое гипотетически могут варьироваться в зависимости от мнения воспитателей о собственных социальных позициях. Оценивая уважение, которое проявляют к педагогам «представители групп с высоким и низким материальным достатком», воспитатели сошлись во мнении, что люди с низким доходом больше уважают их, чем представители высокодоходных групп, особенно данное мнение было характерно для работающих в государственном секторе. В восприятии воспитателей государственного сектора ощущение неравенства статусов проявлялось в нехватке уважения и изменении уровня оплаты труда, произошедшее в результате реформирования отрасли, пока мало сказалось на показателях их самоуважения. Для воспитателей негосударственного сектора типична более высокая оценка и своих социальных позиций, и показателей самоуважения, большая распространенность

представлений о возможности нивелирования социального неравенства в ситуации профессионального контакта. Возможно, это результат повседневного опыта работы с представителями групп с высоким материальным достатком, которые в основном и являются клиентами негосударственного сектора.

В сегодняшней России, несмотря на предпринимаемые государством усилия, пока воспитатели как профессиональная группа продолжают испытывать серьезные сложности с трудовой деятельностью, уважением к своей профессии и зачастую связывают их с доходной составляющей. Важной для педагога является вера в то, что между профессионалом и работодателем, между учителем/воспитателем, государством и обществом существуют отношения доверия и взаимного уважения, поддерживающие статус профессии, элементом которого является и материальное вознаграждение — плата за труд. Стоит отметить, что проблемная ситуация оценки российскими педагогами внешнего признания своей профессии не уникальна и весьма показательны результаты исследования педагогического сообщества общего образования Евросоюза, свидетельствующие, что заработная плата оказывает влияние на трактовку учителями внешней оценки их профессии. Таким образом, вопросы эти хотя и не новы, но не теряют своей остроты.

Слабость солидарности особенно актуальна в условиях недовольства условиями труда в государственном сегменте, что проблематизирует возможность полноценной реализации своей непосредственной трудовой функции. Обратной стороной стабильности, гарантированной государством, была и остается пассивность профессиональных организаций и коллективов. В целом, данная профессиональная группа характеризуется достаточно обширным набором проблем, решение которых невозможно без координации усилий всего профессионального сообщества. Готовность принимать участие в определении перспектив отрасли, продемонстрированная специалистами, не подкреплена признанием важности развития институтов представительства мнения, которые не могут быть заменены ни упованием на государство, ни уходом в нелегальный рынок. С точки зрения перспективы развития ситуации хотелось бы отметить, что подобные сложности не угрожают самому существованию профессиональной группы воспитателей, но приведенный опыт хорошо организованного негосударственного сектора свидетельствует о том, что при должном внимании к значимым условиям труда и более быстром выходе на средние показатели зара-

ботка кадровый потенциал может существенно обновляться молодежью с предъявлением к ним высоких квалификационных требований.

Список литературы

- Колесникова Е.М., Митрохина Е.В. Воспитатели и учителя об условиях труда и организационной поддержке // Вестник Института социологии. 2017. № 20, С. 13-34 DOI: 10.19181/vis.2017.20.1.443
- Колесникова Е.М. Педагоги частного и государственного дошкольного образования: статус группы и перспективы развития // Социологический журнал. 2016. Том. 22. № 1. С. 114-132. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2016.22.1.3919>
- Blau D. (2001) *The child care problem: an economic analysis*. New York: Russell Sage
- Cleveland G.H., Hyatt D.E. (2002) *Child Care Workers' Wages: New Evidence on Returns to Education, Experience, Job Tenure and Auspice*. *Journal of Population Economics*, N15(3), 575-597. <http://link.springer.com/article/10.1007/s001480100106>
- Competence Requirements in Early Childhood Education and Care. A study for European Commission Directorate-General for Education and Culture. Final Report. (2011) University of East London, Cass School of Education and University of Ghent, Department for Social Welfare Studies. <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED534599.pdf> [Accessed April 15 2018].
- England P. (2005) Emerging theories of care. *Annual Review of Sociology*, N31 (1), 381-399. <http://www.annualreviews.org/doi/abs/10.1146/annurev.soc.31.041304.122317>
- European Commission/EACEA/Eurydice *The Teaching Profession in Europe: Practices, Perceptions, and Policies*. Eurydice Report. Luxembourg: Publications Office of the European Union. PDF ISBN 978-92-9201-886-3 doi:10.2797/031792, 2015. 134 p.
- Folbre N. (2006) *Demanding Quality: Worker/Consumer Coalitions and "high road" strategies in the care sector*. *Politics & Society*, N34(1), 11-32. <http://pas.sagepub.com/content/34/1/11.abstract>
- Fuller B., Strath A. (2001) *The Child-Care and Preschool Workforce: Demographics, Earnings, and Unequal Distribution*. *Educational Evaluation and Policy Analysis*, N 23(1), 37-55. <http://epa.sagepub.com/content/23/1/37.abstract>
- Grimshaw D., Rubery J. (2007) *Undervaluing women's work*. Manchester: Equal Opportunities Commission.
- Laere K.V., Peeters J., Vandebroek M. (2012) *The Education and Care Divide: the role of the early childhood workforce in 15 European countries*. *European Journal of Education*, N47(4), 527-541. <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/ejed.12006/abstract>
- Lewis J. (1992) *Gender and the Development of Welfare Regimes*. *Journal of European Social Policy*, N 2(3), 159-173. <http://esp.sagepub.com/content/2/3/159.abstract>
- Scheiwe K., Willekens H. (Eds.) (2009) *Child Care and Preschool Development in Europe: Institutional Perspectives*. L.: Palgrave MacMillan.

Социально-экономический статус и престиж профессии врача в оценках россиян и медицинских работников¹²

Российское здравоохранение за последние десятилетия претерпело множество преобразований, которые не только изменили привычные условия деятельности врачей, но и существенно повлияли на их самооценку, социальное самочувствие и престиж профессии. Динамика количества врачей с 2012 г. показывает снижение их численности с 703,2 тыс. человек до 673,0 тыс. к 2015 г. По состоянию на 2017 г. насчитывается 697,1 тыс. врачей [Численность..., 2018]. Нехватка медицинского персонала ощущалась и в 2019 г. По данным Минздрава в государственном и муниципальном здравоохранении не хватало 155,8 тыс. медицинских работников: 25,2 тыс. врачей и 130,6 тыс. среднего медицинского персонала [Федеральный..., 2019]. Сложившаяся ситуация связана, прежде всего, с проводимыми реформами в сфере здравоохранения: смещением акцентов на оказание медпомощи в амбулаторно-поликлинических условиях и, соответственно, модернизацией первичного звена; сокращением, в том числе за счет объединения, стационарных (больничных) учреждений государственной и муниципальной сфер здравоохранения, и в этой связи увольнением врачей и медсестер. По мнению отдельных экспертов, дефицит медицинских работников связан еще и с естественными процессами — постарением кадров, выходом их на пенсию (в разных регионах отток медиков-пенсионеров, составляет в среднем от 5,5 до 10%), а также снижении привлекательности работы в государственном здравоохранении [Бескаравайная, 2018]. Уточним, кадровый голод и отток врачей по России неравномерен, отрицательная динамика по количеству медработников имеется в 55 регионах страны и встречается преимущественно в пер-

2. Глава подготовлена при поддержке Российского научного фонда. Проект № 18-18-00024.

3. Переработанная и дополненная статья Беловой Н.И. Российский врач: социально-экономический статус и престиж профессии в оценках населения и медиков // Интеллигенция: многообразие образов и стилей жизни / РГГУ, Социолог. фак-т, Центр социолог. исследований. Под общей ред. Ж.Т. Тощенко. Редакторы-составители: М.С. Цапко, Е.В. Зверев; М.: РГГУ, 2020. С. 185-189.

вичном звене [Минздрав..., 2019]. А в половине федеральных округов РФ показатель обеспеченности врачами населения ниже, чем в целом по стране: Южный ФО — 34,2; Северо-Кавказский ФО — 35,5; Приволжский ФО — 36,1; Уральский ФО — 34,4 [Ресурсы..., 2020].

По мнению отдельных экспертов «сложная ситуация с кадрами в первичном звене медицины» [Более..., 2019] выступила одним из факторов, приведших к росту недовольства доступностью медпомощи и к снижению уровня доверия со стороны россиян к здравоохранению и, соответственно, медицинским работникам. Данные всероссийских опросов показывают, что треть (34%) жителей страны не доверяют врачам в больницах и поликлиниках [Доверие..., 2019]. Практически каждый второй (41%) россиянин за последние несколько лет перепроверял диагноз и назначения врача, обращаясь за помощью и консультацией к другим специалистам [Качество..., 2019]. В свою очередь «недоверие со стороны пациентов», правовая незащищенность врачей являются одними из причин их ухода из медицины.

Помимо названных причин, сами врачи в качестве таковых выделяют ухудшение отношения к ним со стороны руководства (администрации) лечебно-профилактического учреждения; высокую степень личной ответственности врача и бюрократизацию работы (подробная отчетность перед вышестоящими инстанциями); увеличение физической и психоэмоциональной нагрузки (синдром профессионального выгорания), снижение социально-экономического статуса врача [Бояркина, 2018]. Так, в 2017 г. более половине (58%) российских врачей приходилось задерживаться на работе, т.к. они не успевали заполнить необходимую документацию [Ростом..., 2017]. В 2020 г. уже 70% врачей говорят об увеличении документооборота, «бумажной работы», а подавляющее большинство (89%) вынуждено делать двойную работу: заполнять электронные и бумажные варианты медицинских карт [Эксперты..., 2020]. И все это лишь для того, чтобы отчитаться перед медицинскими страховыми компаниями. Солидарны с этим мнением и считаем, что сложившаяся ситуация является следствием непродуманной политики в сфере здравоохранения, провальными реформами, которые привели не только к ухудшению условий труда российских врачей, но и снижению престижа профессии в обществе.

За последние 20 лет трансформировался не только экономический и юридический статус врача, но и общественное восприятие медицинских работников. На протяжении первого десятилетия XXI века, в рейтинге профессий медицинские профессии существенно отставали и занимали только третье место, после юридических и финансовых сфер, которые, напротив, набирали популярность. Это иллюстриру-

ют опросы общественного мнения, проводимые ВЦИОМ. В период с 2006 по 2012 гг., престиж профессии врача оценивался населением невысоко, только десятая часть россиян (11%-12%) считала профессию перспективной. Тем не менее, в 2018 г. распределение меняется и уже четверть россиян (26%) сказали, что врач — престижная профессия [Престиж..., 2018]. Свои коррективы внесла ситуация, связанная с пандемией коронавируса. Рекордно высокие позиции в списке общественно значимых специальностей заняла профессия врача. Так, половина (49%) жителей страны убеждены, что «они настоящие герои нашего времени» [Врач..., 2020]. Однако сами врачи (44%), заявляют об увеличении в десятки раз физической и психоэмоциональной нагрузки, отмечают, что в период распространения вируса Covid-19 со стороны государства «не сделано практически ничего» для обеспечения адекватной нагрузки на медперсонал [Большинство..., 2020].

Обратим внимание, что сами представители врачебного сообщества не считают, что престиж их профессии в современной России высок. По данным О.А. Нор-Аревян чуть более трети (35,9%) врачей отмечают положительную динамику восприятия медицинской профессии в обществе. Другая же треть (29,9%) утверждает, что «профессия врача принижена» и «престиж изменился, но в худшую сторону». Тем не менее, практически половина (47,8%) врачей придерживаются положительных прогнозов [Нор-Аревян, 2018: 104].

Как ранее отмечалось, существенное влияние на мнение врачей о престиже профессии оказывают ухудшение условий труда и снижение их социально-экономического статуса. Стоит учитывать, что изменились подходы к расчету и начислению заработной платы в бюджетных организациях — она стала определяться в соответствии с принципами эффективного контракта. Это означает, что базовый оклад снизился и итоговая заработная плата напрямую зависит от интенсивности труда, количества пациентов, которых принимает врач. По мнению медицинского сообщества, население не считает их труд престижным, потому что объем вознаграждений за работу врача мал. Это подтверждается выдержками из глубинных интервью: «Надо начинать с хорошей оплаты труда — вот тогда может быть престиж немножко и поднимется» [Нор-Аревян, 2018: 105]. Другими словами, врачи уверены, что их труд оплачивается крайне низко, несоразмерно с затраченными усилиями и уровнем квалификации. Однако, если сравнить официальные данные по зарплате врачей в 2015 и в 2018 г., можно заметить, что она существенно повысилась: с 47,9 тыс. рублей до 73,2 тыс. рублей в среднем по России [Престиж..., 2018].

Что же касается мнения самих врачей, то по данным НИУ ВШЭ [Российское..., 2016] практически две трети опрошенных (в среднем —

61%) сообщили о заметном увеличении объема работы, при этом «размер зарплаты увеличился незначительно». Медики крайне негативно оценивают «политику внедрения эффективного контракта» и новый подход к порядку назначения базовой части оплаты труда, отмечая, что это «не отвечает интересам самих работников», так как официальные показатели заработной платы достигаются не за счет повышения зарплаты, а за счет увеличения трудовой нагрузки. В большинстве случаев докторам, независимо от их профиля специализации, приходится трудиться больше, чем «на одну ставку (от 1,25 ставки). В среднем они трудятся на 1,45 ставки» [Минздрав..., 2017]. Именно поэтому доминирующая (86%) часть российских врачей выступала за увеличение доли базового оклада. И в этом направлении сделаны определенные шаги, в частности трехсторонней комиссией по регулированию социально-трудовых отношений в конце 2019 г. были утверждены «Единые рекомендации по установлению на федеральном, региональном и местном уровнях систем оплаты труда работников государственных и муниципальных учреждений на 2020 год», в которых предложен новый порядок расчета оплаты труда медиков [Единые..., 2020].

Представления населения о размере дохода врачей не совпадает с самооценкой представителей этой профессии. В 2006 и 2012 гг. лишь незначительная часть (от 5% до 7%) жителей страны считала, что заработная плата работников с высшим медицинским образованием вполне достойная и приносит хороший доход. Со временем количество россиян придерживающихся такого мнения увеличилось и обусловлено это двумя обстоятельствами. Во-первых, принятием норм, так называемых «майских указов 2012 года» [Указ..., 2012], где говорилось о необходимости повышения заработка врачей до 200% от среднего по экономике региона. Во-вторых, активной политикой освещения темы зарплат в сфере здравоохранения в российских СМИ профильным Министерством. Поэтому к 2018 г. в российском обществе в два раза чаще стали говорить, что зарплаты у врачей высокие. Так, каждый десятый (12%) житель страны сказал, что профессия врача — это высокодоходная профессия [Престиж..., 2018].

И несмотря на то, что наблюдаются небольшие расхождения в оценках социально-экономического статуса и престижа профессии врача населением и представителями медицинского сообщества, можно с уверенностью говорить, что и те [Качество..., 2019] и другие [Минздрав..., 2017] в качестве первоочередных мер по улучшению российского здравоохранения, повышению качества медицинских услуг, отмечают необходимость решения кадровых проблем, в том числе путём повышения социально-экономического статуса врача.

Список литературы

- Бескаравайная Т. Кадры в минусе. Портал российского врача Медвестник. <https://medvestnik.ru/content/articles/Kadry-v-minus.html> (дата обращения: 10.10.2020)
- Более 40% россиян заявили о недоверии врачам. Официальный сайт РБК. 2019. URL: <https://www.rbc.ru/society/11/12/2019/5df089c29a79479c2d976fb1>
- Большинство российских врачей не доверяют официальной статистике по коронавирусу. Официальный сайт Левада-Центр. 2020. URL: <https://www.levada.ru/2020/07/07/bolshinstvo-rossijskih-vrachej-ne-doverayayut-ofitsialnoj-statistike-po-koronavirusu/> (дата обращения: 07.07.2020).
- Бояркина С.И. Условия труда российских врачей: риски для здоровья и инфекционной безопасности // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Социология. 2018. Т. 11. Вып. 3. С.346-363
- Врач — самая важная профессия! Официальный сайт ВЦИОМ. 2020. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10208> (дата обращения: 10.05.2020).
- Доверие врачам и медучреждениям. Официальный сайт Фонда общественного мнения. 2019. URL: <https://fom.ru/Zdorove-i-sport/14208> (дата обращения: 07.07.2020).
- Единые рекомендации по установлению на федеральном, региональном и местном уровнях систем оплаты труда работников государственных и муниципальных учреждений на 2020 год. Официальный сайт Профсоюза работников здравоохранения РФ. 2020. URL: http://www.przrf.ru/info/oplata_truda/ (дата обращения: 20.10.2020).
- Качество медицинских услуг: запрос на жесткий контроль. Официальный сайт ВЦИОМ. 2019. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10067> (дата обращения: 07.07.2020).
- Минздрав зафиксировал снижение количества врачей в 55 регионах. Официальный сайт РБК. 2019. URL: <https://www.rbc.ru/society/31/10/2019/5db9c1e99a79477c93e750cb> (дата обращения: 10.05.2020).
- Минздрав просчитался: врачам не хватает денег. Официальный сайт Газета.ru. 2017. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2017/12/01/11023844.shtml> (дата обращения: 10.06.2020)
- Нор-Аревян О.А. Социальный капитал профессии в оценках российских врачей (на материалах социологического исследования в городских мегаполисах) // Власть . 2018.
- Престиж и доход: какие профессии выбирают россияне? Официальный сайт ВЦИОМ. 2018. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9387> (дата обращения: 10.05.2020)
- Ресурсы и деятельность медицинских организаций здравоохранения. Медицинские кадры (Часть I). М.: Департамент мониторинга, анализа и стратегического развития здравоохранения Минздрава Российской Федерации, ФГБУ «Центральный научно-исследовательский институт организации и информатизации здравоохранения» Минздрава Российской Федерации. 2020. Доступно по: <http://mednet.ru/miac/meditsinskaya-statistika/#> (дата обращения 25.10.2020)
- Российское здравоохранение в новых экономических условиях: вызовы и перспективы [Текст]: Доклад НИУ ВШЭ по проблемам развития системы здравоохранения / рук. авт. колл. С. В. Шишкин; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд.дом Высшей школы экономики, 2016.

Ростом не вышли. Зарплаты врачей растут лишь в официальных сводках Росстата. Официальный сайт Российской газеты. 2017. URL: <https://rg.ru/2017/03/20/issledovanie-zarplaty-vrachej-rastut-lish-v-svodkah-rosstata.html> (дата обращения: 10.10.2020)

Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 г. № 598 «О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения». Официальный сайт Президента России. 2012. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/35262> (дата обращения: 06.05.2020)

Федеральный проект «Обеспечение медицинских организаций системы здравоохранения квалифицированными кадрами». Официальный сайт Министерства здравоохранения РФ. 2019. URL: <https://minzdrav.gov.ru/poleznye-resursy/natsproektzdravoohranenie/kadry> (дата обращения: 10.10.2020)

Численность медицинских кадров (на конец 2018 года). Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/healthcare/# (дата обращения: 03.02.2020).

Эксперты ОНФ призвали исключить дублирование бумажных и электронных документов в здравоохранении. Официальный сайт Общероссийского народного фронта. 2020. URL: <https://onf.ru/2020/07/13/eksperty-onf-prizvali-isklyuchit-dublirovanie-bumazhnyh-i-elektronnyh-dokumentov-v/> (дата обращения: 10.10.2020)

Феномен паракультуры и интеллигенция¹

Понятие «паракультура» используется в современных исследованиях для обозначения сферы оккультных увлечений и для обозначения культуры повседневности, отличной от главных направлений официальной культуры, но являющейся неотъемлемой частью человеческого бытия и вполне реальной, хотя и не признаваемой официально.

Значение понятия «паракультура» связано со значением приставки «пара» — (греч. παρά возле, мимо, вне, около), которая означает: «нахождение рядом, либо отклонение, нарушение чего-либо (например, парабиоз, парамагнетизм, парапсихология, парадокс». «Пара — (санскр.) — приставка, означающая преодоление границ, пределов чего-либо» [Большой энциклопедический..., 1998].

В широком смысле термин «паракультура», исследователи связывают с обратной стороной, изнанкой основного направления господствующей культуры, то, что не признается официально, либо нивелируется до незначительности, либо то, с чем ведется ожесточенная борьба, со стороны научных и профессиональных культурных сообществ, со стороны государства и представительств официально признанных конфессий. Тем не менее, паракультура значительно распространена и является важной частью повседневности.

Некоторые исследователи конкретизируют понятие «паракультура», часть из них связывает «паракультуру» с концепцией коммерческой культуры *poprow* [см. Сибрук, 2012], когда эта «как бы культура» распространяет «недолжные» ценности и образцы поведения, нивелирует разницу между «высокой» и «низкой» культурой, кроме того «органично соотнесена с образом жизни и стилем жизненного существования миллионов рядовых граждан» [см. Савицкая, 2002]

1. Переработанная и дополненная статья Тартыгашевой Г.В. Феномен паракультуры и интеллигенции // Судьбы российской интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее: сб. статей XX Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 9 апр. 2019 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редактор-составитель Цыбикова Д.Г.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. М.: РГГУ, 2019. С. 361-370.

Оценивая ее, исследователи подчеркивают, что «паракультура» — порождение духовной пустоты, которая носит сугубо коммерческий характер, не ориентирована на достижение гуманистического идеала и, самое главное, девальвирует понятия «добра» и «зла». «В качестве реальной культуры паракультура, безусловно, жизнеспособна, высоко пассионарна, но и... патологична, поскольку транслирует и превращает в норму состояние «недолжного бытия», самоубийственного, нигилистически ущербного существования, настоящего на харизме пустоты» [Савицкая, 2002].

С точки зрения Мамардашвили М.К., паракультура — это особая организация сознания, когда происходит редукция фундаментальных абстракций и научных понятий до «предметного, вещного и потребительского использования» [Цит. по Серебренников, 2000]. Исупов С.А., Старателев Э.Ю. раскрывают основные черты, присущие подобному типу сознания: «мифологическая иллюзия полноты знания или потребность в достижении данной полноты; эрудированность вместо мышления; создание ритуальных текстов; интеллектуализация, проявляющаяся в создании смысловых интерпретаций, которые конструируются из редуцированных философских абстракций и научных понятий». [Исупов, Старателев, 1994].

Особенностью паракультуры является то, что она мимикрирует под подлинную культуру создавая ощущение приемлемости и обычности неоднозначных норм и ценностей, социальных практик и образцов поведения. Кроме того, продукты паракультуры трудно распознать неискушенным потребителям, в процессе их использования, создается впечатление их подлинности, причастности к высокому.

Ж.Т. Тощенко конкретизирует проявления паракультуры, с его точки зрения: «...пара-культура, которая постоянно делает попытку создать исключительно новую реальность, не относящуюся к накопленным и апробированным человечеством духовным ценностям. Ее основу создают астрология, мистика, паранормальные явления вроде колдовства и знахарства». [Тощенко, 2011].

Рабинович В.Л. к явлению паракультуры относит оккультизм. «Оккультизм (от лат. *occultus* — тайный, сокровенный) — «тайные науки», в том числе и «герметические» (алхимия, астрология, каббала), признающие существование скрытых сил в космосе и в человеке, но человеку посвященном и инициированном. Окультизм — явление не столько культуры, сколько паракультуры. Но быть явлением паракультуры еще не означает быть вне культуры. Паракультура — изнанка магистральной культуры, лишь вместе они составляют целостную в своей амбивалентности культуру эпохи». [Рабинович, 2009].

Проявления паракультуры исследуются в рамках концепций «новой религиозности» [см. Балагушкин, 2002], «нетрадиционной религиозности», [см. Неронов, 2009], «оккультуры» Кристофера Партриджа [см. Носачев, 2017] и т.д.

В настоящее время в России наряду с возрождением традиционных религий, наблюдается духовная экспансия различных магических и оккультных учений, значительно возрос интерес населения к мистике, астрологии, колдовству, паранормальным явлениям и т.д. По оценкам ВОЗ в России насчитывается более 800 тысяч колдунов, целителей, экстрасенсов, россияне тратят на их услуги более 2 миллиардов рублей в год. [Россияне..., 2017].

По результатам социологического исследования ВЦИОМ (опрос 1600 человек был произведен в октябре 2015 г., в 130 регионах России), на предмет доверия населения колдунам, экстрасенсам, предсказателям, «верят в колдунов и порчу» — 48% россиян, 55% опрошенных считают, что будущее можно предсказывать, 50% россиян верит различным приметам, 31% граждан верят в астрологические прогнозы [Предсказания..., 2015].

Всех популярных представителей паракультуры: колдунов, экстрасенсов, гадателей, астрологов, знахарей, народных целителей, уфологов и т.д., причисляют к оккультистам. Оккультизм (от лат. *occultus* — тайный, скрытый) — понятие, объединяющее различные тайные учения и культы, основанные на представлениях о скрытых силах природы или космоса, необъяснимых в рамках традиционной научной парадигмы. Они необходимы человеку для познания потусторонних сил и овладения ими, а также, для самопознания и самосовершенствования.

Здесь входят астрология, магия, колдовство, верования в «потусторонний мир», паранормальные явления, шаманизм, экстрасенсорика, и др. В свою очередь, оккультизм является разновидностью эзотеризма. Эзотеризм же — «...это тайное знание «подлинной» сути вещей, скрытых истин, передаваемых чаще всего устным путем и лишь постепенно небольшой группе людей, которые обычно получают посвящение от тех, кто уже обладает этим знанием» [Тирикьян, 2013].

Наиболее востребованными среди населения, являются: прикладной и практический оккультизм, как то: хиромантия, магнетизм, графология, телепатия, ясновидение и т.д. Большой популярностью также пользуется «подлинность, приход к истокам», т.е. так называемый народный оккультизм: гадания, сонники, травники, оракулы.

Оккультные учения более высокого порядка, нашли себе почву, прежде всего, в среде интеллигенции, которая в противопоставление

Церкви и Науке, ищет другие пути познания. «Посвященных» представителей интеллигенции, в том числе, интересуют тайные знания, такие как: каббала, магия, астрология, алхимия, а также проявления высшего оккультизма: теургия, тавматургия и психургия, цель которых в достижении высшей ступени сознания.

В представлениях «посвященной» части интеллигенции, паракультура — не порождение зла и ущербного существования, а знания и силы, дающие возможность обрести «истинное знание», «истинную свободу», «духовное самосовершенствование», но и «сверхспособности» и, соответственно, «власть». Кроме того, паракультура рассматривается как источник вдохновения для творчества и как возможность отрицания традиционных религиозных и культурных ценностей [см. Мирча, 2002].

В то же время, народное увлечение различными проявлениями прикладного оккультизма, представляется просвещенными гражданами, как возврат в «темное средневековье», деградация и одурманивание населения. Широкая популяризация оккультизма дает возможность экономической и психологической эксплуатации населения. В рамках современной научной парадигмы, проявления паракультуры — это шарлатанство и зло. Хиромантия, магнетизм, телепатия, ясновидение и т.д. не ориентированы на достижение гуманистического идеала совершенной личности, они эксплуатируют пороки людей, их страхи, жажду наживы, смерти, мести, и их некомпетентность.

В принципе, оккультизм и его проявления, не признает ни религия, ни наука. С научной точки зрения, различные паранормальные явления, не объяснимы и признаются шарлатанством. По мнению религиозных авторов, увлечение оккультизмом является потаканием своим страстям, отрицанием смирения и подчинения, стремлением уподобиться Богу и т.п., что интерпретируется как грех.

Глобальное распространение паракультуры исследователи связывают со сложным социально-экономическим положением, идеологическим вакуумом, разочарованием в догматах, предлагаемых традиционными религиями. Всплеск интереса к оккультизму объясняют ростом неопределенности и непредсказуемости, экзистенциального одиночества человека перед потоком проблем, отчуждением от природы, разочарованием в рациональной, научной картине мира, поисками божественного предназначения человека и т.д. Кроме того, современные технологии и лежащие в их основе достижения науки, воспринимаются в массовом сознании как магия, как чудеса, поскольку люди не могут объяснить и понять принцип их работы.

Необходимо подчеркнуть, что «оккультный ренессанс» происходит также намеренно, благодаря манипулятивному воздействию на сознание людей посредством медиакультуры. Распространение веры в оккультизм, колдовство осуществляется через Интернет, здесь, например, насчитывается более 27 миллионов эзотерических сайтов, согласно статистике поисковой системы «Google».

Одурманивание происходит и с помощью телевидения (ТВ-3, РЕН ТВ, Первый Мистический и т.д.), телевизионных шоу («Битва экстрасенсов», «Слепая», «Знаки судьбы» и т.д.), периодических изданий («Оракул», «Тайная власть», «Секретные материалы», «Тайна жизни») художественных фильмов и сериалов, игр, в коммерческих и властных интересах истеблишмента.

По мнению исследователя Рыжова Ю.В. всплеск интереса к оккультизму и эзотерике характерен для переходных периодов, во время глобальных социокультурных изменений, и в настоящее время мы ощущаем нечто подобное. Рыжов Ю.В. выделяет «три волны» (рубеж XIX — XX вв; 1960-70 гг. XX века; современная стадия с 1990-х гг.) подобной популярности оккультизма, эзотеризма и магии (в его концепции «новой религиозности») [см. Рыжов, 2006].

Так, на рубеже XIX — XX вв. в среде русской интеллигенции, как и среди западных интеллектуалов, наблюдается тотальное увлечение оккультными науками. Во-первых, значительное влияние оказали торжество рационализма и научно-технического прогресса и вместе с тем, отрицание традиционных религиозных догматов и как следствие поиски истинного знания о Боге, о природе и человеке, во-вторых, в силу того, что образованное российское общество всегда ориентировалось на западные тенденции, в том числе радикальные.

В частности, «К 1910 году число спиритических кружков перевалило за три с половиной тысячи, из которых не менее тысячи функционировали только в Петербурге. Основной контингент последователей учения составлял, разумеется, служебный и чиновный люд — 53%, в меньшей степени сельские жители — 27%, лица свободных профессий — 12% и духовенство — 8%» [Первушин, 1999]. По свидетельству польского историка Людвика Хасса только к 1913 году в России насчитывалось около 40 масонских лож общей численностью до 400 человек, помимо которых, было еще много различных тайных обществ оккультного характера. Расцвет оккультизма достиг такого размаха, что и представители интеллигенции, и представители известных дворянских фамилий, были участниками тайных оккультных обществ и обращались за советами, в том числе государственного масштаба, к местным пророкам и провидцам.

По мнению Аксючица В.В., «...вдруг родившаяся русская интеллигенция и появилась, отрицая Церковь, изначально включившись в западные мистические поиски истинного христианства, абстрактных общечеловеческих идеалов, тем самым разрушая национальные православные ценности» [Аксючиц, 2010].

Следующий всплеск интереса к паракультуре происходит в 50-е — 60-е гг. XX века, уже в Советском Союзе. Оккультные практики, вера в парапсихологию, палеоконтакты, астрологию, по-прежнему, наиболее активно распространяются не в среде малообразованного населения, но, среди интеллигенции.

На Западе в это время торжествует культура new age, как часть антикапиталистического, антиматериалистического и, наконец, антипозитивистского и, в очередной раз, антиклерикального движения. При этом здесь паракультура с магическими и эзотерическими практиками распространяется в рамках популярной культуры.

В нашей стране распространением оккультных учений занимается интеллектуальная элита. «Новый приход» «посвященной» интеллигенции в 1950-е гг. в СССР, связан с тем, что интересующимся стали доступны труды классиков русского оккультизма: Е. Блаватской, Г. Гурджиева Н. Рериха и т.д. В нашей стране, оккультизм носил «полузапрещенный характер», по мнению И.В. Кукулина, приход new age, а вместе с ним очередное возрождение оккультизма, наряду с подпольно распространяемым самиздатом, провоцируют научно-популярные журналы, которые выходят миллионными тиражами [см: Неизбежность..., 2017]. В советских научно-популярных журналах: «Наука и жизнь», «Наука и религия», «Знание — сила», «Техника молодежи», систематически публиковались оккультнистские и эзотерические материалы под видом последних достижений науки или «очевидного невероятного».

Исследователь пишет о том, что в Советском Союзе, в том числе, проводились научные эксперименты, связанные с оккультизмом, в рамках официальной научной системы, когда подобные эксперименты на Западе, посчитали бы паранаучными.

Нужно отметить, и несколько иное отношение к паранормальным способностям в СССР. В рамках советской догматики, они воспринимались, как способность преодолеть границы человеческих возможностей, преодолеть силы природы, покорить ее, скажем так, утилитарно. Ну, и, естественно, вера в чудесное, тайное, как возможность эскапизма для интеллигенции, в условиях серой советской действительности.

Поскольку, с точки зрения Кукулина И.В., тотальная идеологизация культуры и науки в 30-х-40-х гг. привела к значительному размыва-

нию критериев научности, информация о разного рода паранормальных способностях, инопланетянах и о научных открытиях в средствах массовой информации «стыкуется «без швов» [См: Неизбежность..., 2017]

Неискушенный советский человек полностью доверял массмедиа в условиях тотального дефицита информации, и, фактически, не в состоянии определить разницу между наукой и магией. Так, например, по советскому телевидению периодически транслировали возможности гипноза, индийской йоги, «умной воды» и т.д.

Но, тем не менее, увлечение определенных групп интеллигенции оккультизмом, не позволило разрушить систему убеждений, утверждающих торжество научного знания в Советском Союзе.

Подобная популяризация паранауки привела к тому, что, в более позднее постсоветское время, как только стал возможным информационный плюрализм, средства массовой информации заполнили различные знахари, целители, колдуны, которые позиционировались как вполне признаваемые официальной наукой и государством.

В 1989 г. Центральное телевидение выпустило цикл передач «Сеансы здоровья врача-психотерапевта Анатолия Кашпиоровского», которые привлекли миллионы советских граждан. С того момента, паракультура выходит наружу, практический оккультизм фактически легализуется. Информационное пространство перенасыщено сообщениями о чудесном исцелении, решении всех экзистенциальных проблем, успехах в бизнесе, благодаря магическим действиям волшебников.

Российское общество оказалось не готово к адекватному восприятию паракультурного засилия, причем не только на уровне рядовых граждан, но и на уровне интеллектуальных и властных элит. Неизбирательность и неискушенность в восприятии информации нескольких поколений россиян, привели к некритичному принятию продуктов паракультуры как «должного».

Конечно, здесь кроется и добросовестное заблуждение интеллектуальных и властных элит, но и явная их ангажированность. С одной стороны, существует проблема конвенциональности, иные эзотерические теории имеют вполне наукообразный вид, в то время как признанные наукой концепции, строятся на умозрительных заключениях, неподтвержденных экспериментальными данными. С другой стороны, паракультура — есть известный и прибыльный способ «честного отъема денег у граждан» и, если россияне потребляют на рынке оккультных услуг различных предложений на сумму более 2 млрд. рублей, существование и активное продвижение различных паракультурных проявлений, вполне понятно.

Печально видеть, как представители властных и культурных элит, а также представители научной интеллигенции, становятся адептами

сомнительных учений и культов, выступают в роли экспертов, авторитетно подтверждающих действительность оккультных сил, паранормальных способностей и т.д. в средствах массовой информации. В российских вузах открываются кафедры теологии, защищаются диссертации по теологии, участие в подобных проектах, особенно научной интеллигенции, множит мракобесие и среди интеллигенции и тем более среди других социальных групп.

Массовое распространение паракультуры привело к тому, что возникла идея государственного регулирования отрасли. В частности, государством фактически легализована деятельность астрологов и медиумов, поскольку упоминается как «прочие персональные услуги, не включенные в другие группировки» в Общероссийском классификаторе видов экономической деятельности (ОКВЭД) Код 96.09. Периодически возобновляются попытки внесения законопроектов в Государственную Думу о лицензировании оккультно-магической деятельности. Предлагается создать реестр лиц со сверхъестественными способностями.

Главная опасность в том, что подобная вседозволенность в производстве и распространении паракультурной информации, нивелирует устойчивые общественные представления о «добре» и «зле». Представителей научного сообщества, занимающихся популяризацией научных знаний мало, адекватной информации по многим научным направлениям в широком доступе не хватает. Существует огромная проблема в представлении «научной картины мира», которая сформирована научным сообществом и пока еще распространяется посредством системы образования, и картиной мира, формирующейся у населения как «научная» средствами массовой информации.

Конечно, не все представители интеллигенции включены в создание «новой реальности», особенно научная интеллигенция вынуждена заниматься борьбой с мракобесием. В частности, с 1998 года в России действует Комиссия РАН по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований, которая, в том числе, занимается публичной критикой верований в существование паранормальных явлений, астрологии, уфологии и т.д. Существуют просветительские сообщества и фонды, отдельные представители просвещенной интеллигенции, занимающиеся популяризацией науки и дискредитацией паракультурных явлений. Борьба с мракобесием ведется и в массмедиа. Например, значительную лепту в борьбу с паракультурой, внес документальный фильм Бориса Соболева «Идущие к черту», вышедший на канале «Россия» в январе 2019 года, это серьезное журналистское расследование, в котором разоблачаются тайны шоу экстрасенсов, ма-

гов, целителей, беспринципно обманывающих российское население. Существуют различные научно-популярные Интернет-ресурсы, пропагандирующие научную картину мира. Уже 3 года подряд просветительским фондом «Эволюция» проводится «Слет Просветителей» для профессиональных популяризаторов науки, ежегодно организуется форум «Ученые против мифов», и, в том числе, с 2016 г. присуждается юмористическая антипремия за выдающийся вклад в развитие и распространение лженауки и псевдонауки «Почетный академик ВРАЛ» («ВРУнической Академии Лженаук»). Но борьба пока ведется с переменным успехом.

Список литературы

- Ислюцич В.В. Миссия России. Издательство: Белый город, 2010 г. С. 12.
- Балагушкин Е.Г. Нетрадиционные религии в современной России: морфологический анализ. Большой энциклопедический словарь русского языка. Гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 1998.
- Исупов С.А., Старателев Э.Ю. «Провинциальный интеллект» (Социально-философский диагноз) // // Провинциальная ментальность в прошлом и настоящем. Тезисы докладов I конференции по исторической психологии российского сознания (4-7 июля 1994 г., Самара). — Самара, 1994. с. 13-14.
- Мирча Э. Оккультизм, колдовство и моды в культуре — София, Гелиос, 2002.
- Неизбежность странного мира: почему new age и оккультизм очаровали советскую интеллигенцию // <https://indicator.ru/article/2017/09/25/intervyu-kukulini/> (Дата обращения 25.01.2019)
- Неронов А.В. Социологические исследования нетрадиционной религиозности. Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Том XII. № 1 // http://ecsocman.hse.ru/data/2010/04/28/1214163664/Neronov_2009_N1-13.pdf (Дата обращения 27.01.2019)
- Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. — М.: «Терра», 1990, С. 131-134.
- Носачев П.Г. Блеск и нищета «социологии оккультного»: теория оккультуры К.Партриджа. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. Вып.70. с. 110-126.
- Первушин А.И. Оккультные тайны НКВД и СС. М., Издательский дом: Олма-Пресс. Год издания: 1999.
- Предсказания, колдовство, спиритизм... — верить или не верить? // № 2964 | 30 октября 2015 <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115446> (Дата обращения: 20.12.2018)
- Россияне тратят на колдунов два миллиарда в год. На что гадают воротилы бизнеса и стоит ли лицензировать магию, рассказывают сами экстрасенсы // 1 октября 2017 // <https://svpressa.ru/society/article/182427/> (Дата обращения: 20.12.2018)
- Рыжов Ю.В. Ignoto Deo: Новая религиозность в культуре и искусстве. — М.: Смысл, 2006. с.26-28.

Савицкая, Т.Е. Постсовременный мир : изменение культурной парадигмы / Т. Е. Савицкая // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира = Global society: cartography of the post-modern world / Отв. ред. и сост. А. И. Неклесса; Редкол. А. И. Неклесса, Э. В. Сайко, И. Г. Яковенко. — М.: Вост. лит., 2002. — С.76-104.

Серебренников Н.В. Проблемы и перспективы русской провинциальной литературы. // -В.Новгород, Изд-во Новгородского гос. университета, 2000. с.7-8.

Сибрук Дж. Nobrow. Культура маркетинга. Маркетинг культуры, «Ад Маргинем Пресс», 2012 г., с. 74-77.

Тирикьян Э.А. К социологии эзотерической культуры// <https://cyberleninka.ru/article/n/k-sotsiologii-ezotericheskoy-kultury> (Дата обращения: 20.01.2019)

Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация». И.Т. Касавин. 2009.

Тощенко Ж.Т. Кентавр-проблема: опыт философского и социологического анализа. М.: Новый хронограф, 2011.

Сетевой человек в поисках смысла жизни¹

В поисках смысла жизни человек ранее обращался к персональному авторитету родителей, значимых взрослых, к собственному прожитому опыту, затем к ресурсам социальных институтов таких как религия, культура, образование. Сегодня у современного человека появилась возможность с выходом в Интернет искать ответы о смысле жизни среди тех групп и сетевых сообществ, где он присутствует. Эти горизонтальные связи порой оказываются сильнее окружающих реальных отношений.

Социальные сети, создаваемые онлайн-сообщества стали неотъемлемой частью повседневной жизни. Пользователи Интернета общаются в группах по интересам, проходят учебу и тренинги для профессионального роста, организуют политические протесты и флэшмобы, продвигают оффлайн- и инфобизнес. А также ищут эмоциональной поддержки в случае семейного конфликта, и специалистов в разных областях, даже занимаются публичной коллективной постановкой диагноза и оказывают нуждающимся первую психологическую помощь в непростых жизненных ситуациях. Социальные сети помогают человеку самому участвовать, а также наблюдать сограждан в актуальных остро текущих моментах политической и экономической жизни в условиях кризиса или межгосударственного конфликта, противоборства в гибридной информационной борьбе. Это дает возможность рефлексии в понимании стратегических и тактических действий, предпринимаемых политическим классом. Решается вопрос идентификации с какой-либо из конфликтующих групп как патриота или как либерала. Эти политические дискуссии тоже затрагивают вопрос о смысле жизни не только индивидуальной, но и смысла жизни коллективной, в рамках класса, нации, религии.

Инструментальный характер социальных сетей позволяет человеку, включенному в них, играть несколько ролей одновременно, свобод-

1. Переработанная и дополненная статья Уразалиевой Г.К. Сетевой человек в поисках смысла жизни // Смыслы жизни российской интеллигенции / РГГУ, Социолог. фак-т, Центр социолог. исследований. Под общей ред. Ж.Т. Тощенко. Редактор-составитель Д.Г. Цыбикова; М.: РГГУ, 2018. С. 364-371.

но переключаясь между ними щелчком мыши, менять ник, аватарку, взгляды. Интернет явился отражением той раздробленности, которую представляет собой современная личность. [Дзялошинский, 2018].

Современная социогуманитарная наука занимается темой «смысла жизни» на полях психологии, философии, этики, социологии. В рамках парадигмы социологии жизни Ж.Т. Тощенко пишет, что смысловые основы жизненного мира: «отражают содержание, предназначение, стремление людей ориентироваться на достижение приемлемых и одобряемых ими целей-принципов...Приоритетной составляющей смысла жизни должно стать чувство гражданина и сознание того, что от тебя зависит жизнь, порядок, благополучие всех тех, кто составляет человеческое общество». [Тощенко, 2016].

Предметом смыслопорождающего субъекта становится не только реальный человек в системе социальных, общественных, групповых и межличностных отношений, но и человек, помещенный в искусственно созданную им же среду, а именно в социальных сетях и в сетевых сообществах. Это хорошо понимают авторы и конструкторы самих социальных сетей. М. Цукерберг выстраивает политику «Facebook», где с июня 2017 г. число зарегистрированных пользователей превысило 2 млрд. человек, а активных русскоговорящих пользователей по данным на 2014 г. — чуть больше 22 млн. С этим показателем Фейсбук находится в топе самых посещаемых сайтов Рунета, на 9 месте. По достижению такого внушительного количества пользователей М. Цукерберг объявил о смене миссии на ближайшие десять лет: «Дать людям возможность строить сообщество и достичь большего единства в мире, где у каждого человека будет смысл в жизни и чувство принадлежности к социуму» [Zuckerberg, 2017]. И это правильная стратегия, ибо эти смысловые проблемы волнуют многих. Например, поисковая система Яндекс на запрос «смысл жизни» выдает 52 млн, а на «сетевой человек» 56 млн. результатов, при 2583 показа в месяц. Как видно, эти два концепта весьма популярны.

Какими же характеристиками обладает условно названный «сетевой человек»? Структуры сетевых сообществ разнятся в зависимости от технических ограничений онлайн-платформ и тематики сообществ, однако исследователи предположили, «что даже внутри одной онлайн-платформы и внутри одной тематики структура может различаться в зависимости от целей сообщества» [Рыков и др., 2017]. В статье я задаюсь вопросом: можно ли проследить соответствие между целями и структурой онлайн-сообщества, а именно групп в «Фейсбуке» и «Майл.ру», объединенных темой смысла жизни? Социологи полагают, что практику объединения людей Интернет отчасти уже

выполнил, и сейчас переходит к совсем другим функциям. Это видно на примере анализа теории диффузии инноваций, которая говорит, что когда изобретается что-то новое, у этого явления или предмета появляются первые, а затем многочисленные последователи, измеряемые уже миллионами. В результате все без исключения пользуются гаджетами и соцсетями. Эта концепция не учитывает, что многим людям не нравится кумулятивный эффект этих новшеств, производимый на их жизнь. Люди не поспевают за бурными изменениями и ощущают усталость от инноваций. «Помимо быстрого распространения, технологии в какой-то момент начинают ограничиваться. Необходимость соединять людей, о которой вы сказали, сменяется необходимостью отгораживать их, замыкать в небольшие группы. Сейчас мы видим второй из этих процессов» [Колозариди, 2017].

Сетевой подход, сетевой анализ, анализ социальных сетей еще не стал мейнстримом современной социологии, но лидирует в прибавлении интереса к тематике из-за реального возрастания сетевизма в жизни современных обществ. Термин «сетевой человек» вошел в обиход повседневной жизни, становится предметом научных исследований, приблизился к порогу его концептуализации. Попытку привлечь к этой работе студентов-социологов СФ РГГУ я начала в учебном курсе «Методика преподавания социологии». Виртуальной площадкой для выполнения домашних заданий стал мой блог «Сетевой человек», созданный на платформе Вордпресс 9 ноября 2011 г. На протяжении шести последних лет в рамках учебных курсов студенты выполняли домашнее задание написать в блоге свои ответы на вопрос «Кто есть сетевой человек? Могли бы себя назвать таковым?» [Уразалиева, 2017].

С 2011 по 2017 г. ответы в блоге разместили 181 студент, среди которых подавляющее большинство девушки. Только 4 студента, написали, что себя сетевым человеком назвать не могут. Подавляющее большинство — 97,8% назвали себя таковым. Какие характеристики ими перечислены в пользу данной самоидентификации? В первую очередь студенты так себя маркируют из-за постоянного использования сети Интернета в связи со своими разными потребностями: «Я думаю, что могу назвать себя сетевым человеком. Я каждый день ищу что-либо в сети, общаюсь через социальные сети, слушаю музыку и узнаю погоду. Интернет заменяет мне телевизор, именно через него я узнаю о новостях, о том, что происходит в мире. Через мировую сеть я могу узнать, то чего не знала ранее, увидеть то, что возможно никогда бы не смогла увидеть в живую» [Уразалиева / Шеккер, 2017]. Сетевой человек использует сеть интернет для поис-

ка информации, общения, работы, нахождения контактов и бизнеса. У такого человека происходят важные социальные изменения в межгрупповых отношениях: «Интернет разрушил определенную стену между людьми, даже между разными социальными группами, которые до этого существовали в своем более замкнутом мире и общались преимущественно друг с другом. Раньше можно было встретить людей, у которых есть чаты школы, нянечек и т.д., то сейчас, количество подобных чатов в таких мессенджерах как «Телеграмм» и «Вотсап» может достигать огромных цифр! Я знаю человека, у которого таких чатов 54 штуки, из которых штук 40 — по работе. Вот уж действительно — сетевой человек» [Уразалиева / Подольская, 2017]. Оправданным и правильным явился взгляд, что нельзя «сетевым» человека называть только из-за Интернета. Это эффект пребывания в сетях известен давно: «Я не привязываю сетевого человека только к Интернет. Сети существуют со времен существования человека, но они не такие видимые, как Интернет... По моему мнению, сетевым человек является изначально, Интернет лишь усовершенствовал уже существующую сеть с применением новых технологий [Уразалиева / Моргунова, 2011]. Студенты пишут, что сетевыми людьми у них являются три поколения родственников: «Я сетевой человек, мои друзья, тоже, мои родители, и даже мой дедушка (а ему в следующем году исполняется 80 лет)... Он играет в шарики на своём айпаде и, казалось бы, какой тут сетевой человек?! Но нет, ещё он играет в шахматы, играет с другими людьми со всего мира — онлайн и да, для него это важный опыт, ведь очень часто по месту жительства невозможно найти достойных и интересных противников, а в сети их хоть отбавляй!» [Уразалиева / Журавлева, 2016].

Ясно, что самоопределившиеся пользователи как сетевые люди могли выйти на тему и смысла жизни в условиях ее удвоения через виртуальную реальность. Поискав информацию в Фейсбуке с хештегом #смыслжизни нашла 93 сообщества. К первой самой многочисленной группе с профессиональной ориентацией относится «Спорт как смысл жизни», где в одном сообществе состоит 4800 чел. а в других с указанием конкретного вида спорта — футбола (51 чел.), конного спорта (12 чел.), карате (94 чел.). На второе место, связанное с профессиональной ориентацией, вышли онлайн-сообщества искусства: это музыка и поэзия. Любопытно, что в онлайн сообществах «смысл жизни — музыка» лидирует молодежное субкультурное направление: «смысл жизни — мемы», которое насчитывает 6 тыс. результатов поиска в «Яндексе». Вот, например, что поет певец под ником ДК СМН: «Мне двадцать, ничем не хочу заниматься. Смысл жизни — мемы, мемы, мемы».

Второй многочисленной группой с ориентацией на профессиональный статус стала следующая: «Смысл жизни — это ислам» (3700 участников). Есть еще с таким же названием, но там только 199 чел. Третьей группой, связанной с поисками и артикуляцией смысла жизни, стали семья, дети, любовь, счастье, где набралось 12 групп с 484 участниками. Есть также группы с акцентом на нравственные категории: добро (577 чел.), смысл жизни — душа (131 чел.). Оставшиеся сообщества демонстрируют разные маркеры смыслопорождения — это всемирная идея, бизнес и парфюмерия, эволюция, экспансия — вот в чем смысл. Остальные паблики просто назывались «смысл жизни», в которых состоят от 2-3 человек до нескольких десятков.

Как мы видим, социальная сеть является площадкой, где вопросы смысла жизни сопоставляются с самыми разными аспектами повседневности человека. Например, Яндекс выдал 69 млн результатов на поиск такого словосочетания «смысл жизни и деньги». В одной из групп на тему финансов пишут так: «Мы все стали заложниками денег. Какие бы мы не говорили высокие слова о смысле жизни, а деньги все равно выходят на первое место. Без них сейчас никуда, начиная с роддома и заканчивая похоронами. Если раньше люди что-то делали своими руками, что-то сами выращивали, то сегодня нас приучили жить по-другому. Миром правит бизнес, у которого главное — это прибыль. И поэтому даже когда нам дают зарплату, но при этом любыми способами хотят ее забрать обратно. Придумывая нам разные новые уловки. Людям внушают новые товары, услуги, кредиты без которых мы просто не сможем жить, а мы и ведемся, веря рекламе. И все это нас затягивает все больше, мы все больше тратим, не замечая, что становимся рабами денег» [Деньги — смысл жизни, 2015].

Почему социальные сети стали такой важной площадкой, где выясняются вопросы смыслопорождения и смыслоутраты в жизни? Это свидетельство того, о чем говорил советский философ Э. Ильенков, что «личность не внутри тела особи, а внутри «тела человека», которое к телу данной особи никак не сводится, не ограничивается его рамками, а есть «тело» куда более сложное и пространственно более широкое, включающее в свою морфологию все искусственные «органы», которые создал и продолжает создавать человек (орудия и машины, слова и книги, телефонные сети и радиотелевизионные каналы связи между индивидами рода человеческого), то есть все то «общее тело», внутри коего функционируют отдельные индивиды как его живые органы». [Ильенков, 1984: 332]. В наше время уже не только радио-

телевизионные сети, но Интернет и социальные сети с разветвленными внутри них сообществами являются тем самым «общим телом» человека, где, перефразируя Маркса, можно сказать, что он является «раскрытой книгой человеческих сущностных сил». Именно в логике Маркса и Ильенкова социальные сети, в которых регулярно пребывает человек, являются опосредствующим звеном между двумя человеческими индивидами, местом общения, где происходит смыслопорождение жизни и отрицание смерти.

Приведу пример из форума Леди.ру, где каждый день появляется новая тема обсуждения. Я нашла там текст одинокой женщины, посвященный вопросу утраты смысла жизни и ее желанием покончить с таким бессмысленным существованием. На ее пост появилось 609 комментариев. Эта публичная дискуссия натолкнула тех, кто там оказался случайно, на вопросы и смысла своей жизни, не только автора. Цитата дана по частям, по логике изложения и выделения опорных пунктов в поисках утраченного смысла в жизни. Автор аноним, что в интернете допустимо. Итак, первая названная причина утраты смысла жизни называется усталость от нее: «Я устала от жизни. Есть жизнь, а есть существование. У меня второй вариант» [Имеет ли право человек? 2017] Автор пишет, что никаких подозрений в психическом расстройстве не должно быть, также как нет у нее депрессии. Решение не спонтанное, оно обдуманное: «Просто продолжать дальше не вижу смысла. Твёрдое и взвешенное решение, совершенно хладнокровное. Я, уставшая от жизни тетка, 45 лет». Женщина пытается найти и предъявить аргументы в своем решении уйти от бессмысленного существования. Она описывает свой жизненный путь, который к 45 годам привел к полной потере смысла: «Семья нет, был развод 8 лет назад из-за моей неспособности иметь детей (неизлечимо, врожденное, никакого шанса, мои яичники не производят яйцеклетки)». Обесмысливает ее жизнь в первую очередь распад бездетной семьи. Профессиональный якорь в виде успешной карьеры тоже отсутствует: «Карьеры нет, сижу на мизерном окладе, т.к. интеллект ниже среднего, память и внимательность тоже не обо мне, бывают тупые люди, это не их вина, это их беда, я из них». В качестве подушки безопасности или спасительного якоря могли бы быть воспоминания о счастливом детстве, но и тут не к чему обратиться: «С детства букет болячек, я из семьи алкоголиков и по голове я получала чаще, чем ела». Дурная наследственность семьи алкоголиков тоже способствует такому решению, как полагает автор. Драматическое событие в 42 года еще сильнее утвердили во мнении, что хроническая болезнь, приведшая к операции, лишь отягощают ее положение: «3 года назад отрезали ногу, диабет».

Автор полагает, что окажись она талантливым человеком, то смысл мог бы появиться: «Талантов нет, вообще. Ради справедливости скажу, что я много раз пыталась выбраться из ямы, не вышло, я из когорты хронических неудачников». В русской культуре бытует мнение, что характер — это судьба, что легкий характер — это как дополнительный бонус. Такая логика присуща и рассуждению автора: «Плюс интроверт, в социуме мне тяжело». Важнейшим фактором для жизни является возможность ее обеспечивать на достойном уровне. Финансовое положение является фундаментом в жизни каждого. У автора складывается вот так: «Постоянное безденежье, почти все уходит на лекарства (у меня ещё и СКВ)». В таких жизненных трудностях помощь могла бы оказывать семья, друзья, близкие родственники. Но у автора нет такой группы поддержки: «Родителей давно нет, родных тоже, есть, где то далекие, я их даже не знаю». Усугубляющим фактором называется место проживания, которое ведет к отчуждению: «Вот такая никчемная личность в городе многомиллионнике». Реакция виртуального окружения вызывает недоумение у автора: «Только почему логичный способ закончить это земное существование сразу вызывает кучу негатива и навешиваются ярлыки?». Женщина заочно вступает в давнюю философскую дискуссию о праве человека распоряжаться своей жизнью, невзирая на социальные нормы, моральные запреты и религиозные догматы. «Ведь жизнь человека принадлежит ему, а не окружающим». Заняв такую позицию индивидуального самостоятельного выбора продолжать жизнь или нет, автор все же хватается за соломинку. И такой соломинкой оказывается виртуальная площадка форума Майл.ру, куда был размещен ее пост: «Честно, мне все же немного не хватает решимости, может поэтому ещё и куда-то пишу и за что-то цепляюсь. Вот такой сумбур...» [Имеет ли право человек? 2017].

Этот паблик своеобразный крик о помощи, но не человека в пустыне, а пользователя сети Майл.ру. И он оказался услышан читателями блога Леди.ру. На ее пост о желании покончить с бессмысленной жизнью многие отозвались размышлениями, советами, поддержкой и комплиментами. Это 690 откликов, где все читатели блога Леди.ру, проявляют свое отношение, дают советы сравнить свое положение с теми, кому значительно хуже, чем этой женщине. Они думают, что если автор так грамотно пишет, то может найти новый смысл в своей жизни. Другие выражают недоверие, считая этот пост просто казенным. Но в рассуждениях о смысле жизни они находят причины, чтобы в любом случае остаться в живых, не идти на суицид. Кем бы эта статья не была написана, просто отчаявшимся человеком, или

каким-то провокатором темы, кому важны ответы с исследовательской целью, вывод таков, что тема «смысл жизни» весьма актуальна. Отвечая на эти вопросы, сетевой человек остро чувствует проблему выбора жизнеутверждающей философии, что жить надо, несмотря на все тяготы. Читатели вряд ли разделяют позицию Достоевского и его героя Раскольников, вопрошающего: «тварь я дрожащая или право имею?». Человек не только чужую жизнь не имеет права отнять, но и свою. Посягнуть нельзя, даже при кажущейся утрате смысла жизни, ибо только в ней он и есть.

Список литературы

- Дзялошинский И.* «Интернет, постмодернизм, сетевой человек — что с нашими ценностями?»: публичная лекция [Электронный ресурс] URL <https://monocler.ru/internet-postmodernizm-setevoy-chelovek/> (дата обращения 15.01.2018)
- Деньги — смысл жизни? Смысл денег в жизни человека? [Электронный ресурс] URL <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/1505637-dengi-smysl-zhizni-smysl-deneg-v-zhizni-cheloveka.html> (дата обращения 8.02.2018)
- Ильенков. Э. В.* Что же такое личность? // «С чего начинается личность». Москва, 1984. С.319–358.
- Имеет ли право человек сам распоряжаться своей жизнью и смертью? [Электронный ресурс]. URL https://lady.mail.ru/forum/topic/imeet_li_pravo_chelovek_sam_rasporjazhatsja_svoej_zhiznju_i_smertju/ (дата обращения 18.01.2018)
- Колозариди П.* «Соцсети и интернет: взгляд социолога» [Электронный ресурс] URL <http://arzamas.academy/materials/955> (дата обращения 20.12.2017)
- Рыков Ю. Г., Кольцова О. Ю., Мейлахс П. А.* Структура и функции онлайн-сообществ: сетевая картография ВИЧ-релевантных групп в социальной сети «ВКонтакте» // Социологические исследования. 2016. №8. С. 30–42.
- Уразалиева Г. К.* «Сетевой человек» Блог Гульшат Уразалиевой [Электронный ресурс] URL <http://gulshaturazalieva.blogspot.ru/2017/10/blog-post.html#comment-form> (дата обращения 07.02.2018)
- Тощенко Ж. Т.* Смысл жизни: опыт анализа с позиций социологии жизни Социологические исследования. 2016. № 11. С. 3-14 // [Электронный ресурс] URL <http://socis.isras.ru/article/6428> (дата обращения 12.01.2018)
- Zuckerberg Mark* Миссия Фейсбука на 10 лет [Электронный ресурс] URL <https://www.facebook.com/zuck/posts/10103818116031661> (дата обращения 18.01.2018)

Авторы монографии

- Баранова Галина Васильевна**
доктор социологических наук, профессор Академии ФСО России (г. Орел)
- Белова Наталья Ильинична**
кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва)
- Буланова Марина Борисовна** – доктор социологических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва)
- Вдовиченко Лариса Николаевна** – доктор социологических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва)
- Великая Наталия Михайловна** – доктор политических наук, профессор, декан социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва)
- Возьмитель Андрей Андреевич** – доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (г. Москва)
- Воробьева Ирина Владимировна** – кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва)
- Галкина Мария Михайловна**
преподаватель Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва)
- Гришина Елена Александровна**
доктор социологических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва)
- Диманс Сергей Леонидович**
кандидат экономических наук, доцент Московской государственной академии физической культуры (г. Москва)
- Добрынина Марина Ивановна**
доктор социологических наук, профессор Бурятского государственного университета (Улан-Удэ, Россия)
- Колесникова Елена Михайловна**
кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора социологии профессий и профессиональных групп Института социологии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (г. Москва)
- Колосова Елена Андреевна**
кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории социологии, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)
- Кученкова Анна Владимировна**
кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва)
- Левичева Валентина Федоровна**
доктор философских наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва)

Лучихина Лариса Федоровна
старший преподаватель кафедры
иностраных языков технических
факультетов Новосибирского
государственного технического
университета (г. Новосибирск)

Милованова Марина Юрьевна
кандидат исторических наук,
доцент Российского
государственного гуманитарного
университета (г. Москва)

Михайлова Оксана Рудольфовна
стажер-исследователь Центра
исследований современного детства
Института образования Национального
исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (г. Москва)

Осинский Иван Иосифович
доктор философских наук,
профессор Бурятского
государственного
университета (Улан-Удэ, Россия)

Попова Ирина Петровна
кандидат социологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института социологии Федерального
государственного бюджетного
учреждения науки Федерального
научно-исследовательского
социологического центра Российской
академии наук (г. Москва)

Солодников Владимир Владимирович
доктор социологических наук, профессор
Российского государственного
гуманитарного университета (г. Москва)

Тартыгашева Галина Владимировна
доцент кафедры теории и истории
социологии Российского
государственного гуманитарного
университета (г. Москва)

Тощенко Жан Терентьевич
член-корреспондент РАН, зав. кафедрой
теории и истории социологии Российского
государственного гуманитарного
университета, главный научный сотрудник
Института социологии Федерального
государственного бюджетного
учреждения науки Федерального
научно-исследовательского
социологического центра
Российской академии наук (г. Москва)

Уразалиева Гульшат Кулумжановна
кандидат философских наук, доцент
кафедры теории и истории социологии
Российского государственного
гуманитарного университета (г. Москва)

Цапко Мирослава Сергеевна
кандидат культурологии, доцент
Российского государственного
гуманитарного университета (г. Москва)

Шевченко Ирина Олеговна
кандидат исторических наук, доцент
кафедры теории и истории социологии
Российского государственного
гуманитарного университета (г. Москва)

Яковенко Андрей Вячеславович
доктор социологических наук,
профессор кафедры социологии
и социальных технологий Луганского
государственного университета
имени Владимира Даля (г. Луганск)

ПРИЛОЖЕНИЕ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ПУБЛИКАЦИЙ ПО МАТЕРИАЛАМ КОНФЕРЕНЦИЙ

НАУЧНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ «ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

Данный исследовательский проект был создан в 1999 г. в Российском государственном гуманитарном университете под руководством члена-корреспондента РАН, доктора философских наук, профессора Ж.Т. Тощенко. Этот проект предусматривал проведение систематических социологических исследований в рамках теоретической концепции «социология жизни», публикацию статей преподавателей и аспирантов в общероссийских научных журналах, в том числе в «Вестнике РГГУ» (Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»), выступления на международных, российских и региональных (университетских) научных конференциях, подготовку курсовых, дипломных (с 2015 г. выпускных) работ. Одним из важнейших показателей реализации этого проекта стало проведение ежегодных международных теоретико-методологических конференций с публикацией этих материалов.

I КОНФЕРЕНЦИЯ

Ценностная и социальная идентичность российской гуманитарной интеллигенции: тезисы всероссийской теоретико-методолог. конф., 26–27 апр. 2000 г., Москва / под ред. Ж.Т. Тощенко; сост.: Козлова О.Н., Левичева В.Ф. — Москва: РГГУ, 2000. — 160 с. (*Интеллигенция и современность. Вып. 1*).

Новаторство материалов сборника связано с несколькими моментами. Во-первых, мы хотели бы сосредоточить внимание на гуманитарной интеллигенции, ее судьбах, ее истоках и перспективах. Во-вторых, мы хотели бы обсудить жизнь людей, избравших своей специальностью гуманитарные науки, во всем их жизненном пространстве — от студенческой скамьи до вершин профессионального мастерства. В-третьих, не ограничиваться только проблемами учебно-педагогической и науч-

ной деятельности, а рассмотреть гражданскую позицию гуманитарной интеллигенции в ее взаимоотношениях с властью, с другими официальными структурами. И наконец, определенный интерес представляет аспект жизни университетской интеллигенции, ее заботы по реализации своих учебных и научных целей.

II КОНФЕРЕНЦИЯ

Социальный статус и имидж гуманитарной интеллигенции: сб. статей по материалам научных конференций «Социальный статус и имидж гуманитарной интеллигенции: иллюзии и реальность», РГГУ, 13-14 марта 2001 г.; «Интеллигенция и молодежь: право на лидерство и идеалы», РГГУ, МГСА, 21 марта 2000 г. / под ред. Ж.Т. Тощенко; сост.: Козлова О.Н., Левичева В.Ф.; РГГУ, Философ. фак. Отд-ние социологии, Центр социолог. исследований, МГСА, НИЦ ИМ. — Москва: РГГУ, 2001. — 321 с. (*Интеллигенция и современность. Вып. 2*).

Во втором выпуске сборника статей рассматриваются проблемы социологического определения социального статуса гуманитарной интеллигенции, отражения ее образа и положения в общественном мнении. К анализу данного круга проблем обращаются не только социологи, но и исследователи-гуманитарии из России, Польши, Беларуси. Сопоставление подходов, складывающихся в разных национальных школах, позволяет полнее увидеть многогранность поднятых вопросов.

III КОНФЕРЕНЦИЯ

Жизненные стили и социальные практики интеллигенции: сб. статей по материалам научной конференции «Жизненные стили и социальные практики интеллигенции конца XX — начала XXI в.», РГГУ, 23–24 апр. 2002 г. / под ред. Ж.Т. Тощенко; сост.: Цапко М.С., Росляков А.Б.; РГГУ, Философ. фак., Отд-ние социологии, Центр социолог. исследований. — Москва: РГГУ, 2002. — 300 с. (*Интеллигенция и современность. Вып. 3*).

Сборник статей посвящен междисциплинарному анализу гуманитарной интеллигенции как элемента социальной структуры современного российского общества с целью методологического обогащения ее социологического видения. Внимание сосредоточено на следующих проблемах: проблемность самоидентификации интеллигенции; ангажированность

интеллектуальной; социально- статусные смещения — от интеллектуальной к сообществу интеллектуалов; жизненные стратегии молодой гуманитарной интеллектуальной; успешность в академической среде; фантомы поведения российской интеллектуальной; интеллектуальная в ситуации социальной эксклюзии.

IV КОНФЕРЕНЦИЯ

Интеллектуальная в обществе риска: сб. статей IV Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 27 марта 2003 г. / под ред. Ж.Т. Тощенко, А.И. Крухмалева, М.С. Цапко; сост.: Радов А.Г., Славин В.Н.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. — Москва: РГГУ, 2003. — 524 с. (*Интеллектуальная и современность. Вып. 4*).

Конференция посвящена теоретическому анализу альтернативных научных подходов по объяснению специфического положения интеллектуальной в условиях кардинальных социально-экономических и политических изменений. Осуществлено выявление тенденций трансформации социальной активности гуманитарной интеллектуальной, их оценки с точки зрения стратегической и тактической перспектив развития общества на основе как сбора статистического материала, так и использования качественных методов изучения социальной группы. Объяснена логика саморегуляции гуманитарной интеллектуальной, соотношение форм ее самореализации и характера социальных изменений; определены пределы роста и границы устойчивости гуманитарной интеллектуальной в современном обществе и условия сохранения ее качественной определенности.

V КОНФЕРЕНЦИЯ

Гражданские позиции интеллектуальной: «Камо грядеши?...»: сб. статей V Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 31 марта 2004 г. / под ред. Ж.Т. Тощенко, А.И. Крухмалева, М.С. Цапко; сост.: Радов А.Г., Славин В.Н.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. — Москва: РГГУ, 2004. — 359 с. (*Интеллектуальная и современность. Вып. 5*).

Осуществлен на основе междисциплинарного подхода анализ перспектив развития гуманитарной интеллектуальной как элемента социальной структуры современного российского общества с целью методологи-

ческого обогащения ее социологического видения. Внимание сосредоточено на следующих проблемах: «интеллектуальная и власть: ситуация после выборов», «интеллектуальная и СМИ: доступность информационных каналов диалога с обществом», «интеллектуальная и молодежь: сохранились ли ресурсы влияния?»

VI КОНФЕРЕНЦИЯ

Интеллектуальная собственность в гуманитарном измерении: сб. статей VI Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 6 апр. 2005 г. / под ред. Ж.Т. Тощенко, А.И. Крухмалева, М.С. Цапко; сост.: Радов А.Г., Анисимов Р.И., Круковская А.В.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. — Москва: РГГУ, 2005. — 296 с. (*Интеллектуальная и современность. Вып. 6*).

Изучение интеллектуальной собственности в гуманитарном измерении позволило выявить проблемы восприятия общественным сознанием гуманитарного знания. На основе теоретико-прикладных социологических исследований проанализированы и изучены механизмы трансляции, степень престижности и проблемы востребованности гуманитарного знания. Серьезное внимание уделено таким вопросам как результат гуманитарного исследования, качество и защищенность гуманитарного знания, ответственность ученого, коллективное и индивидуальное авторство.

VII КОНФЕРЕНЦИЯ

Ценности общества и ценности интеллектуальной: сб. статей VII Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 7 апр. 2006 г. / под ред. Ж.Т. Тощенко, А.И. Крухмалева, М.С. Цапко; сост.: Анисимов Р.И., Круковская А.В.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. — Москва: РГГУ, 2006. — 331 с. (*Интеллектуальная и современность. Вып. 7*).

Изучение проблемы соотношения ценностей общества и ценностей такой специфической социальной группы как интеллектуальная позволило осмыслить сущностные, актуальные и злободневные вопросы в современном российском обществе. На основе теоретико-прикладных социологических исследований проанализированы механизмы трансляции, позиционирования и репрезентации ценностей интеллектуальной. Серьез-

ное внимание уделено таким вопросам, как: состоится ли консолидация российской интеллигенции; универсальное и самобытное в ценностях российской интеллигенции; роль и функции интеллигенции в интеграции/дезинтеграции российского общества.

VIII КОНФЕРЕНЦИЯ

Интеллигенция в диалоге культур: сб. статей VIII Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 5 апр. 2007 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редкол.: Крухмалев А.Е., Великая Н.М., Буланова М.Б., Цапко М.С., Анисимов Р.И.; сост.: Круковская А.В., Анисимов Р.И.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. — Москва: РГГУ, 2007. — 510 с. (*Интеллигенция и современность. Вып. 8*).

В сборнике публикуются научные дебаты относительно роли интеллигенции в социокультурной жизни современного российского общества. Особое внимание уделено следующим вопросам: интеллигенция как субъект культуры (носитель и творец); интеллигенция как коммуникатор; формы межкультурного профессионального взаимодействия; роль интеллигенции в межэтническом диалоге; роль интеллигенции в межконфессиональном диалоге; новые роли интеллигенции в изменяющемся мире; место субкультур в духовной жизни общества.

IX КОНФЕРЕНЦИЯ

Интеллигенция и власть: сб. статей IX Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 3 апр. 2008 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редкол.: Крухмалев А.Е., Великая Н.М., Буланова М.Б., Цапко М.С., Анисимов Р.И.; сост.: Круковская А.В., Анисимов Р.И.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. — Москва: РГГУ, 2008. — 470 с. (*Интеллигенция и современность. Вып. 9*).

В данном сборнике статей дан анализ форм политической активности интеллигенции; видов участия интеллигенции в реализации политического проекта современности; власть — интеллигенция — народ: сотрудничество или противостояние; интеллигенция как фактор интеграции/дезинтеграции общества в политической жизни страны; ценность политики и политические ценности интеллигенции; поле политики и поле науки/образования: точки пересечения.

X КОНФЕРЕНЦИЯ

Интеллигенция в мире современных коммуникаций:

сб. статей X Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 2 апр. 2009 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редкол.: Буланова М.Б., Цапко М.С., Кондов Д.Ж., Росляков А.Б., Великая Н.М., Шевченко И.О.; сост. Анисимов Р.И.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. — Москва: РГГУ, 2009. — 432 с. (*Интеллигенция и современность. Вып. 10*).

В данном сборнике предпринята попытка осмыслить теоретико-методологические проблемы мира коммуникаций, его социальное значение, тенденции и направления его изменения. Также предприняты усилия разобраться с субъектами коммуникаций, которые представлены самыми различными ее представителями в процессе производства, распространения и потребления — политическими партиями и движениями, экономическими акторами, социальными группами, инициаторами сдвигов в области духовной жизни и культуры. Мир коммуникации полон проблемами его деформации, когда достижения человеческой мысли используются в интересах определенных своекорыстных групп. И, наконец, анализ мира коммуникаций остро поставил вопрос о позиции интеллигенции: с кем, какими методами, с какими убеждениями будут участвовать люди, которые претендуют на звание ведущих в мире интеллекта.

XI КОНФЕРЕНЦИЯ

Интеллигенция и идеалы российского общества:

сб. статей XI Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 31 марта 2010 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редкол. Буланова М.Б., Шевченко И.О., Кондов Д.Ж., Цапко М.С., Великая Н.М., Белова Н.М., Голосеева А.А., Хурумов С.Ю., Росляков А.Б., Маликова Н.Р., Анисимов Р.И., Орлова Л.А., Горбачева В.И.; сост. Анисимов Р.И.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. — Москва: РГГУ, 2010. — 730 с. (*Интеллигенция и современность. Вып. 11*).

В публикуемом сборнике основное внимание сосредоточено на следующих вопросах: каковы идеалы прошлого и настоящего: что исчезло, что модифицировалось, что зарождается; каким образом соотносятся идеалы и идеология в современном российском обществе; существуют

ли идеалы, способные объединить всех россиян, а также рассмотрены особенности социального, профессионального и нравственного выбора современного российского интеллигента.

XII КОНФЕРЕНЦИЯ

Интеллигенция в этноконфессиональном мире: пути выбора:

сб. статей XII Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 31 марта 2011 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редкол.: Анисимов Р.И., Буланова М.Б., Голосеева А.А., Кондов Д.Ж., Колосова Е.А., Маликова Н.Р., Уразалиева Г.К., Шевченко И.О., Цапко М.С.; ред. — сост. Анисимов Р.И.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. — Москва: РГГУ, 2011. — 600 с. (*Интеллигенция и современность; Вып. 12*)

В настоящем сборнике статей рассмотрены актуальные проблемы роли и позиции интеллигенции в решении чрезвычайно важных, острых и противоречивых проблем — этнических, конфессиональных или их комбинации в современном обществе, в первую очередь, в России. Особое внимание уделено анализу национальных и религиозных идей, их влиянию на решение назревших вопросов в современном этноконфессиональном мире. Значительное внимание уделено методологии и методике исследования этих проблем, учет особенностей которых влияет на точность и достоверность социологической информации.

XIII КОНФЕРЕНЦИЯ

«Новая» и «старая» интеллигенция: общее и особенное: сб. статей XIII Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 4 апр. 2012 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редкол.: Анисимов Р.И., Буланова М.Б., Великая Н.М., Майорова-Щеглова С.Н., Кондов Д.Ж., Колосова Е.А., Стрельникова А.В., Шевченко И.О., Цапко М.С.; ред.-сост. Цапко М.С.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. — Москва: РГГУ, 2012. — 480 с. (*Интеллигенция и современность. Вып. 13*).

Рассмотрены актуальные проблемы трансформации ценностного мира, а также ролей и функций интеллигенции, происходящих в современном обществе, в первую очередь, в России. Особое внимание уделено

анализу социальных практик и особенностей образовательной сферы как пространства реализации социокультурного потенциала этой специфической социальной группы. Значительное внимание уделено методологии и методике исследования этих проблем, учету особенностей, присущих как «старой», так и «новой» интеллигенции.

XIV КОНФЕРЕНЦИЯ

Организация и самоорганизация интеллигенции

в современном российском обществе: сб. статей XIV Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 2 апр. 2013 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редкол.: Анисимов Р.И., Буланова М.Б., Зотова В.А., Колосова Е.А., Майорова-Щеглова С.Н., Шевченко И.О., Цапко М.С., Цыбикова Д.Г.; ред.-сост. Цапко М.С.; РГГУ, Социолог. фак.-т., Центр социолог. исследований. — Москва: РГГУ, 2013. — 480 с. (*Интеллигенция и современность. Вып. 14*).

В настоящем сборнике дан анализ актуальных проблем деятельности интеллигенции в официально существующих и только становящихся государственных и негосударственных общественных организациях. Проанализированы роль, формы и способы участия российской и зарубежной интеллигенции в организациях различных сфер жизни общества: экономической, политической и духовной. В том числе рассмотрены новые механизмы гражданской и профессиональной самоорганизации. Особое внимание уделено предпосылкам и истокам самоорганизации интеллигенции, неудовлетворенности ее сложившимися организациями как не отвечающими потребностям времени.

XV КОНФЕРЕНЦИЯ

Интеллигенция: естественнонаучные, социальные

и гуманитарные знания на пути интеграции: сб. статей XV Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 1 апр. 2014 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редкол.: Анисимов Р.И., Буланова М.Б., Зотова В.А., Китайцева О.В., Колосова Е.А., Кученкова А.В., Тощенко Ж.Т., Шевченко И.О., Цапко М.С., Цыбикова Д.Г.; ред.-сост. Цапко М.С.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. — Москва: РГГУ, 2014. — 502 с. (*Интеллигенция и современность. Вып. 15*).

В настоящем сборнике статей рассмотрены актуальные проблемы интеграции естественнонаучных и социально-гуманитарных наук. Проанализированы методологические трудности процесса интеграции различных областей знания. Продемонстрированы возможности использования междисциплинарного подхода применительно к различным наукам. Особое внимание уделено практике социологических работ на границе исследовательских полей с экономикой, политикой, экологией и др.: представлены различные рассуждения, анализ и рекомендации по использованию тех или иных методов.

XVI КОНФЕРЕНЦИЯ

Жизненный мир научно-технической и социально-гуманитарной интеллигенции: общее и особенное: сб. статей XVI Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 7 апр. 2015 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редкол.: Анисимов Р.И., Буланова М.Б., Зотова В.А., Колосова Е.А., Кученкова А.В., Майорова-Щеглова С.Н., Стрельникова А.В., Тощенко Ж.Т., Цапко М.С., Цыбикова Д.Г.; ред.-сост. Цапко М.С.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. — Москва: РГГУ, 2015. — 518 с. (*Интеллигенция и современность. Вып. 16*).

В сборнике раскрываются сущность и содержание жизненного мира современной российской интеллигенции. Представлены попытки сопоставить жизненные миры научно-технической и гуманитарной интеллигенции, ее проблемы и задачи, поиски соответствия требованиям современного этапа развития общества. Учитывая многообразие жизненного мира интеллигенции, значительное внимание уделено анализу политических, экономических и трудовых реалий ее жизни. Раскрыта специфика культурной жизни: от общих проблем до конкретных форм участия или воздействия на жизненный мир (кино, театр, литература и др.). Рассмотрены общие проблемы состояния и развития нравственности в деятельности разных групп интеллигенции, а также традиции и новаторство в жизни молодой смены интеллигенции.

XVII КОНФЕРЕНЦИЯ

Социология жизни: теоретические основания и социальные практики: сб. статей XVII Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 7 апр. 2016 г. /

под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редкол.: Анисимов Р.И., Буланова М.Б., Зотова В.А., Колосова Е.А., Тощенко Ж.Т., Цапко М.С., Шевченко И.О.; ред.-сост. Цыбикова Д.Г.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. — Москва: РГГУ, 2016. — 463 с.

(*Интеллигенция и современность. Вып. 17*).

В сборнике рассмотрены теоретические и эмпирические проблемы новой концепции — социологии жизни, концентрирующейся на изучении жизненного мира людей в единстве общественного сознания, поведения и окружающей среды, анализируются опыт разработки и интерпретации основополагающих понятий новой концепции и социологической теории в целом, также представлен анализ современных социально-экономических, политических и культурных практик основных социальных групп российского общества. Особое внимание уделено изучению новых практик организации и осуществления участия людей в различных сферах общественной жизни, объективных и субъективных характеристик качества жизни россиян.

XVIII КОНФЕРЕНЦИЯ

Профессиональная культура российской интеллигенции: сб. статей XVIII Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 30 марта 2017 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редкол.: Анисимов Р.И., Борисова П.А., Буланова М.Б., Колосова Е.А., Тощенко Ж.Т., Цапко М.С., Шевченко И.О.; ред.-сост. Цыбикова Д.Г.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. — Москва: РГГУ, 2017. — 444 с.

(*Интеллигенция и современность. Вып. 18*).

Настоящий сборник посвящен анализу профессиональной культуры российской интеллигенции: ее состоянию, тенденциям и проблемам развития. Рассматриваются общетеоретические подходы к изучению профессиональной культуры, а также функционирование различных профессиональных групп и специфика трудовой карьеры работников сфер экономики, культуры, здравоохранения, государственной службы, армии, правоохранительных органов и др. Особое внимание исследователи уделяют вопросам этики и мотивации трудовой деятельности, анализу роли профессионального образования, поиску способов повышения и развития профессиональной культуры.

ХІХ КОНФЕРЕНЦІЯ

Смыслы жизни российской интеллигенции:

сб. статей ХІХ Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 26 апр. 2018 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редкол.: Анисимов Р.И., Буланова М.Б., Зотова В.А., Колосова Е.А., Круковская А.В., Кученкова А.В., Тощенко Ж.Т., Цапко М.С., Шевченко И.О.; ред.-сост. Цыбикова Д.Г.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. — Москва: РГГУ, 2018. — 396 с. (*Интеллигенция и современность. Вып. 19*).

Сборник посвящен новому для социологии понятию — смыслу, который рассматривается как качественная определенность жизненного мира, состоящего из общественного сознания, поведения и окружающей социальной среды. В центре внимания — смысл жизни современной российской интеллигенции, особенности его реализации во всех сферах современного российского общества — экономической, социальной, политической и духовно-культурной, а также в публичной и повседневной жизни. На этой основе раскрываются устойчивые смыслообразующие ценностные ориентации, а также мировоззренческие принципы, которыми люди интеллектуального труда руководствуются и которые они осуществляют в своих взаимоотношениях с обществом, государством и окружающим миром. Особое внимание уделяется анализу существующих в реальности многообразных жизненных миров групп интеллигенции, которые олицетворяют различное, в том числе и новаторское смысловое содержание.

* * *

В 2018 г. на основе всероссийского социологического исследования была опубликована монография:

Как живешь, интеллигенция? Социологические очерки:

коллективная монография / Р.И. Анисимов, М.Б. Буланова, И.В. Воробьева, Е.А. Гришина, А.В. Кученкова, Ж.Т. Тощенко, М.С. Цапко, И.О. Шевченко; отв. ред. Ж.Т. Тощенко. — Москва: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2018. — 352 с.

В основе монографии — данные социологических исследований жизненного мира в 2014 г. и 2016 г., которые в сопоставлении с информацией других социологических центров объясняют противоречивость процессов, происходящих в среде гуманитарной интеллигенции —

преподавателей, работников здравоохранения и культуры. Авторы пытаются ответить на дискуссионные вопросы — можно ли говорить о современной интеллигенции как о реальном феномене, или она становится достоянием истории, как много черт, присущих предшественникам, были сохранены современной российской интеллигенцией — высокая нравственная ответственность, ориентация на соблюдение интересов народа, стремление олицетворять образцы профессиональной культуры, быть примером как в общественной (публичной), так и в личной (частной) жизни. Осуществлен анализ основных смыслов деятельности интеллигенции во всех сферах общественной жизни. Особое внимание уделяется качеству жизни, трудовой деятельности, проблемам занятости, социальному благополучию, которые во многом выявляют черты прекарности (т.е. ненадежности, непрочности) социального положения этих социальных общностей (групп) на современном этапе развития российского общества.

Теоретико-методологическая основа этих исследований нашла отражение в монографии Жана Терентьевича Тощенко: Тощенко, Ж.Т. **Социология жизни:** монография / Ж.Т. Тощенко. — Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. — 399 с. — (Серия «Magister»).

В монографии обосновывается возможность анализа общественных явлений и процессов с позиций новой теоретической концепции — социологии жизни. В ее основе лежит представление о жизненном мире, образуемом триединством таких индикаторов, как реально функционирующее общественное сознание, действительное поведение людей, которые реализуются в условиях макро-, мезо- и микромира. Анализируются генезис идей социологии жизни, ее объект и предмет, понятийный аппарат, структура и уровни социологического знания. Особое внимание уделяется ранее практически не используемому в социологии понятию «смысл жизни», которое позволяет глубже проникнуть в жизненный мир людей, точнее описать и интерпретировать анализируемые социальные проблемы для получения надежной достоверной и ориентированной на практику информации. На этой основе дается описание многообразия жизненного мира, его позитивных и негативных характеристик.

Научное издание

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

современного российского
общества: поиски смысла жизни